

Карнек Курманов

ИСПОВЕДЬ ЮРИСТА

*Автобиографический очерк,
посвященный 85-летнему юбилею автора*

Бишкек - 2013

УДК 34
ББК 67
К 93

Ответственный редактор:

Курманов Карпек Шамсединович.
К 93 Исповедь юриста. Б.: 2013. - 180 с.

ISBN 978-9967-08-438-4

Данная книга известного юриста, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Кыргызской Республики Карпека Шамсединовича Курманова носит автобиографический характер и посвящена анализу событий прошедшей жизни, трудностей на пути становления отечественной государственности, рассказывает о прекрасных людях и высоких человеческих отношениях, царящих среди них, несмотря на мрак сталинщины и душной атмосферы репрессий, духа доноительства и всеобщей подозрительности. Правдивая книга автора раскрывает также нелицеприятные стороны советской карательной политики и системы. Написана она в виде очерков и обращена в будущее, к молодому поколению, ибо содержит в себе ценные наиздания и рассуждения о нашем прошлом, настоящем и будущем.

Книга также адресуется широкому кругу читателей.

К 1201000000-13

ISBN 978-9967-08-438-4

УДК 34
ББК 67
© Курманов К.Ш., 2013

Оглавление

Вводное слово.....	5-6
1. Начало. Мой дед Курман.....	7-12
2. Восстание 1916 года.....	12-15
3. Мой отец Шамседин. Массовые репрессии.....	16-26
4. Учеба в Джамбульском училище.....	26-27
5. Москва-Ленинград.....	27-32
6. Командировка в Китай	32-36
7. Неожиданная встреча.....	37-38
8. Работа в прокуратуре республики.....	38-40
9. В прокуратуре Фрунзенской области.....	40-47
10.Первый донос	47-50
11. Учеба в Москве.....	50-53
12. Снова донос.....	53-56
13. В министерстве торговли.....	56-57
14. Махмуд Эсамбаев, чеченцы и другие.....	57-61
15. «Еврейское дело».....	61-67
16. Аресты.....	67-69
17. Круги расходятся.....	69-77
18. Закон обратную силу не имеет.....	77-86
19. Негодяй из прокуратуры.....	86-90
20. Антимилицейское восстание в г.Фрунзе.....	91-94
21. Анипа.....	94-96
22. Мой друг хирург Мирнасыр.....	96-98
23. Дело С.....	98-100
24. На научной работе.....	100-105
25. Снова в Алма-Ате.....	105-108
26. Защита кандидатской	108-110
27. Работа в университете.....	110-111
28. Караганда.....	111-116
29. Возвращение домой.....	116-117
30. Авгиевы конюшни.....	117-119
31. Ташкентский облом.....	120-122
32. Опять Алма-Ата.....	123-124
33. Защита докторской.....	124-126
34. Мой брат Юсуп и другие.....	126-128
35. Друзья историки и художники.....	128-133
36. Институт переподготовки.....	133-135
37. Выборы в Академию наук.....	135-136
38. Командировка в Америку.....	137-140
39. Мой друг Элеген.....	140-142

40. Юридическая академия.....	142-145
41. Мои ученики.....	145-146
42. Дорогие соседи.....	146-147
43. Моя семья.....	147-159
Приложения.....	160-165

От автора

Оглядываясь назад, с высоты прожитых лет, я не ощущаю обиду за свою трудную жизнь. Она закалила меня, как и многих моих сверстников. Мы все вместе с окружающими нас людьми: родителями, родственниками, друзьями, коллегами и знакомыми, гражданами моей родины пережили все тяготы и радости этой эпохи, все, что творилось в бывшем СССР, и, более двадцати с лишним лет независимости происходит в Кыргызской Республике. О своей эпохе, о будущем я пишу и размышляю в своем автобиографическом очерке, чувствуя свою ответственность за судьбу своего народа, своей страны.

В годы советской власти при В.И. Ленине для кыргызского народа было много сделано позитивного. Главное – он был спасен от уничтожения русскими колонизаторами и переселенцами из царской России. Кыргызскому народу была представлена возможность возродить свою национальную государственность в виде автономной области, затем автономной республики в составе РСФСР, и, наконец, союзной Киргизской ССР в составе СССР.

Вождь народов И.В. Сталин после смерти Ленина, объявив себя знаменосцем ленинизма и продолжателем его дела, нарушил слово и пошел по пути установления тоталитарного политического режима, начал политику массовых репрессий в 30-е годы, которая унесла жизнь свыше 60 млн. человек. Заложил основы проклятой бесчеловечной номенклатурной системы, от которой мы никак не можем избавиться.

С приходом к власти Н.С. Хрущева был разоблачен, развенчан культ личности Сталина, стало легче дышать, прекратились массовые убийства. Страна пережила политическую «оттепель», но в экономике начался застой, который продолжил Л.И. Брежнев, правивший страной 18 лет и ничего не сделавший серьезного для простых людей, чтобы изменить жизнь к лучшему.

Приход к власти М.С. Горбачева ознаменовался ускорением и перестройкой, приведшей к катастрофе и развалу великой страны.

Моя страна – Кыргызстан, обрета независимость, вот уже 20 с лишним лет не может встать на ноги из-за неверия руководства в созидательные силы своего народа. Итог такого бездарного правления плачевный - создание системы кланово - семейного управления и изгнание из страны в ходе двух народных восстаний 2005 и 2010 годов.

Их печальный опыт должен и обязан стать уроком для грядущих поколений и будущих руководителей страны.

Карпек Курманов

1 сентября 2012 года

Бишкек

1. Начало. Мой дед Курман

Я родился в то время, которое китайцы обычно называют «эпохой перемен». Шел десятый год революции. Это был 1928 год, год моего рождения. Месяц родители не помнили, ибо свидетельств о рождении в то время не выписывали, а кыргызы у властей их и не спрашивали, так как у них не было традиций и обычаев справлять свои дни рождения. Очень смутно помню окружавших тогда нас родственников, дом моего деда с несколькими комнатами, окнами и с большим крыльцом, где я носился. Такой дом в нашем аиле Кош-Добо, переименованный Советской властью в Кызыл-Туу, кажется, был единственным. Остальное население жило в юртах. Мой дед был в свое время очень известным и влиятельным родоправителем, чон-манапом Загорной волости, так раньше русские называли Джумгал. Титул «манап» носили кыргызские феодалы и передавался он по наследству. Великий русский ученый-тюрколог В.В. Бартольд писал, что «манапами у кыргызов становились избранные люди, выделявшиеся храбростью и мудростью среди прочих и становившиеся во время внешних нашествий во главе народа»¹.

Раньше правители назывались у нас «биями» и выбирались ежегодно на жыйынах (народных собраниях). Предводитель племени назывался сначала чон-бий (верховный бий). Так называли выборных вождей. Впоследствии они стали называться чон-манап (верховный манап), когда они превратились в класс кыргызских феодалов. Помимо верховных манапов, были манапы рангом поменьше, пониже, которые управляли родами, аилами и кыштакими. Появление института манапства означало окончание доклассового этапа в развитии кыргызов и переход его к стадии феодализма. Этот институт у нас возродился после вхождения в состав молодого и агрессивного Кокандского

¹ См.: Бартольд В.В. Кыргызы. Исторический очерк. Соч. т.2. Ч.1. – М.: 1963. – с.529-537.

ханства, представлявшего из себя типичное восточное деспотическое государство феодального типа. Естественно, что оно не могло потерпеть у себя никакой «кочевой демократии». Для того, чтобы все было понятно русскоязычному или иностранному читателю, поясню, что манапы были кыргызскими дворянами, родоплеменной аристократией, пожизненным сословием, а чон-манапы – удельными князьями. Ханы у кыргызов были выборные и избирались лишь в случае внешней военной угрозы для командования военными действиями. После окончания военной кампании, хан снова становился верховным правителем своего племени, но титул хана сохранялся за ним пожизненно, без права передачи по наследству. Эти общие знания очень пригодятся для понимания того, о чем я буду писать немного позже.

Был Курман из племени саяк, рода кургак. В 1912 году он принял участие в выборах волостного управителя (болуша) и одержал победу над своим родоначальником – чон-манапом Кокумбаем Чыныевым, который был главой всего племени. Победа на местных выборах автоматически изменила и существующую родоплеменную иерархию, Курман занял в ней место проигравшего, т.е. стал новым чон-манапом саяков. Проигравший не имел морального права оставаться вождем после своего поражения. Таков был обычай, который, как писал Абдыкерим Сыдыков в своем «Кратком очерке истории кыргызского народа», в 1920 году, в газете «Пишпекский листок» гласил: «Звание манапа было наследственным, но с известным ограничением: тот манап, который ронял свой нравственный престиж или впадал в бедность, переставал быть манапом»².

Дед работал под началом Кокумбая и имел статус аткаминера, иными словами, был его приближенным, который выполнял функции гражданского и военного управления. Этот институт был характерным для этапа становления сословного общества и появления служивого класса - дворянства, начавшегося

² См. в кн.: З.Курманов, В.М.Плоских, С.Бегалиев, Ч.Ногойбаева, З.Ф. Сорокина. Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер. – Бишкек: Кыргызстан, 1992. – С.81.

формироваться в окружении удельных кыргызских родоплеменных князей. Вследствие политической эволюции это сословие стало одним из основных источников формирования нового правящего класса феодалов.

Однако одержав победу на выборах, сам Курман не стал болушем, а посадил на свое место старшего сына Искака, что не запрещалось российскими законами. Колониальным властям при выборах в органы местного самоуправления, прежде всего, было важным соблюдать родоплеменной баланс, чтобы среди местного населения не было волнений, бунтов и восстаний, которые с трудом удалось остановить после нелегкого «присоединения» кыргызов к России. Их не интересовали личности и персоны. Часто практиковалась практика передача власти по очереди от одного рода другому, чтобы не было монополии на местах.

Курман Лепесов родился примерно в 1860-70 годах, в Джумгале. Был единственным сыном у кочевника Лепеса. В доклассовом кыргызском обществе не было деления на бедных и богатых, все имущество принадлежало кровнородственной общине, где глава выступал лишь распорядителем общего имущества. Поэтому трудно установить личный достаток прадеда, да и зачем это. На востоке главным признаком силы было обладание властью, а не богатством, как это имело место у западных народов. У кыргызов же главным индикатором было – чей он сын, кто его предки, из какого рода? Этим определялось – достойный ли это человек. Уважение личности было косвенным, опосредованным. По-нашему родовому санжыра, а мы знаем имена 16 своих предков, их общий статус определить весьма сложно. Среди них есть родовые правители, военачальники, батыры, муллы, так как в степи власть и положение людей менялись быстро. Один вражеский набег и ты уже никто, в лучшем случае. Иногда ведь и в рабство продавали, и жизнь могли отнять. Вот имена моих предков – Шамседин, Курман, Лепес, Байтоло, Дуйшегул, Таттыбай, Чуко, Кунтууду - бий, Курманкожо - бий, Мангыт, Тугол

бий, Шакир - Молдо, Эшенкарек, Муратай, Сабатай и Чыбытай. Последние двое, сказывают, были военными предводителями в войсках Чингиз-хана.

Как рассказывали старожилы, возмужав, Курман стал выделяться среди своих сверстников искусными речами и рассудительными размышлениями, благородными поступками, умением вести переговоры, добиваться справедливых решений. Был он очень сильным человеком, батыром. Это отмечали даже большевистские газеты в 1926 году, во время судебного процесса над Курманом Лепесовым и группой кыргызских родоначальников и партийных руководителей. «Такого богатыря, - писал редактор «Батрацкой правды» Прохоров, - обычная кыргызская лошадь не снесет». Мощь и сила в кыргызской степи тоже были важными аргументами в борьбе за власть и влияние. Поэтому становление моего пассионарного деда аткаминером, а затем родоначальником племени саяков, было скорее закономерным, чем случайным явлением.

Курман был отцом большого семейства. Моя бабушка Гулькан родила ему восьмерых сыновей и дочь. Сыновей, перечисляю по старшинству, звали – Искак, Шамседин, Насердин, Самудин, Султанидин, Зайнидин, Шарापидин, Кемелидин и дочь Куласал, ставшая прообразом главной героини в романе нашего дяди Тугельбая Сыдыкбекова «Зайыптар». Почему арабские имена? Старожилы рассказывали, что мой дед в молодые годы совершил паломничество в Мекку и стал ходжой. С тех пор он стал называть своих детей арабскими именами.

По словам ветеранов, Курман был прогрессивным человеком своего времени, ценил знание, образованность и культуру, широко занимался благотворительностью. На свои средства он открыл в Джумгале для местных ребятешек мусульманскую школу – медресе. Учитель - молдо был приглашен то ли из казанских, то ли из уфимских татар. Они в то время считались ведущими в мусульманском мире специалистами и по праву претендовали на духовное лидерство, генерируя и распространяя по всему миру, объединяющие

тюрков и мусульман, идеи пантюркизма и панисламизма. Впоследствии Курман вступит в ряды партии «Алаш», стоявшей по национальному вопросу на пантюркистской платформе. Благотворительностью и строительством школ на местах занимались многие кыргызские манапы и просветители: Шабдан Джантаев, Узбек Сыдыков, Дуур Сооромбаев, Ишеналы Арабаев и другие.

Все дети Курмана были обучены грамоте в этом медресе. Дедушка лично периодически устраивал проверки знаний своих отпрысков. Мне рассказали один случай, как Курман-ата проверял знания своих детей. Обычно он сажал всех в общий круг и требовал, чтобы каждый поочередно вслух читал Коран. Все дети прошли проверку успешно, за исключением Самудина-байке, который не справился с задачей. Дед, конечно, не был знаком с педагогической методикой Макаренко и здорово его поколотил. Потом Самудин каялся братьям: «Вы, оказывается, убегали с уроков что-то зная, а я дурак, убежал с вами ничего не зная, за это и получил трепку от отца».

Курман, думая о будущем, придавал большое значение не только обычной традиционной грамоте, но и знанию русского языка, обретению европейских знаний. Самых толковых и подающих надежды сыновей - Шамседина (моего отца) и дядю Султана он отправил на учебу в частную русскую гимназию в Пишпек, которую содержал педагог Иваницын, однофамилец большевистского руководителя Пишпека. Обязательными предметами в гимназии были : закон Божий, русский, немецкий, французский и латинский языки, словесность, история, этика, география, природоведение, математика, чистописание и другие. Жили они в отдельном пансионе (интернате) при гимназии. Факт учебы в гимназии позволяет предполагать, что дедушка Курман изначально готовил им другую участь, не похожую на жизнь его народа, горных и степных кочевников. С присоединением кыргызов к России начался переход к другой цивилизации, к другой культуре, к другой жизни. Дед Курман это тонко улавливал и понимал, он был мудрым правителем. И поэтому хотел поймать новое время за бороду. Он делал это,

строя школы для кыргызских детей, посылая сыновей в гимназию в надежде, что они станут образованными людьми, способными самостоятельно решать судьбу своей страны и своего народа. И они оправдали его надежду, хотя и ценой собственной жизни. Послал бы дед и Зайнидина, но он был еще мал. Впоследствии, он быстро нагонит старших братьев. Поедет на работу в Ташкент, женится на красавице-еврейке, от которой у него родятся две дочери. И трагически погибнет в 23 года по обвинению в контрреволюции.

За обучение сыновей в гимназии на протяжении 7 лет с проживанием и питанием Курман платил за каждого по 12 рублей ежегодно, что было по тем временам целым состоянием. Скажу больше, в это время не у всех манапов и родоправителей было мышление, адекватное требованиям времени. Русским нужны были кадры для туземной, как они говорили, администрации. Для этого открывались начальные русско-туземные школы, куда набирали только представителей местных народов. Однако некоторые манапы и баи отказывались посылать туда своих детей, так как они боялись, что они станут «кафирами». Вместо своих детей стали посылать детей своих зависимых родственников, которые затем выбивались в люди и делали большую карьеру (ну прямо, как в петровские времена). Одним из таких был Кожомурат Сарыкулаков, сын бедняка. Его заметили русские власти и отправили учиться в Верненскую гимназию, которую он окончил с серебряной медалью. Затем за счет государства его отправили учиться в Киевский университет на юридический факультет, но, к сожалению, он заболел и скоропостижно скончался. Об этом мне рассказывал мой сын Зайнидин, историк по образованию.

2. Восстание 1916 года

Таким образом, накануне восстания 1916 года у родового вождя Курмана Лепесова было два грамотных сына, знающих русский язык, что впоследствии сослужит для нашей семьи спасительную роль.

Курман Лепесов, как свидетельствуют архивные источники, был активным участником и предводителем одного из отрядов повстанцев, о чем есть соответствующее упоминание в учебнике по истории Киргизии, где также есть сведения о том, что он отказался от предложения восставших провозгласить его на местном курултае ханом. По рассказам моего отца Шамседина Лепесова (1898 года рождения), в 1916 году после поражения национального восстания Курман со своими сыновьями и другими родственниками собрались бежать в Китай. Но не успели, так как командир карательного отряда Кошкин со своими казаками внезапно прибыл в Джумгал и захватил их в плен. Арестованными и запертыми в сарай оказались Курман со своим старшим сыном болушем Искаком и Шамседином. Ежедневно Кошкин без суда и следствия казнил через повешение пленных участников восстания, на которых указывали как на обидчиков местные русские переселенцы. Когда очередь дошла до Курмана и его сыновей, то за них вступились некоторые русские. Показывая на моего отца Шамседина они твердили, что он за них заступался и не давал в обиду. В связи с этим Кошкин не стал всех убивать, а решил казнить только старшего сына, болуша Искака Лепесова, который как государственный служащий совершил измену империи. С петлей на шее, обращаясь к генералу, он якобы сказал ему: «Какая вам польза от того, что вы меня повесите, лучше дайте мне возможность вернуть доверие белого царя». Тогда Кошкин предложил ему помочь склонить к сдаче в плен Канат-хана, предводителя всех восставших, на что Искак дал согласие. Дед и мой отец были оставлены в качестве заложников, а Искак в сопровождении отряда казаков поехал искать в горах Канат-хана.

Давая такое поручение Искаку, каратель не мог не знать о том, что Курман и Канат - хан являются сватами. Сын Канат-хана Карыпбай был женат

на красавице Куласал - дочери Курмана, руки которой безуспешно добивались многие выдающиеся джигиты. Поэтому «предательство» Искака рассматривалось как двойная выгода для России: во - первых, был бы пойман и пленен Канат-хан, предводитель восстания кыргызов, был бы погашен главный очаг сопротивления; и, во - вторых, был бы внесен политический раскол в родоплеменные отношения кыргызов на будущее, чтобы они никогда не смогли снова объединиться.

Мой сын Зайнидин рассказывал, что изучая архивные материалы, находящиеся на хранении его близкого друга - кандидата исторических наук, доцента Сувакуна Бегалиева, который занимался исследованием этой темы, он обратил внимание на одну интересную особенность. Царские награды во время восстания 1916 года сыпались на кыргызов как «из рога изобилия». «За подавление восстания» награждали даже самих участников и предводителей восстания, чтобы бросить на них тень. И эту лживую чудовищную наживку, фальсификацию, затем проглотили некоторые историки, у которых не все в порядке с логикой. Царским орденом был награжден даже отец - основатель Кыргызской советской республики Абдыкерим Сыдыков за «толковую передачу команд при отражении нападения повстанцев». Затем тупые и жалкие недоброжелатели и конкуренты шипели ему вслед, клеветали на него, обвиняли в «предательстве», копались грязными ручонками в его белье. Пытались очернить благородного человека, который пошел на смерть ради любви к своей стране и своему народу. Но это им не удалось. Где теперь эти клеветники? Кривда вышла на Правду.

Что оставалось после этого думать простым людям, кроме возмущенного – «Вот гады! Вот предатели!». Дело было сделано, зерно недоверия посеяно. Поэтому нельзя верить этим липовым указам и наградам. Это делалось сознательно, чтобы внести раскол среди восставших, нарушить их единство. Историкам незрелого сознания надо знать эти приемы колониального

манипулирования общественным мнением. Они и сейчас нередко используют этот инструмент, чтобы оболванить население.

Но вернемся к нашему повествованию. Искак, тоже впоследствии станет жертвой липового награждения и вслед ему недоброжелатели и завистники будут шептать гнусные вымыслы, в которых нет правды. По - видимому, Искак знал, где прятался в труднодоступных горах Тянь - Шаня от русских карателей Канат - хан, так как он, попросив сопровождающий его отряд остаться у подножья, один отправился на поиски. Казаки были только рады этому предложению. Кому было охота умирать в логове истерзанного, но все еще сильного и отважного горного барса?

Придя в убежище Канат - хана и его сопровождающих, спрятанных глубоко в горах, Искак с камчей на шее пал перед ханом на колени со словами: «Куда, убей меня! Я пришел за Вами. В заложники взяты мой отец и брат».

Канат-хан приказал накрыть угощение, поговорил с Искаком о семейных и других делах, а потом в конце сказал ему: «Возвращайся куда и передай русским, что я сам скоро приду к ним». Все так и случилось. Канат-хана Абукина арестовали и отправили в Верный, где военный трибунал приговорил его к смертной казни через расстрел. Однако, расстрел по рассказам его невестки Куласал - эже, был заменен на умерщвление через мышьяк. Во время бритья головы ему сделали смертельный порез зараженным ножом. Царская власть, в отличие большевиков, хоть соблюдала общие приличия и правила, согласно которым недопустимо было проливать «царскую кровь». 1 февраля 1917 года не стало последнего Хана всех кыргызов Каната Абукина.

После февральской революции, как свидетельствуют архивные источники, мой дед Курман Лепесов и его сын Искак вступили в казахско-кыргызскую партию светского направления «Алаш - Орда», были делегатами нескольких Киргизских съездов (так назывались съезды партии). Впоследствии большевиками это будет инкриминировано им, как «антисоветская деятельность».

3. Мой отец Шамседин. Массовые репрессии

После октябрьской революции в России 1917 года в Киргизии наступают новые времена, с помощью правительства и собственными силами кыргызы, сбежавшие в Китай, начинают возвращаться домой. К советской власти, которая громогласно обещала избавление от национального гнета, равенство, братство и справедливость, дружбу народов и вообще рай на земле, искренне поверив в эти декларации, примкнули многие кыргызские вожди и интеллигенты. Или, точнее говоря, приняли новую власть. Среди них был мой отец, его братья и даже мой дед – феодал, как его называли марксисты. Он вернулся в родной Джумгал и жил в своей родовой ставке жизнью, далекой от любой политики.

Мой отец, как грамотный и авторитетный среди населения человек, назначается Советской властью начальником уездной милиции в Нарыне. Участвует в подавлении Нарынского мятежа, организованного белогвардейцами против Советской власти. По его воспоминаниям, ему сообщили, что один из расстрелянных накануне участников восстания оказался живой. Отец, будучи начальником милиции, велел ему прийти и рассказать, как это случилось? Подумал, что второй раз стрелять в него не будем. Через какое-то время он пришел и рассказал: «Когда нас оставили в одном белье перед огромной ямой, куда падали расстрелянные тела (дело было при луне, зимой), меня падающего пуля задела вскользь, повредив на затылке кожу. Я лежал, на меня падали трупы, лилась кровь. Когда расстрел закончился, солдаты, засыпав ров снегом, ушли. Я выкарабкался из ямы весь мокрый, в крови и побежал домой...» Отец так и поступил, не расстрелял. Подвела дворянская выучка. И он ушел из органов на гражданку.

Курман Лепесов в 1926 году был осужден выездной сессией Верховного суда РСФСР в составе большой группы влиятельных кыргызских политиков и

родоначальников. В их числе были лидер союза «Кошчи» Рахманкул Худайкулов и его правая рука - секретарь Киробкома партии Дуйшеналы Бабаханов, манапы Кокумбай Чыныев и Мамыт Абаильдинов. Их судили как социально опасных для существующего строя элементов. Моего деда приговорили к ссылке на Украину сроком на 10 лет. Кокумбая - к тюремному заключению сроком на 10 лет. По дороге в ссылку дед умер в г.Соль-Илецк, где и был похоронен сопровождавшими его родственниками.

Из Джумгала во Фрунзе мои родители уехали в 1930 году. Мой отец был «красным профессором». С 1930 по 1932 годы он учился в Институте красной профессуры в Москве, по специальности экономист. После окончания института был назначен главным бухгалтером Правительственного дома отдыха в с. Ала-Арча (Воронцовке). Будучи мальчиком 5-6 лет помню, как верхом на лошадях в сопровождении большой свиты к нам приезжал председатель Центрального Исполнительного Комитета Киргизской АССР, наш киргизский аксакал Абдыкадыр Орозбеков. Он сидел на красивом скакуне, который ни минуты не стоял на месте, одетый в парчовый халат, расшитый золотом и огромном тебетее из дорогого меха. Он мне казался ханом, вышедшим из кыргызских сказок.

В доме отдыха наша семья пережила страшный голод, разразившийся в 1931-32 годах частично у нас и полностью охвативший Казахстан, где умерло около 2,2 млн. человек, а 800 тыс. бежало из страны. Мы тоже были очевидцами, как за высоким решетчатым забором дома отдыха то тут, то там умирали голодные люди. Это было страшное зрелище. Вооруженные солдаты, охранявшие специальный объект, не пускали их на территорию. Взрослые говорили нам, что это казахи.

Вскоре пришел 1933 год, и начались массовые репрессии Сталина против своего народа. С 1933 по 1936 годы по обвинению в принадлежности к Социал-Туранской партии (СТП) было арестовано около 60 человек (затем их число стало расти по геометрической прогрессии), в том числе мои дяди Султан,

Самудин, Зайнидин, Искак, Шарапидин и Кемелидин Курмановы. Иногда они проходят по материалам следствия, как Лепесовы. Был также арестован наш жезде Карыпбай, сын Канат-хана, который просидел в молдовановской тюрьме более 20 лет. Султан и Зайнидин Курмановы были, по материалам следствия, активными участниками создания СТП.

Мой отец Шамседин, имевший на иждивении пятерых детей - Аскарбека, Юсупбека, меня, Осмонбека и Бибинур, а также детей репрессированных братьев Самудина (Куляй и Эмильбек), Искака (Кайпек), был вынужден в целях безопасности переехать в соседнюю республику в село Георгиевка, Курдайского района, Жамбульской области, где он устроился главным бухгалтером Курдайского районного отдела финансов. Такой переезд за 20 км от города Фрунзе, конечно, не мог спасти нас от вездесущего НКВД, но нас это спасло. В таких случаях говорят «кудай сактады». Впоследствии Зайнидин был приговорен к расстрелу. Султан, Искак, Самудин, Шарапидин умерли в лагерях или тюрьме, Кемелидин отсидел 8 лет.

Подробно об этих драматических событиях написал мой сын Зайнидин Курманов в своей фундаментальной монографии на 385 страницах: «Национальная интеллигенция 20-30 годов: вклад в возрождение национальной государственности и борьбу с тоталитарно-авторитарным режимом» (Бишкек, 2005).

Есть смысл привести отрывки из этой книги, чтобы читатели знали, что из себя представляла Социал-Туранская партия, какие у нее были цели, ради чего боролись наши предки? Идеологом туранистов, как мне известно, был известный политик 20-х годов и татарский премьер-министр М.Султан-Галиев, который мечтал об объединении всех тюрков в одном государстве – Туранской республике.

По признанию А.Шабданова, одного их потомков Шабдан-батыра, и организатора партии: «...основной целью «Социалистической Туранской партии»... являлось образование федеративного социалистического

Туранского государства на территории Средней Азии, в состав которого должны были войти Узбекистан, Кыргызстан, Туркмения, Кара-Калпакия, Казахстан. Это государство должно было отделиться от СССР. Достижение социализма в этом государстве на первом плане мыслилось не через экспроприацию промышленности и национализацию земель. На первом этапе должно было быть развитие промышленности и земледелия по типу эпохи промышленного капитала. На втором этапе промышленность и земледелие должны были иметь признаки коллективизации, а последний третий этап, переход промышленности и земель в собственность государства. Этот переход мыслился не посредством пролетарской революции, а посредством вращивания капитала в социализм эволюционным путем...

Группа здравомыслящих национальных интеллигентов, озабоченная тяжелым экономическим положением в крае и карательной политикой по отношению к крестьянству, все глубже задумывалась над будущим Кыргызстана, однако не предпринимала никаких шагов к организационному оформлению оппозиции. Единственное, что было сделано в этом направлении, это присвоение оппозиционерами псевдонимов.

На одном из допросов 22 июня 1933 г. во Фрунзе А.Шабданов рассказал: «Сыдыков Абдыкерим был назван Манасом, Шабданов Аджиман имел псевдоним Темир, Лепесов Зайнетдин - Борон, Хашимбеков Насреддин - Борошо, Сопиев Турды Акун - Шан, Тюменбаев Хашимбек - Кайрат»...

Как мы уже знаем, лидером оппозиционеры видели только А.Сыдыкова - деятельного, грамотного администратора, проявившего свой талант в первой половине 20-х годов, инициатора манифеста «тридцатки». Он был автором научных работ, трезвым идеологом, видевшим пагубность официального курса большевиков в диктате партии и полном игнорировании нужд народа и реалий общественной жизни.

Свои идеологические воззрения оппозиционеры попытались было выразить в Программе и Воззвании, но необходимого завершения они не получили...

По делу СТП в 1933 г. было привлечено 23 человека, со временем количество репрессированных росло, так как «появились» по воле следователей региональные филиалы партии, а затем» 1937-1938 гг. аресты стали массовыми...

*В воспоминаниях оставшихся в живых участников этого процесса неоднократно упоминалось применение угроз и пыток, но сами, палачи в этом официально, конечно же, не признавались, особенно на раннем этапе репрессий в 1933 г. В деле же о СТП документ об этом сохранился в примечании к протоколу допроса Исхака Курманова (родного брата Султана и Зайнетдина Курманова - З.К.) , дехканина из Джалал-Абада, который категорически отрицал свое участие в контрреволюционной деятельности. Не сумев добиться «признания», допрашивавшие его 15 июля 1933 г. в Оше следователи Маевский и Рачко в примечании к протоколу допроса, явно подстраховывая себя, записали: «Допрос Курманова Исхака приведен мною с **применением попытки его обработать** (выделено нами - З.К.). Задавалось вопросов значительно больше, чем отмечено в протоколе. В частности, были сделаны намеки на связь с Сыдыковым Абд. Курманов категорически отрицал проведение какой-либо контрреволюционной работы, не отказываясь оттого, что к нему приезжали бай-мананы с севера Киргизии». И.Курманов плохо владел русским языком, допрос шел через переводчика, а протокол подписал собственноручно - «по-арабски»...*

Исхак Курманов был сыном известного джумгальского манана из рода «Саяк» Курмана Лепесова. До революции Исхак был волостным управителем Джумгала, выиграв выборы у верховного манана джумгальских саяков Кокумбая Чининова. В 1916 г. отец и сын принимали активное участие на стороне восставших против русских колонизаторов.

Курман Лепесов, как уже говорилось выше, был осужден в 1927 г. по делу «Ур-Токмок» вместе с Худайкуловым, Бабахановым и Чининовым, хотя был с ними по разные стороны политических баррикад. В том же году во время

этапирования он умер в г.Соль-Илецк по пути в ссылку. В связи с началом политики выселения бай-манапства все его дети и близкие были сосланы на юг Кыргызстана.

Исхак Курманов был арестован в г.Джалал-Абаде в возрасте 43 лет. До 1938 г. сидел в заключении по делу СТП. 30 июня 1941 г. был снова арестован, когда работал в колхозе «Кызарт» Джумгалского района. 15 декабря 1941 г., когда немецкие оккупанты стояли под Москвой, был приговорен к расстрелу, замененному на 10 лет лагерей. В 1954 г. вышел из заключения и вскоре умер.

Султан Курманов, его младший брат из села Кызыл-Туу, соавтор А.Шабданова по Программе СТП, на момент ареста 9 мая 1933 г. проживал в г.Оше, где преподавал в Хлопковом техникуме. Беспартийный, из манапов. На вопрос об имущественном положении арестованный ответил в анкете: «Кроме книг ничего не имею». Последняя весточка от него в семью пришла в 1935 г. из Верхоянска, где жители теплых регионов обычно долго не протягивали.

23 июня 1933 г. в возрасте 34 лет был арестован по делу СТП еще один брат - Самудин Лепесов (Курманов), работавший приемщиком кожсырья в Алай-Гульчинском райохотсоюзе. Был приговорен к 5 годам лагерей, там же погиб.

Многотомная коллекция дел 1933-1934 гг. По СТП завершается следственным делом Зайнетдина Лепесова (Курманова). В возрасте 23 лет он был осужден к 5 годам, когда работал секретарем ВТЭК в Ташкенте. 15 июля 1937 г. его осуждают повторно по обвинению в контрреволюционной деятельности: «состоял членом к.-р. организации, по поручению которой направлялся для связи за кордон, среди к.-р. националистов рассказывал о своей к.-р. деятельности, восхвалял при этом ее к.-р. организаторов». Тройкой НКВД Узбекской ССР он был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. 25 октября 1937 г. приговор был приведен в исполнение. Реабилитирован был Зайнитдин 12 февраля 1957 г.

По делу СТП был арестован и бесследно исчез еще один член семьи Курмановых - Шарипидин. Никаких сведений о нем нет даже в архивах КГБ-СНБ. Ночью пришли, забрали и исчез.

И еще о двух членах семьи Курмановых. В 1934 г. попал «за антисоветскую агитацию» и приговорен к 8-ми годам лишения свободы младший брат Кемелидин Курманов. А дело было так. Когда он стоял в очереди для передачи посылки брату Султану в тюрьму среди очередников вдруг неожиданно прошла новость - «Кирова застрелили». Разозленный на советскую власть (в тюрьме погиб отец, сидели все братья) он в сердцах громко произнес - «Так ему и надо». На него тут же донесли и он попал в тюрьму. Выйдя из заключения был послан на фронт, отвоевал, вернулся живым. Работал фотокорреспондентом в г. Фрунзе. Умер в 1965 г.

Другой брат Шамседин Курманов был активным участником революционных событий, подавлял нарынский белогвардейский мятеж. Был на низовой советской и партийной работе. Закончил Институт красной профессуры в Москве. Его единственного не тронул молох репрессий. Спасая семьи арестованных братьев, он переехал в с.Георгиевку в соседний Казахстан. Работал заведующим райфинотделом Курдайского района. В один из осенних дней 1943 г. он вышел из дому и больше не вернулся. Лишь спустя несколько месяцев, зимой его тело обнаружили в реке Чу. Официальная версия - убийство совершили дезертиры.

Нельзя не сказать еще об одном близком члене семьи Курмановых - Карыпбае Канатове. Это был старший сын верховного манана кочкорских сарыбагышей, предводителя восстания 1916 г. - хана Каната Абукина. В период восстания он был поднят на курултае кыргызскими мананами на белом войлоке и провозглашен ханом. В 1917 г. он был арестован, а затем казнен... в Верненской тюрьме.

Карыпбай Канатов был женат на дочери манана Курмана Лепесова красавице Куласал. 17 мая 1933 г. он был арестован в с. Кара-Су Узбекской

ССР в возрасте 61 года. По делу СТП был осужден к 5 годам исправработ. В 1937 г. он вышел на свободу, но 6 июня 1941 г. его снова арестовывают во Фрунзе «за антисоветскую пропаганду». 15 декабря 1941 г. его 70-летнего старик приговорили к расстрелу, замененному на 10 лет лагерей с поражением в правах на 5 лет. Из заключения он вышел только в 1954 г., а через год умер. А красавица Куласал Лепесова единственная из семьи, дожидая до глубокой старости. Она умерла в 1987 г. в 97 - летнем возрасте. Пожила за все непрожитые жизни своих близких и родных.

Вот так под предлогом борьбы с «буржуазными националистами» было под корень выведено целое аристократическое родовое древо Лепесовых (Курмановых). Имена Султана и Зайнетдина Курманова достаточно устойчиво и часто повторялось в материалах следствия. Молодой возраст, высокое образование, активная биоэнергетика требовали выхода внутренних сил, самовыражения. Этого же нельзя было сказать о степенных и никогда не занимавшихся политикой Исхаке, Шарипдине, Самудине Курмановых или Карымбае Канатове. И арестованы последние были скорее всего как соучастники, ибо родственники не могли не встречаться друг с другом и вести между собой дела, рассудительные речи. Но ОГПУ-НКВД все это преподносилось как создание сети к.-р. организации, как контрреволюционные действия, направленные против советской власти...

Существенная деталь, характеризующая, пожалуй, всех основных участников группировки: признавая важность революции для судеб народа, они не считали социалистический путь, на который вступила страна с его тоталитарным режимом и диктатом партии в лице ее вождя Сталина, единственно верным...

В 1934 г. было вынесено обвинительное заключение по делу № 5630 «О националистической к.-р. организации в Киргизии «Социал-Туранская партия (СТП)». 28 февраля, на заседании коллегии ОГПУ А.Шабданова приговорили к расстрелу, который в тот же день был приведен в исполнение. Подсудимых

Абдыкерима Сыдыкова, Джанека Солтоноева, Султана Курманова, Турды-Акуна Сопиева, Моке Комбарова, Мустафу Ахметова, Насреддина Кашимбекова приговорили к расстрелу с заменой заключением в исправительно-трудовом лагере сроком на 10 лет.

Хайреддин Хашимбеков, Хайдар Галиевич Роковой (Чанышев), Кокумбай Чиныев и Чортек Маакеев должны были отправиться в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет, но его заменили высылкой в Нарымский край на тот же срок.

Касымбай Тельтаев, Зайнетдин Лепесов (Курманов), Кемель Шабданов, Карыпбай Канатов, Исхак Курманов, Шарапидин Лепесов (Курманов) получили по пять лет исправтрудлагерей. На три года лагерей осудили Али-Аскара Чолукова, а Чиминбая Токтомушева и Мамута Майлыбашева решили упечь в Западную Сибирь сроком на три года. Джумагуль Иманкуловой зачли в наказание срок предварительного заключения и из-под стражи освободили. Через неделю Сыдыков, Камбаров, Ахметов и Кашимбеков были отправлены в Читу в распоряжение управления Ухтпечлага ОГПУ для «содержания на особом учете».

Завершается многотомная коллекция дел 1933-1934 гг. по СТП следственным делом Зайнетдина Лепесова (Курманова), уроженца села Кызыл-Туу Сталинского района Кыргызстана, сына бая. В 1934 г. он вместе со всеми был осужден по делу СТП и приговорен к пяти годам тюрьмы. Три года спустя 14 сентября 1937 г. его уже обвиняют в том, что он «состоял членом к.-р. организации, по поручению которой направлялся для связи за кордон, среди к.-р. националистов рассказывал о своей к.-р. деятельности, восхвалял при этом ее к.-р. организаторов». За это «тройка» при НКВД Узбекской ССР приговаривает» его к расстрелу с конфискацией имущества. 25 октября 1937 г. приговор был приведен в исполнение. Реабилитирован З.Курманов был в феврале 1957 г.

Итак, оппозиционеры не успели оформиться организационно, хотя Программа разрабатывалась, вырисовывались цели и задачи СТП. И пусть ее идеи были политически наивны, не получили прямого воплощения, они имели под собой вполне реальную почву и при других, более благоприятных обстоятельствах, вполне могли стать основой, на которой родилась бы альтернативная организация правящей партии не только в Кыргызстане, но и во всем среднеазиатском регионе.

Одним из основных мотивов для суда и приговора являются, как известно, личные признания обвиняемых. Но, опираясь на них, вряд ли можно убедительно ответить на вопрос: была ли СТП политической реальностью?

Приведенные материалы следственных дел, надеемся, в какой-то мере поднимают занавес. Опричникам сталинизма на местах мало было задуть оппозицию. Они твердо решили с корнем вырвать и все ее окружение - родственников, друзей, знакомых, причастных и не причастных, всех независимо мыслящих людей, которые не имели даже малейшего отношения к оппозиции, но потенциально могли представлять угрозу для сталинского тоталитарного режима. Из жизни был вырван цвет кыргызской интеллигенции, цвет нации...»³.

Вот такая грустная история из жизни страны и одной семьи, по которой страшным катком прошла сталинская политика репрессий. Мой отец, как уже было сказано выше, погиб в 1943 году. Официальная версия – убийство совершили дезертиры. В этот же год погиб на войне другой мой дядя Насердин, ушедший на фронт добровольцем.

На войне участвовали мой брат Юсуп, который сбежал на фронт в 16 лет, был командиром пулеметного взвода, дослужился до звания капитана; старший брат Аскарбек, а также дядя Кемелидин, только что освобожденный из мест

³ См.: Курманов З. Национальная интеллигенция 20-30 годов: вклад в возрождение национальной государственности и борьбу с тоталитарно-авторитарным режимом. – Бишкек: 2005. - 385 с.

лишения свободы. Слава Богу, все вернулись здоровыми и живыми. А дядя Кемелидин вернулся с фронта с русской женой Тамарой.

4. Учеба в Джамбульском училище

В 1940 году в возрасте 12 лет я попал в железнодорожное училище города Джамбул, которое окончил в 1942 году, получив специальность «помощник машиниста». Война уже шла вовсю, а железнодорожники стояли на особом военном учете. Поэтому после окончания училища меня сразу распределили на работу в железнодорожное депо ст. Пишпек. У нашего паровоза было два маршрута. Мы возили грузы на ст.Луговое и на ст.Быстровка. Работа была очень тяжелая. На ст. Луговое мы, например, ехали 6 часов туда и 6 часов обратно. За это время помощнику машиниста нужно было лопатой-грабаркой перебросить в топку паровоза около 15 т. угля, причем бросать надо было не просто «абы-кабы», а веером, чтобы уголь хорошо горел. Я как человек, педантично относившийся к общей чистоте и личной гигиене, очень страдал и мучился от угольной грязи, так как стал чумазым, одежда и тело были пропитаны мазутом и угольной пылью, которые за время, предоставленное мне для отдыха (двое суток) ничем не отмывались.

Оставлять работу на железной дороге самовольно запрещалось под угрозой военного трибунала. Проработал в депо я один год. Жил на квартире на ст. Пишпек у одной русской старушки. Снимал угол, где стояла только моя кровать.

Однажды, неожиданно приехал отец, нашел мое убогое жилье и меня в рабочей робе и ужаснулся увиденному. После недолгих расспросов о житье-бытье сказал: «Сынок, такая работа тебе не по плечу, давай, собирайся, едем домой». К этому времени, оказывается двое моих братьев Аскарбек, 1922 года рождения, и Юсупбек, 1924 года рождения, уже находились на фронте. Поэтому отец счел необходимым и важным мое присутствие за старшего в нашем доме. Я потом думал – почему он так поступил, ведь меня могли

осудить?! Ответ на этот вопрос у меня был только один. В это сложное и трагическое время, когда человеческая жизнь не стала ценнее жизни муравья, наверное, у него было предчувствие грядущей беды, что и произошло на самом деле. Вскоре он погиб при весьма странных обстоятельствах. Ему было всего 46 лет.

Не теряя времени зря, я упорно стал готовиться к сдаче экзаменов за среднюю школу экстерном. Тогда это право в пылу борьбы за всеобщую грамотность разрешалось всем. В 1944 году по предложению председателя Курдайского райисполкома Исагулова я был определен на должность заведующего мобилизационным отделом райисполкома, в обязанность которого входила мобилизация по разрядке девушек старше 18 лет на работу в горно-рудные комбинаты. Впоследствии, уже в наши дни, за свою работу был награжден медалью СССР «За доблестный труд в тылу в годы Великой Отечественной войны».

5. Москва - Ленинград

В том же 1944 году, сдав экзамены в Георгиевской средней школе, получил аттестат зрелости и поступил, по совету двоюродной сестры Абида Убукеевой (внучки Канат-хана), в Ленинградский государственный институт физической культуры им. П.Ф.Лесгафта, который был эвакуирован во Фрунзе из осажденного Ленинграда. Студентам институт выдавал продовольственную карточку на 800 гр. хлеба в день и другие продукты. В институте открылось кыргызское отделение, которое возглавлял Аширалы Умуралиев. Там обучались, помимо моей сестры Абида, такие ребята и девушки как Омурзаков Долон, Копбаев Сапаргалы, Аманкулов Зарлык, Макешева Куку (мать Чынары Жакыповой), Кокумбаева Бубуниса и другие, всего человек 50.

12 августа 1945 года, сразу после парада Победы, состоялся физкультурный парад в Москве на Красной площади. Я тоже участвовал в этом мероприятии в составе киргизской делегации, состоявшей из 150 человек.

Руководил делегацией Аширалы Умуралиев. На трибуне Мавзолея парад приветствовал Сталин и другие руководители страны.

Закончили кыргызские студенты данный вуз уже в Ленинграде. Долон Омурзаков впоследствии стал председателем Республиканского комитета физической культуры и спорта. В настоящее время его имя присвоено центральному республиканскому стадиону. Сапаргалы Копбаев был назначен ректором Института физической культуры, где он проработал достаточно долгое время. Я же связывать свое будущее со спортом не стал. Вместе с группой ребят из нескольких ребят мы выехали в сентябре 1945 года в г.Алма-Ата с целью поступить в юридический институт. Приемные экзамены успешно выдержали и поступили на первый курс. Это были Агибетов Асанжан, Бердалиев Шамши, Кыдыралиев Кудаш, Тургунбеков Рафик, Алымкулов Сагынбек и я. Многие из них стали впоследствии известными юристами, государственными и партийными работниками.

После окончания первого курса, я с ребятами приехал на каникулы во Фрунзе. Через некоторое время ко мне домой пришел Кудаш Кыдыралиев и говорит: «Мой дядя Календаров, председатель Верховного суда Киргизской ССР предлагает мне ехать продолжать учебу в Москву. Я один ехать не хочу и попросил его послать тебя со мной. Как ты на это смотришь?» Я с радостью согласился. На следующий день мы пошли к его дяде в Верховный суд. Он встретил нас радушно, показал письмо из Минюста СССР, в котором Киргизской ССР предоставлялось 2 места для учебы Московском юридическом институте. Прощаясь, он сказал, что билеты на поезд нам купят, выдадут какие-то деньги на личные расходы и нам срочно нужно готовиться к отъезду.

В указанное время я в полной боевой готовности прибыл на железнодорожный вокзал города Фрунзе. Мать в дорогу снабдила меня мешочком в 5 – 6 кг. талкана, смешанного с сахарным песком и топленым сливочным маслом. В то время с продовольствием было очень туго, до 1947

года в СССР существовала карточная система на хлеб и другие продукты питания.

Вот уже поезд тронулся, а друга Кудаша все нет, и нет. Что делать? Пришлось ехать одному. К счастью, мой билет и направление были у меня.

Приехав в Москву (в дороге был 7 суток) пошел в Минюст СССР, показал свое направление. Меня отправили в Московский юридический институт, предварительно позвонив им. Москву я уже немного знал, жил здесь и тренировался с июня по август 1945 года, когда готовились к физкультурному параду. В институте мне сказали: « Вас зачислят на второй курс, если вы сдадите разницу зачетов и экзаменов, но имейте в виду, что мест в общежитии нет, устраивайтесь сами, где хотите». Я ответил, что жилье снимать не могу, так как на это у меня нет средств. Тогда мне посоветовали обратиться в Министерство высшего образования СССР и я пошел туда.

В министерстве я был принят начальником управления Ходжаевым, туркменом по национальности. Он сочувственно отнесся к моему положению и после ряда телефонных разговоров предложил мне: «Давай поезжай в Ленинград, если хочешь, там тебя примут в юридический институт им. М.И.Калинина на второй курс со сдачей разницы. У них там тоже нет общежития, его разбомбили в годы блокады, но будешь жить в общежитии Ленинградского финансово-экономического института. Я договорился с его ректором». Я с радостью согласился и поблагодарил Ходжаева за помощь. Сейчас такое даже представить трудно, чтобы чиновник такого большого масштаба лично сидел на телефоне, обзванивал, договаривался, чтобы устроить на учебу простого студента из провинциальной глуши. И таких светлых людей в своей жизни я встречал довольно часто.

Я хорошо понимал, что Ленинград это не Москва. Город только что пережил трехлетнюю блокаду, страшный голод и жить там будет нелегко. Тем не менее, я был очень рад учиться в Петербурге, бывшей столице Российской империи, городе трех революций, культурном эпицентре страны.

В этот же день на поезде «Стрела» поздно вечером я прибыл на железнодорожный вокзал «Московский» города Ленинграда. Это был мой первый приезд в этот несравненный по красоте город, построенный на европейский манер выдающимися зарубежными и русскими архитекторами Растрелли, Джакомо, Монферраном, Росси, Ворониным и другими гениями и знаменитостями. Недаром Петербург стали величать за его неписаную красоту «северной Пальмирой».

Питер встретил меня неласково. Но я уже прошел неплохую школу выживания и был готов к трудностям. Естественно, что меня студента на вокзале никто не ждал. Где-то в 2-3 часа ночи, вконец уставший с дороги, прилег на привокзальную скамью, предупредив соседей, пожилых женщин, сидящих рядом, чтобы они присмотрели за моими вещами и за мной. Положив под голову мешочек с талканом, я провалился в глубокий сон. Когда проснулся, еще была ночь, но, ни моего мешка, ни прежних соседей не было. На скамье сидели другие люди, которые сказали, что ничего не видели.

Утром расспросил людей, где найти институт и пришел туда. Прошел пешком по Невскому проспекту почти от начала до конца, перешел Дворцовый мост и завернул налево на Университетскую набережную. Там за главным корпусом ЛГУ, расположенного в знаменитом на весь мир здании «Двенадцати коллегий», стояло обшарпанное здание нашего института, разместившегося в бывшем Дворце сиятельного князя Алексея Меншикова - сподвижника императора Петра Великого. Создан был наш институт в 1930 году на базе факультета советского права ЛГУ и сначала назывался Институт советского строительства и права Наркомата юстиции РСФСР. В 1931-1935 годах он назывался Институт советского права, в 1935-1936 гг. правовой институт, в 1937-1939 годах юридический, с 1940 года 1-й юридический, а в 1946 году ему было присвоено имя «всесоюзного старосты» М.И.Калинина. В 1954 году институт снова объединился с юридическим факультетом ЛГУ.

Дождлся в приемной директора института Лазутина, который сказал мне, что в отношении меня осведомлен и вызвал кого-то из учебной части, приказал ему оформить мое зачисление в институт. Я был в безвыходном положении и рассказал директору о том, что у меня на вокзале украли все продукты и что у меня кончились деньги. Он тут же немедля вызвал одного активиста-старшекурсника и поручил ему, чтобы он взял меня на полное довольствие до того времени, пока я не получу общежитие и продовольственную карточку. Я прожил в квартире Кеши (так звали моего нового благодетеля) около месяца. Вспоминая прошлое время, я благодарен судьбе за то, что в такие трудные для меня дни она сталкивала меня с такими замечательными людьми как начальник управления министерства Ходжаев, директор института Лазутин, родители Кеши, да и сам он. Сейчас, когда мы наблюдаем процессы общего духовного и морального обнищания, трудно представить, что такое могло быть в отношении чужого человека. Ведь я никому не был «ни братом, ни сватом». Но мне помогали, как родному человеку и в этом была наверное непобедимая сила людей того времени. Их били, терзали, уничтожали, но человеческий капитал в них становился все сильнее и сильнее. Хотя, конечно, встречались мерзавцы и проходимцы. Например, те, кто украл у меня, молокососа, самое последнее в чужом городе.

Лишь через год, приехав во Фрунзе на каникулы, я узнал, что же случилось с моим другом Кудашем Кыдыралиевым (мои казахские однокурсники должны помнить его как сильного борца) и почему он не поехал со мной? Оказывается его родители, которые были родом из Нарына, узнав о том, что он собирается в Москву на учебу, приехали, нашли его и, как следует, побили, приговаривая: «Все бегут оттуда, а ты, дурак, рвешься туда?!», и увезли его в Нарын, где он прожил, чуть ли не взаперти, целый год. Там его быстро женили. А на следующий год он поступил в наш сельскохозяйственный институт им.Скрябина на зоотехнический факультет, который окончил и потом много лет работал председателем колхоза у себя на родине. Сейчас, к

сожалению, дорогого друга Кудаша, который сыграл в моей жизни вот такую судьбоносную роль, уже давно нет в живых.

Учеба в Ленинграде давалась мне нелегко, я столкнулся совсем с другим уровнем знаний, высокими требованиями, маститой академической профессурой, где почти каждый был руководителем целой школы или на худой случай какого-то научного направления. Нам преподавали такие профессора и академики как М.Д.Шаргородский, Д.М.Догадов и другие известные ученые с мировыми именами.

Однако, упорство и усидчивость, а эти качества у меня были, но еще больше - чувство не опозориться перед родными и близкими, вернуться домой ни с чем, дали свои положительные результаты. Да и в процессе учебы я очень скоро понял, что при должном усердии можно догнать моих ленинградских сверстников и реально получить отличное образование. Я уже выше говорил, что профессорско-преподавательский состав нашего института был самого высшего уровня.

Наш курс, набранный сразу после окончания войны в 1945 году, состоял из 10 групп по 25 студентов в каждой. Это был очень сильный и дружный курс. Многие из наших студентов были демобилизованы из рядов Советской Армии. Среди них были два Героя Советского Союза: разведчик Николай Тузов, потерявший на войне обе ноги и танкист Александр Приамурский, который горел в танке и ослеп. Многие студенты имели по 5-6 орденов и медалей. Воистину это был «звездный курс». Девушек на курсе было очень мало. Из мужчин, не участвовавших в войне, были только двое: я и студент Владимир Крюковских из Кемерово.

6. Командировка в Китай

На втором году обучения в институте я познакомился с этнографом и известным исследователем Средней Азии и Киргизии, доктором исторических

наук, профессором Саул Матвеевичем Абрамзоном. Он мне предложил работу по переводу рукописей с кыргызского на русский язык и наоборот. Я был рад предложению, это могло немножко поддержать меня материально, так как в это время я жил только на стипендию 250 рублей в месяц, которую получал за учебу без троек. Другой материальной поддержки у меня не было. Иногда вместе с другими студентами по выходным дням мы разгружали баржи в Ленинградском порту, за что нам давали по буханке хлеба, которую мы съедали всухомятку возвращаясь назад в общежитие. А познакомился я со знаменитым ученым и автором первого советского издания по истории кыргызов следующим образом. Прихожу я в наш институт и смотрю почту, а там записка «Курманову Карпеку! Прошу вас прийти ко мне домой и адрес... Профессор Абрамзон». Жил он на Университетской набережной рядом с Кунст-камерой. Я пришел к нему домой, они напоили меня вкусным чаем с вареньем и мы договорились вместе работать.

В 1947 году летом профессор С.М.Абрамзон выезжал в научную командировку в китайскую провинцию Синьцзян, где проживали этнические кыргызы, сбежавшие из страны в 30-годы в период коллективизации. С.М.Абрамзон изучал их первозданный, не затронутый советским строем, быт, одежду, обряды, традиции, пищу и т.д.

Я тоже был участником этой экспедиции и рядом с профессором очень много узнал интересного и поучительного в истории своего народа. Там я познакомился с такими интересными личностями как: Мон-ажы и Осмоналы Жынайлак. С каждым из них была лично связаны интересные страницы истории на кыргызской земле и в Китае.

Осмоналы Жынайлак был зажиточным баем, ростовщиком на своей прежней советской родине в Наукатском районе Ошской области. В 30-годах, когда с перегибами и злостными нарушениями проводилась насильственная коллективизация, Осмоналы бежал в Китай, чтобы избежать конфискации имущества и раскулачивания. Он бежал вместе с двумя взрослыми сыновьями

на трех лошадях. У каждого сына на бедре был привязан кушак (матерчатый пояс) с золотыми монетами и слитками. Когда они приблизились к границе, то были замечены пограничниками, которые устроили за ними погоню со стрельбой из винтовок. Лошадь одного из сыновей была убита. Осмоналы, соскочив со своей лошади, снял с сына кушак с золотом и поцеловав его, сказал: «Поручаю тебя Богу, оставайся». Вскочил на свою лошадь и бежал со вторым сыном за границу. В Китае встретившись со своими сородичами, Осмоналы зажил прежней богатой жизнью и дал себе зарок – больше не одевать на ноги обувь и не садиться на лошадь. Отчего за ним закрепилось прозвище Осмоналы «Жынайлак», то есть Осмоналы «Голоногий». Мне и Абрамзону хорошо знавшие его люди рассказывали, что никогда его не видели - ни зимой, ни летом, чтобы он носил обувь или садился на лошадь. Почему он дал такой зарок и в связи с чем, никто не знал. Будучи в гостях у него дома мы с его позволения потрогали руками его подошву ног и удивились ее твердости и толщине. Это было какое-то подобие автомобильной резиновой покрышки. Жынайлаку было уже за 60 лет, но он выглядел моложавым человеком, с красными щеками, седыми волосами, редкой бородкой и усами.

Он с радостью сообщил нам о том, что оставленный им при бегстве сын остался жив и здоров, участвовал в войне, сейчас работает председателем колхоза в Наукатском районе. Аксакал мечтал встретиться с ним или там, или здесь в Китае. Мне потом местный болуш (управляющий) Жусупбек, у которого было две жены: одна киргизка, другая китаянка, потом шепотом доверительно рассказывал, что в прошлом 1946 году к ним приезжал министр из Кыргызстана Х.Кольбаев с подарками и проводил агитацию за наше возвращение домой. Обещал не трогать наше богатство, не раскулачивать и т.д. Спрашивал, можно ли верить большевикам, как ты думаешь? Я, помню, ответил ему уклончиво, мол, решайте сами, но все же высказал сомнение, что навряд ли им оставят их многочисленные табуны лошадей, крупного рогатого

скота и баранов, так как там даже колхозы не имеют такого богатства. Например, стада, которые имеет Мон-ажы.

При встрече с Мон-ажы, а он был из кыргызских аристократов, он по нашему обычаю стал расспрашивать меня о моем родословии, моих родителях и т.д. Я ему рассказал, что я выходец из Джумгала, из племени саяк, рода кургак, внук родоначальника Курмана Лепесова, сын Шамседина. Он сказал, что слышал о моем деде, когда еще жил в Кыргызстане. Поэтому однажды оседлал для меня своего коня Тулпара, что, прежде, по словам его окружения, никогда и ни для кого не делал. Все узнавшие об этом местные кыргызы были очень удивлены. Я тогда был пацан и не придавал этому особого значения. Но спустя много лет, обдумывая этот необычный случай, прихожу к выводу, что этот знак особого внимания ко мне он оказал в честь моего деда Курмана Лепесова.

Сын Мон-ажы - Исхакбек Мониев был генералом в Народно-Освободительной Армии Китая (НОАК), которой командовал Мао-Цзэдун. Поэтому его отец имел огромный авторитет не только среди своих сородичей, но и среди китайских властей. Вот, что пишется в Википедии об этой республике и ее руководителях: *«12 ноября 1944 года в городе Кульдже торжественно была провозглашена Восточно-Туркестанская Республика (ВТР). Территориально она охватывала три из десяти округов Уйгурии - Илийский, Тарбагатайский, Алтайский. Президентом республики был провозглашен маршал Алихан Тура, узбек по национальности. Его первым заместителем стал уйгурский князь Хакимбек Ходжа, заместителем - представитель знатного казахского рода - Абулхаир Торе.*

В апреле 1945 года была сформирована Национальная армия Восточного Туркестана, её командующим стал советский генерал-майор Иван Полинов. Его курировал «Иван Иванович» - генерал-майор НКВД Владимир Егноров. Начальником штаба - генерал Варсонофий Можаров (раньше служил в армии Дутова), заместителем командующего армией был назначен уйгур Зинун Таипов. Командирами дивизий - казах Далелхан Сугурбаев (выходец из

Монголии), русский Петр Александров и киргиз Исхакбек Монуев (в некоторых документах он фигурирует как Муниев)». Впоследствии Исхакбек Мониев стал министром обороны, но его жизнь вскоре трагически оборвалась.

«После окончательной победы КПК над Гоминьданом в середине августа 1949 года, - написано в Википедии, - во главе делегации ВТР Касими выехал из Кульджи в Пекин через Алма-Ату и Иркутск на заседание Народного политического консультативного Совета Китая. Скорее всего, такой маршрут был продиктован необходимостью встречи с представителями советского руководства, на которой он надеялся убедить Москву сохранить независимость ВТР. Через несколько дней было объявлено о крушении самолета Ил-12 с правительством ВТР на борту. До сих пор не могут назвать точное место падения самолета, в одних источниках указано, что катастрофа произошла в окрестностях Иркутска, в других - под Читой. Есть конспирологическая версия о том, что делегация ВТР была арестована советскими органами госбезопасности и затем все были убиты, а авиакатастрофа была инсценирована посмертно»⁴.

В 1995 году, читая лекцию среди студентов Ошского филиала Института переподготовки и повышения квалификации кадров при КНУ им.Ж.Баласагына я рассказывал им об этой моей поездке в 1947 году в Китай и встрече с Мон-ажы. Во время перерыва ко мне подошел молодой человек и сказал, что Мон-ажы его родной дед и что он просит меня быть гостем в его доме. У него дома на почетном месте висел большой портрет Мон-ажы и его сына Исхакбека Мониева. Мы долго сидели и говорили с его внуком, вспоминая о его выдающихся предках, прославивших всех кыргызов.

⁴ См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%EE%F1%F2%EE%F7%ED%EE-%D2%F3%F0%EA%E5%F1%F2%E0%ED%F1%EA%E0%FF_%D0%E5%E2%EE%EB%FE%F6%E8%EE%ED%ED%E0%FF_%F0%E5%F1%EF%F3%E1%EB%E8%EA%E0

7. Неожиданная встреча

Однажды в 1952 году, идя вниз по Дзержинскому бульвару, я заметил двух кыргызов, сидящих на скамейке. Они упорно смотрели на меня, забыв, как мне тогда показалось, всякие нормы приличия. Пройдя мимо них, я оглянулся, но они продолжали упорно смотреть в мою сторону. У меня что-то екнуло, остановившись, я вернулся к ним и сразу узнал в них тех самых кыргызов, которых я когда-то встречал в Китае. С тех пор прошло больше 5 лет. «Все-таки не прислушались к моим сомнениям», – подумал я и не ошибся. Они целый час рассказывали мне про свои беды, отчего и оказались здесь во Фрунзе. Оказывается, их все же сумели, пустыми посулами и обещаниями, а, честно говоря, натуральным обманом, вернуть в Кыргызстан. А ведь клялись им не трогать их скот и другое имущество, не вмешиваться в привычный для них уклад жизни. Для переселения им был предоставлен Алайский район Ошской области. На первых порах, около года, они жили так, как им было обещано. Руководил ими тот же болуш Жусупбек. Но со второго года началось принудительное обобществление скота, людей стали насильно записывать в колхозы. Они, конечно, стали возмущаться, сопротивляться, убегать, но их ловили и стали сажать. «Мы приехали сюда затем, что арестовали нашего болуша Жусупбека и привезли его сюда в КГБ», - с горечью они поведали мне. Чем я мог помочь их горю, ведь предупреждал же. Оставалось только посочувствовать им, угостить их едой в кафе. Больше для них я сделать ничего не мог, ибо сам в это время был в опасной опале. Но об этом немного попозже.

Будучи студентом третьего курса института в 1947 году я был принят кандидатом в члены КПСС в Василеостровском райкоме партии г.Ленинграда. Окончил я наш институт в основном с хорошими и отличными отметками. Мне даже было предложено остаться в аспирантуре. Одним из аргументов, по всей видимости, было то, что в истории этого института я был первый выпускник кыргызской национальности.

Запомнился мне наш выпускной вечер 30 июня 1949 года. На него был приглашен знаменитый советский юрист, писатель и киносценарист, лауреат Сталинской премии, участник Нюрнбергского процесса Лев Романович Шейнин, автор знаменитых «Записок следователя» о буднях советского уголовного розыска. Он рассказал нам о том, каким должен быть юрист, о тяжелой работе следователя, прокурора, очень много хвалил генерального прокурора СССР А.Я.Вышинского. Потом я узнал, что в 1949 году он был без объяснений уволен из органов прокуратуры, а в 1951 году арестован по «делу В.С.Абакумова» - бывшего наркома НКВД, затем обвинялся в организации антисоветской группы еврейских буржуазных националистов и содержался в тюрьме на Лубянке. В конце 1953 года он был освобождён из-под стражи и после этого занимался только литературной деятельностью. Значит, не зря он тогда хвалил Вышинского, чувствовал приближение неотвратимой беды.

8. Работа в прокуратуре республики

После окончания Ленинградского юридического института им. М.И.Калинина в июне 1949 года по направлению я прибыл в Прокуратуру Киргизской ССР. Будущие коллеги встретили меня доброжелательно и очень искренне, что тоже бы отметил как крайнюю редкость для наших дней. Я сразу же был назначен в центральный аппарат на должность прокурора отдела по надзору за милицией и МВД Киргизской ССР. Отношение ко мне, как к молодому специалисту, со стороны прокурора республики А.Я.Романова было, я бы сказал, очень хорошим. Для жилья мне предоставили однокомнатную квартиру барачного типа, что во время советского постоянного и хронического дефицита во всем было сверх всякой награды.

Ребята, о которых я писал выше, приехавшие после окончания Алма-Атинского юридического института тоже были хорошо встречены и трудоустроены: Сагынбек Алымкулов и Рафик Тургунбеков работали в Ошской

областной прокуратуре, Шамши Бердалиев устроился на работу в судебных органах, а Асанжан Агибетов сразу был назначен прокурором Первомайского района города Фрунзе. Затем он стал заведующим административным отделом Фрунзенского обкома партии и, наконец, инструктором ЦК КПСС в Москве. Причиной его стремительного роста по служебной лестнице, люди объясняли тем, что его родной дядя был вторым секретарем Фрунзенского обкома партии, но вскоре случились какие-то обстоятельства, неожиданно прервавшие его карьеру. Нет сомнения, что его готовили на первого секретаря ЦК КП Киргизии, но что-то там не срослось.

Нас молодых специалистов с высшим юридическим образованием, а таких в республике в действительности было очень мало, обязывали одновременно с основной работой вести педагогическую работу во Фрунзенской двухгодичной юридической школе. Я читал студентам школы курс лекций по истории государства и права СССР.

Однажды в 1951 году меня вызывает прокурор республики Романов и говорит: «Приказом прокурора СССР снят с должности прокурор Таласской области, старший советник юстиции (соответствует званию полковника – К.К.) Шайхудинов. Вместо него назначен Абдыкеев, но прежний прокурор вот уже месяц отказывается передать дела, печать, ключи. Ты в нашей системе человек новый, прошу тебя поехать в Талас. Разъясни, убеди Шайхудинова передать дела. Обещаю предоставить ему работу в аппарате прокуратуры республики и жилье в городе Фрунзе».

Я приехал в Талас. В прокуратуре встретился с Шайхудиновым и Абдыкеевым. После продолжительной беседы уговорил его исполнить приказ. На прощание Шайхудинов показал мне своих семерых малолетних детей и больную жену – домохозяйку, которые жили тут же во дворе прокуратуры и сказал, что в его несчастьях отныне буду повинен я, так как именно я его принудил сдать дела. Мне было, действительно, очень жаль его, но что я мог поделать.

Через какое-то время Шайхудинов со своей многочисленной семьей приехал во Фрунзе и поселился в однокомнатной квартире рядом с моей. Устроился работать прокурором отдела общего надзора. Встречаясь со мной, упрекал меня за свое теперешнее бедственное положение. Я же в ответ ему говорил, что благодаря мне он еще легко отделался, ведь время массовых репрессий еще не прошло.

9. В прокуратуре Фрунзенской области

Моя работа в прокуратуре, как я писал выше, началась с должности прокурора отдела по надзору за органами милиции и МВД Киргизской ССР. Прошло 4 года после окончания войны, страна восстанавливала разруху в западных районах, а дезертиры военных лет прятались в горах и объединялись в банды, которые время от времени давали о себе знать. При МВД республики существовал отдел по борьбе с бандитизмом во главе с очень уважаемым человеком полковником Исабаевым, участником подавления басмачества и становления Советской власти. Ему было в то время уже под 60. В его отделе работали заместителем Невелев, следователи и оперативные работники Орозбаев, Карабаев, Айтбаев и другие. Моей обязанностью было осуществление надзора за работой отдела своим участием в допросах обвиняемых и подсудимых в качестве прокурора. Таким образом, считалось, что тем самым усиливается доказательная сила этого процессуального акта. В это время в отделе рассматривалось уголовное дело по факту убийства майора МВД, который был убит, а его тело сброшено в БЧК. В связи с этим делом были арестованы двое подозреваемых - Бахтин и Чабанов, которых ежедневно допрашивали с моим участием. Это исключало применение пыток и рукоприкладства со стороны работников МВД, а такое, к сожалению, у нас имело повсеместно широкое распространение, несмотря на существующие запреты. В то время милиция и МВД существовали как самостоятельные

ведомства. Милицию республики возглавлял полковник Чернов, а МВД – генерал-майор Москов. Несмотря на существующие запреты - без прокурора не начинать и производить допрос, следовательно, старший лейтенант Карабаев нарушил этот приказ. Пока я пришел в тюрьму из прокуратуры, которая находилась на бульваре Дзержинского, а тюрьма была на том месте, где сейчас находится Институт кардиологии им. М.Миррахимова, в тюремной камере уже сидели следователь Карабаев и допрашиваемый Чабанов. Смотрю, у Чабанова слезы на глазах. Спрашиваю, - в чем дело? Он молчит и смотрит на следователя Карабаева. Я спрашиваю у Карабаева - в чем дело? Он говорит, - не знаю. Тогда я попросил Карабаева выйти из камеры. Он с большой неохотой ушел. Только тогда Чабанов показал мне макушку головы, где под коротко стриженными волосами проступали капли крови. Он объяснил, что его ударил по голове пистолетом следователь, чтобы я дал признательное показания. Я тут же отправил Чабанова в медсанчасть для обследования. А Карабаева предупредил, что он плохо кончит, если не прекратит заниматься садизмом. Будучи уже на другой работе я потом слышал, что Орозбаев, Карабаев и ряд других следователей были арестованы за рукоприкладство и недозволенные действия. Дело закончилось тем, что их уволили из органов МВД. Орозбаев, как я слышал, впоследствии стал директором консервного завода в Токмаке, а Карабаев устроился охранником в банке.

Будучи больше года начальником УСО (уголовно-судебного отдела) прокуратуры Фрунзенской области я принимал участие во многих уголовных делах. Это дело председателей колхозов, директоров совхозов, групповые преступления, связанные с хищением и спекуляцией опиумом и другие. В моем отделе работали еще два прокурора - Лавров и Машкевич Рахилия Абрамовна (мать казахского олигарха Александра Машкевича). Среди них были уголовные дела, которые остались в памяти надолго. О них я рассказываю студентам в своих лекциях по уголовному праву. Например, итальянский ученый-криминалист Чезаре Ламброзо создал свою теорию преступности, которая

гласила, что преступника можно определить по внешности, кто он - вор, убийца или насильник. Так, вот, по одному уголовному делу мне повстречался именно такой убийца, внешность которого описал Ламброзо. Однажды мне позвонил член Фрунзенского областного суда Николай Филиппов, которому поручили рассмотрение одного уголовного дела: «Прокурор, что будем делать? Тюрьма отказывается конвоировать в облсуд заключенного Безродного, ввиду его исключительной опасности. Он уже имеет три судимости на 25 лет лишения свободы за убийства, бандитизм и другие преступления. Начальник тюрьмы (СИЗО) просит рассмотреть дело выездной сессией прямо у них в красном уголке». Здесь требуется пояснение. Дело в том, что в 1947 году, покончив с предателями и изменниками родины, правительство СССР отменила смертную казнь, заменив ее 25 годами лишения свободы. Я сказал Филиппову – «раз такое дело, нужно ехать в тюрьму». Всем составом суда мы прибыли в тюрьму: два народных заседателя, адвокат, секретарь суда, судья и прокурор. Начальник тюрьмы и начальник конвоя высказали нам свои опасения и пообещали обеспечить нашу безопасность усиленным конвоем. Подсудимый Безродный обвинялся в совершении камерного бандитизма, он повесил своего сокамерника. Прежде, чем привести подсудимого, расставили конвой солдат с автоматами по одному солдату за каждым участником процесса. Охрану себе потребовал даже адвокат, назначенный не по найму. И вот привели в зал судебного заседания подсудимого Безродного в наручниках. Взглянув на него, я сразу подумал о теории Ламброзо, мысленно фиксируя черты матерого убийцы. Он был высокого роста, покатый лоб, водянистые бесцветные, скорее белые глаза, выдающийся нижний подбородок, сутулый корпус, руки свисают ниже колен. От него веяло ужасом. Вокруг него стояло четыре солдата с автоматами Калашникова и начальник конвоя категорически отказывался снимать с него наручники. А подсудимый требовал, чтобы их сняли, иначе он отказывался давать показания. Тогда судья спросил меня, как быть, я сказал ему, что нужно снять наручники. Долго сомневались, а нужно ли это делать? В

конце концов, решили снять наручники, но предварительно усилив конвой. Фабула обвинения была следующая. Однажды, подросток 16 лет, Копылов увидел около продовольственного магазина, приставленный к стене мопед чехословацкого производства (он только что появился на улицах города), заинтересовался им, а затем решил прокатиться, так как ключ торчал в замке. Когда он стал отъезжать, выскочил хозяин и погнался за отъезжающим. Копылов, услышав крики хозяина мопеда остановился и стал просить прощение у хозяина. Он мог не останавливаться и уйти от него на большой скорости, если бы имел намерение хищения мопеда. Но хозяин стал избивать Копылова, а затем передал его в руки подоспевшей милиции. Дальше события разворачивались следующим образом. В отделении милиции был составлен протокол об угоне мопеда, возбуждено уголовное дело. На задержанного по ходатайству следователя прокурор дает санкцию на арест. Копылова водворяют в СИЗО №1 города Фрунзе. Его должны были содержать в камере для несовершеннолетних, но она оказалась переполненной. Поэтому Копылова посадили в камеру, где сидел Безродный. Оказавшись среди взрослых матерых преступников, Копылов, когда Безродный стал его расспрашивать за что его посадили, решил пофантазировать, чтобы посolidнее выглядеть в глазах сокамерников. Он сказал, что сидит за то, что «замочил» сторожа при краже в магазине и т.д. Безродный приблизил его к себе, поселил его рядом. В беседах с ним он рассказывал ему о своем прошлом, учил какие давать показания на допросах и т.д. По истечению 2-3 месяцев, Копылова вызвали в суд. Когда вечером он вернулся, Безродный спросил его – какой ему дали срок? Копылов ответил, мол, дали 10 лет лишения свободы. По прошествии 3-4 дней, конвой передал в камеру копию приговора, где за кражу мопеда ему была определена мера наказания один год лишения свободы. Безродный прочитал документ и обращаясь к Копылову сказал ему на уголовном жаргоне: «Что же ты сука базарил про убийство, а сам за мелочевку сидишь?» Для начала он жестоко его избил, а затем заявил, «ты слишком много обо мне знаешь, поэтому выбирай

шило или петля». Копылову было некуда деваться и он выбрал петлю. Безродный по христианскому обычаю одел его в чистое белье и перед повешением заставил написать предсмертную записку, которую сам же продиктовал: «В моей смерти вините начальника тюрьмы и его заместителя по режиму за незаконные притеснения». Показав записку сокамерникам, Безродный повесил Копылова на решетке освещения. Когда был обнаружен труп Копылова, сразу всех сокамерников расселили и началось следствие. По показаниям очевидцев был установлен убийца - Безродный. Как государственный обвинитель, я просил суд ему определить четвертую по счету меру наказания в виде лишения свободы сроком на 25 лет с отбыванием наказания в тюрьмах Верхоянска, где морозы достигали зимой до 50⁰С и более градусов. В последнем слове, обращаясь в мою сторону, обвиняемый сказал: «Я запомнил тебя прокурор, вот вернусь и покажу тебе Верхоянск».

Вокруг этого дела, был большой шум. Были сняты с работы следователь, прокурор давший санкцию на арест Копылова, судья, который вместо того, чтобы дать Копылову меру наказания, не связанную с лишением свободы. Несовершеннолетний Копылов 4 месяца просидел в СИЗО среди взрослых и матерых преступников из-за халатного отношения нерадивых должностных лиц, боящихся ответственности. Такое аморфное поведение, к сожалению, имеет место и в настоящее время. Поэтому у нас так мало оправдательных приговоров, мало осужденных к мерам наказания, не связанных с лишением свободы. При бывшем СССР было так: из 100 человек осужденных в места лишения свободы отправлялось 45-50 и более человек. Сейчас в Кыргызстане эта тенденция сохраняется. В сравнении с демократическими странами, например, Швейцарией, такой же небольшой страной, как и наша. Но там из 100 осужденных только 18% идут в места лишения свободы, в которых заключенные содержатся в человеческих условиях. По выходным и праздничным дням их даже отпускают домой под честное слово и обещание, что они не будут потреблять наркотики. Вот, где действительно видишь заботу

о человеке, желание сохранить личность, вернуть его домой здоровым, полноценным членом общества. Что же мы имеем у себя? Если человек, например, попал в место лишения свободы хулиганом, то возвращается из нее отпетым бандитом, наркоманом, зачастую больным туберкулезом. Одним словом, психически и физически надломленным человеком, который не может адаптироваться к нормальной человеческой среде, снова совершает преступления и снова заживо гниет в тюрьме. Как избежать этой беды, страшного наследия, которую оставил тоталитаризм? Что-то позитивное попытался сделать в наши дни генерал Шейшенбек Байзаков, но его быстренько убрали. Скажу как ученый и практик: пока не наведем порядок в местах лишения свободы, государству организованную преступность не одолеть.

Второе уголовное дело, которое приходит мне на память, это дело директора совхоза им. «Ильича» Кеминского района, бывшего полковника Мельникова и его работников - бухгалтера, зоотехника и других, обвинявшихся в хищении государственного имущества. Дело рассматривала председатель Фрунзенского областного суда Сергеева (она пользовалась большим, я бы сказал, непререкаемым авторитетом среди коллег, как неподкупная, принципиальная и очень грамотный судья). Я участвовал по делу в качестве государственного обвинителя. Ближе к концу судебного процесса, а он длился около недели, Сергееву вызвали в обком к первому секретарю Мамбетову, где ей якобы указали, каким должен быть приговор, но она отказалась его выполнять. Все подсудимые были приговорены к различным срокам лишения свободы. Вскоре Сергеева за непослушание была освобождена от должности и стала адвокатом. А прокурор Кеминского района, который по соглашению с прокурором республики Сатаровым давал санкцию на арест Мельникова и других тоже был снят с работы. Так, что из этих двух ярких примеров, можно судить о том, как обращались с судебными и прокурорскими кадрами партийные начальники того времени. Это повторялось и при наших бежавших

президентах на протяжении двадцати лет и до сих пор я не ощущаю серьезных перемен, которые можно было бы назвать реформами. Зато вижу очень много псевдонаучной, примитивной и эмоциональной болтовни о реформах. Идет смена персон, кланов, но не смена подходов, нравственных устоев, идеологий, концепций, стратегий... Одни любители наживы приходят на смену другим. Что интересно, при советском авторитаризме, судьи, прокуроры, адвокаты тоже были не в лучшем положении, получали низкую заработную плату. Но некоторые, несмотря на страх перед советским режимом, все же ухитрились получать взятки. Дело доходило до анекдотичных случаев. Об одном из них мне рассказал на сельхозработах Козюк - бывший член Фрузенского областного суда по уголовным делам. Как-то к нему обратился родственник осужденного на 10 лет лишения свободы, работник Орловского обогатительного комбината в Кемине с просьбой отменить приговор Кеминского народного суда в кассационной инстанции. Он согласился выполнить его просьбу при условии, если тот даст ему 20 тыс. рублей. Родственник просит снизить сумму, мол, таких денег собрать не сможет. Козюк тоже ни в какую. Переговоры закончились ни с чем. Тогда этот родственник решается в отместку судье, сообщить об этом в КГБ. Там знают, что Козюк не чист на руку, и решают взять его с поличным, выдав родственнику под расписку из кассы КГБ 20 тыс. рублей. Родственник сообщает Козюку о том, что он сумел собрать нужную сумму денег и сегодня вечером передаст ему. Почему вечером? Потому, что в 50-годы до смерти Сталина, вечерние бдения до 12 ночи были обязательны во всех государственных и партийных органах. Козюк, как обычно, сидел за своим рабочим столом на втором этаже здания облсуда. «Время было летнее, ставни окон раскрыты, двор проходной с ул. Калинина на бульвар Дзержинского. Часов в 8 или 9 вечера приходит этот родственник и передал ему пачку денег, завернутые в газету. Убедившись в том, что в нем есть деньги, Козюк говорит родственнику - можешь идти. Как только тот выходит, Козюк бросает сверток в открытое окно, где под ним он попросил постоять своего младшего брата,

забрать сверток. В это время работники КГБ вбегают в кабинет Козюка с требованием выдать только, что полученные деньги. До этого они стояли на лестнице, ведущей на второй этаж, чтобы вбежать в кабинет Козюка сразу, как только выйдет взяточник. Козюк делает вид, что ничего не знает, мол, ищите, никто ему ничего не давал. Обшарили все вверх дном, а денег нет. Спрашивают у взяточника, - где деньги? Тот божится, клянется, что только, что передал ему в руки лично. Наконец чекисты поняли, что их провели. Не додумались поставить человека под окном. Всех пятерых уволили из органов, заставив возместить 20 тыс. рублей, а Козюк приговор народного суда, о котором шла речь, оставил в силе.

10. Первый донос

В 1952 году я узнал о том, что на меня поступила анонимка. Кто-то неизвестный сел и настроил донос. Я это узнал из уст самого прокурора республики А.Я.Романова. Он сказал, что пришло письмо с моей малой родины, то есть с Джумгала, что в ней речь идет о моем манапском происхождении. «Кого из родственников подозреваете?», - спросил он. Я ответил: «Не имею никакого понятия».

Вскоре узнал, что для проверки фактов, изложенных в анонимном письме, командировали обиженного на меня Шайхудинова. Я сразу подумал, что так могут поступать только колонизаторы, ибо, в душе, мы тогдашняя кыргызская молодежь, считали втайне существующий строй колониальным. На многие вещи мы смотрели глазами расстрелянного старшего поколения. Об этом же в своих дневниках писал Юсуп Абдрахманов, наш премьер-министр в 20-30 годы, Абдыкерим Сыдыков и Ишеналы Арабаев и другие в «Манифесте тридцати» и т.д.

По прибытии из командировки, на коллегии прокуратуры республики Шайхудинов доложил, что мой дед Лепесов Курман действительно был чон-манапом в Джумгале. Имел 40 телохранителей, вооруженных до зубов,

тысячные табуны лошадей, крупного рогатого скота и баранов. Жестоко эксплуатировал бедняков, имел восемь сыновей и одну дочь, которая была замужем за сыном хана Каната Абукина - Карыпбая. Все сыновья Курмана, кроме его отца Шамседина и дяди Насреддина, были репрессированы. Султан и Зайнидин расстреляны, остальные осуждены к различным срокам лишения свободы. Лепесов Курман был осужден и умер в 1926 году по дороге в ссылку на Украину в городе Соль-Илецк, где и был похоронен.

Я не стал отрицать, что мой дед был крупным манапом на севере Киргизии, но возразил, что такого богатства и стольких телохранителей не было даже у наших ханов. Но никто меня слушать не стал, посчитали «социально опасным элементом», что все равно моя манапская кровь течет во мне и когда-нибудь проявит себя. Они оказались правы, моя манапская кровь проявила себя. Впрочем, не только моя кровь, но и кровь других жертв социального насилия. Гены, как говорится, действительно «не обманешь». Большинство детей репрессированных состоялись в этой жизни, стали уважаемыми людьми. И это неспроста, ведь их родители были пассионариями и тысячу раз прав профессор Лев Николаевич Гумилев, создавший эту замечательную теорию этногенеза, которая отвечает на все трудные и тупиковые вопросы, которые накопились у людей. Несмотря на гонения и различного рода препятствия, я не сломался, не запил с горя, а денно и нощно работал, чтобы оправдать надежды предков, сохранить честь рода и семьи, доказать окружающим свою профессиональную пригодность и состоятельность. Испытания закалили меня. Как ученый и гражданин я получил признание как в бывшем СССР, так в своей стране и в соседнем Казахстане. Выражением этой признательности стало присвоение мне ученых степеней кандидата и доктора юридических наук ВАК СССР, в 2004 году - почетного звания «Заслуженный деятель науки Кыргызской Республики», а в 2009 году награждение орденом «Манас». Я отличник образования и отличник юстиции, избран почетным профессором и доктором 5-ти вузов: Чуйского университета,

Академии МВД, Кыргызской государственной юридической академии, КГУ им. И.Арабаева и Восточного университета им. М.Барскауни (Кашгари). Персональный пенсионер за особые заслуги перед Кыргызской Республикой. В Национальной энциклопедии Республики Казахстан обо мне пишут как «о выдающемся казахско-кыргызском ученом». Мою биографию можно найти на страницах Всемирной электронной энциклопедии «Википедия»⁵. При жизни в Кыргызской государственной юридической академии открыт мой музей-кабинет, моим именем названа улица в микрорайоне Джал города Бишкека. Что еще нужно?

Прокурор республики, пытаясь сохранить меня как грамотного национального специалиста, предложил мне перевод в Ошскую область на такую же должность. В то время я занимал пост начальника уголовно-судебного отдела прокуратуры Фрунзенской области. Обида душила меня - как можно, думал я, за такую ерунду ставить крест на судьбе человека? Не давала покоя и личная гордость, угождать, выпрашивать прощение было выше моих сил. Хотя на календаре стоял еще 1952 год. И моя гордыня, как я сегодня думаю, могла иметь для меня самые трагические последствия. Но я был молод и горяч. Отказался от перевода и попросил вообще уволить меня из прокуратуры по собственному желанию, заявив, что намерен поступить в аспирантуру и всерьез заняться наукой.

Но история на этом не закончилась. Вскоре состоялось бюро первичной партийной организации Фрунзенской областной прокуратуры, где от меня потребовали объяснить - «почему при вступлении в партию в 1947 году в Ленинграде я скрыл свое социальное происхождение?». Я ответил: «У меня спрашивали - кто были мой отец, мать, братья, сестра. А кем был мой дед, никто не спрашивал. Если бы спросили, я бы сказал, но никто не спросил». На

⁵См.:http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2,%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BF%D0%B5%D0%BA_%D0%A8%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

бюро мне сказали, что я сам должен был признаться в этом, даже если не спрашивали. Я ответил, что учту в дальнейшем.

Партком прокуратуры Фрунзенской области, отметив сокрытие своего социального происхождения, вынес мне строгий выговор с занесением в учетную карточку, а бюро Первомайского района партии в 1952 году исключила меня из рядов партии за то, что я не признал себя в этом виноватым.

11. Учеба в Москве

Перед выездом в Москву с целью поступления в аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР, куда в газетах был объявлен всесоюзный конкурс, я обратился к вице-президенту Киргизского филиала Академии наук академику Н.И.Захарьеву с просьбой дать мне направление для поступления в аспирантуру. Я понимал, что ехать без направления на всесоюзный конкурс нацмену это чистейшей воды авантюра. Мне потом отказали, по-видимому, наведя обо мне все справки. О моей беде мгновенно узнали все. От меня отвернулись даже родители девушки, которые всегда были ко мне благосклонны и хотели нашей женитьбы.

В мае месяце 1952 года, собрав от продажи некоторых вещей из дома небольшие деньги, я на свой страх и риск поехал в Москву. Там я жил на частной квартире и готовился к вступительным экзаменам на протяжении 4-месяцев. За это время со всеми повстречался и перезнакомился, начиная от директора Института государства и права АН СССР Евгения Александровича Коровина и до заведующей аспирантурой Президиума АН СССР Аксельруд (не запомнил имени и отчества). Там же повстречал и познакомился со многими нашими ребятами, которые учились в Москве или поступали в аспирантуру – Асанканом Джумахматовым, он учился в консерватории; Бейманалы Чокушевым, он поступал в аспирантуру Института истории АН СССР; Чингизом Айтматовым, он поступал в аспирантуру Сельскохозяйственной академии СССР и другими.

По совету и содействию заместителя посла нашего постоянного представительства в Москве В.Дублицкого и его помощника Казанкапова я встретился с академиком Георгием Константиновичем Скрябиным (он был президентом Кыргызского филиала Академии наук СССР) на его квартире с просьбой помочь мне устроиться в общежитие. Сейчас невозможно представить, чтобы какой-то абсолютно незнакомый человек мог прийти к знаменитому академику домой с такой просьбой. Он меня великодушно принял, я ему показал свои документы и объяснил, что на свой страх и риск поступаю в аспирантуру по всесоюзному конкурсу. Он внимательно меня выслушал и помог мне получить место в общежитии под Москвой в Зеленограде.

Как и другие киргизские ребята, живущие и обучающиеся в Москве, мы часто встречались в нашем посольстве с руководителями республики и, как правило, просили их оказать материальную помощь. Мы понимали, страна послевоенная, нищая, а мы были нищими вдвойне, так как жили вдали от родины и не к кому было обратиться, кроме посольства. Я встречался с Исхаком Раззаковым, первым секретарем ЦК КП Киргизии. Со мной предварительно побеседовали его помощники, кажется, Шмелев и Наговицын. На приеме у Раззакова я все рассказал ему о себе, о переживаемых мною мытарствах. Он посочувствовал мне и выписал материальную помощь. На прощание тепло пожелал удачи при поступлении. Также я был на приеме у Болота Мамбетова, председателя Совета Министров Киргизской ССР, Торобая Кулатова, председателя Президиума Верховного Совета Киргизской ССР. Встречался неоднократно с просьбой о материальной помощи и с нашими послами - Деркембаевым, Умаркулом Джакишевым. Они тоже были наслышаны обо мне и моих амбициозных планах без направления попасть в аспирантуру.

Находясь в «подвешенном состоянии» я сделал для себя одно любопытное наблюдение, которое мне помогло правильно мобилизоваться и

сориентироваться в моей практически безвыходной ситуации, и самое главное, прибавило мне уверенности в достижении цели. Те товарищи, которые приезжали поступать в аспирантуру по направлению из Академии наук Киргизской ССР, нередко проваливали экзамен и уезжали. Но их места не пропадали, а разыгрывалось между теми, кто поступал на общих основаниях. Я решил идти до конца, авось повезет, и свершилось.

На вступительных экзаменах по истории государства и права я получил – пять, по философии – пять, а по немецкому языку - три. Мой конкурент (на одно место нас претендовало двое), лаборант этого института, парень еврейской национальности все экзамены сдал на «отлично».

Приемная комиссия института во главе с его директором, известным советским юристом, специалистом в области международного права, заслуженным деятелем науки РСФСР, член-корреспондентом АН СССР, генерал-майором юстиции Евгением Александровичем Коровиным зачислила меня в аспирантуру, несмотря на мою «тройку» по немецкому языку. Почему произошла такая несправедливость? Это надо понимать с учетом политической ситуации того времени и новой развернувшейся волной юдофобии. Начинался очередной этап обострения внутри партии борьбы за власть и как следствие новый этап репрессий и гонений. На это раз в немилость попали евреи. По «делу врачей» было репрессировано и посажено множество евреев. Сталин состарился, болел, но был еще жив и опасен.

После зачисления аспирантом в Институт государства и права АН СССР я был на седьмом небе от счастья. Меня поздравили братья казахи, которые были докторантами в этом институте Култелеев, бывший директор Алматинского юридического института Сапаргалиев, а также крупный советский ученый, член-корреспондент АН УССР, академик АН Казахской ССР, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор Серафим Владимирович Юшков, автор учебников по истории государства и права СССР. Он был председателем приемной комиссии по специальности, а вышеназванные

казахские ученые - членами комиссии. Но моя радость оказалась преждевременной.

12. Снова донос

Поселился я в общежитие института с прекрасным видом на Кремль и Красную площадь. Вскоре начались занятия. Проходит месяц, скоро мы должны были получить аспирантскую стипендию в 1000 рублей. Но не тут-то было. Однажды меня разыскивает заведующий аспирантурой института Кудрявцев и говорит: «Аксельруд затребовала твое личное дело, не знаю зачем. Тебе надлежит туда явиться». У меня сразу екнуло сердце, такой интерес к моей персоне не предвещал ничего хорошего. Я поехал к ней. Она меня хорошо знала, так как мы много раз встречались с ней, когда я готовился к поступлению в аспирантуру. Она с грустью говорит мне, что поступило письмо в Президиум Академии наук СССР и главному ученому секретарю президиума академику А.В.Топчиеву из киргизского филиала Академии наук за подписью ученого секретаря филиала Найдича о том, что ряд лиц из Киргизской ССР являются нежелательными для обучения в аспирантуре столичных вузов. В их числе назывались: Айтматов Чингиз - сын врага народа, Курманов Карпек - сын манапа, Тургунбеков Рафик – сын кулака и еще две фамилии, сыновей репрессированных. «Как только вы все соберетесь, - сказала Аксельруд, - вас примет Александр Васильевич Топчиев». Принял он нас очень любезно и сказал с некоторым удивлением в голосе, что вот, мол, ваша суверенная республика не желает вашего обучения в аспирантуре. Поэтому мы по их просьбе должны вас отчислить, а вы поезжайте домой и постарайтесь исправить положение. Я со своей стороны обещаю за вами сохранить места в аспирантуре, если на месте вы устраните это недоразумение.

Что нам оставалось делать? Для возвращения в Киргизию нужно было добыть денег на железнодорожный билет, ведь нужно было ехать 7 суток. Посоветовавшись с друзьями по несчастью решили обратиться с просьбой одолжить деньги на дорогу к редактору «Ведомости Верховного Совета СССР»

на кыргызском языке Койчуманову, с которым мы познакомились в Москве как с бывшим другом моего репрессированного дяди Султана Курманова. У него на квартире я бывал не один раз. Когда мы явились к нему и рассказали о постигшей нас беде, он очень расстроился и дал нам деньги. Их хватило на 5 билетов и по одной буханке хлеба на каждого.

Через семь суток мы без особых приключений добрались до Фрунзе и сразу же с вокзала пошли в ЦК КП Киргизии к И.Раззакову. Мы рассказали постовому милиционеру о цели нашего визита. Он позвонил куда-то и к нам вышел помощник первого секретаря Наговицын. Увидев нас, он очень удивился, ибо был в курсе, что мы были зачислены на учебу. Выслушав нас, он сказал, что сейчас идет IX съезд Компартии Киргизии, товарищ Раззаков находится там (а время было ближе к вечеру) и как только он вернется, я ему доложу про вас.

Поздно вечером И.Раззаков пришел, выслушал о цели нашего прибытия и тоже выразил своей удивление. Несмотря на поздний час, он тут же вызвал президента филиала АН Киргизской ССР академика Ису Коноевича Ахунбаева, который срочно пришел к нему в кабинет. Узнав о наших злоключениях, ставших результатом письма ученого секретаря филиала Найдича, он сказал, что ему об ничего не известно. Тогда И.Раззаков поручил своим помощникам разыскать заведующего отделом науки ЦК КП Киргизии А.А.Алтымышбаева, впоследствии академика АН Киргизской ССР. Он оказался в отъезде в доме отдыха «Ыссык-Ата». Ахунбаев заявил, что он никаких претензий к нам не имеет и готов завтра же отправить нас обратно на учебу в Москву с соответствующим письмом, пообещав также разобраться с Найдичем. А нам велел завтра быть готовыми к отъезду и явиться к нему в кабинет.

Находясь на высоких постах председателя Совмина, а затем 1-го секретаря ЦК КП Киргизии Исхак Раззакович Раззаков, который приехал в Кыргызстан в 1945 году, очень многое сделал для своего народа и своей республики. Он был инициатором и активным участником создания Академии

наук республики, открытия Киргизского государственного университета, политехнического, Киргизского женского, Ошского, Пржевальского педагогических институтов, Института физической культуры, многих средних специальных учебных заведений, отраслевых научных учреждений, изданий ряда журналов и газет. Он был человеком, сочетающим в своей деятельности одновременно принципы авторитарной системы и робкие попытки демократических преобразований «периода оттепели». Он был государственным деятелем общенационального масштаба, не ограниченный рамками региональной или трайбалистской психологии, в отличие от многих тогдашних, да и нынешних руководителей республики тоже. На прощание Исхак Раззакович пожелал нам благополучия и успехов в учебе и на этой приятной ноте мы очень радостные разошлись.

На следующий день часов в 10 утра мы собрались в приемной кабинета Исы Коноевича Ахунбаева. Спросили у секретарши на месте ли президент, она ответила утвердительно. Но он не выходил и не приглашал нас в кабинет. Время шло. Мы начали беспокоиться. Вдруг дверь кабинета внезапно открылась и из него вышел огромный и мрачный Ахунбаев, и, обращаясь к нам, сказал: «Балдар, куда кылса, куварындын акысы барбы?». Затем пригласил нас в кабинет и рассказал следующее. Оказывается Алтымьшбаев узнав, что его ищет И.Раззаков, прервал свой отдых и ночью прибыл во Фрунзе. Связавшись с Раззаковым и Ахунбаевым он рассказал, что им была получена секретная директива от секретаря ЦК КПСС М.А.Суслова о том, что нежелательно обучение в аспирантуре центральных вузов Москвы и Ленинграда детей репрессированных врагов народа. Во исполнение этого указания, он вызвал к себе ученого секретаря филиала АН Киргизской ССР Найдича и, продиктовав содержание этого письма, велел его отправить в Москву. При этом он извинялся, что не успел доложить И.Раззакову о полученной секретной директиве.

После такого сообщения, Иса Коноевич обратился к нам со следующими словами: «Вы все с высшим образованием, устраиваетесь на работу и честно и добросовестно живите, обзаводитесь семьями, воспитывайте детей. Больше я вам ничего не могу сказать».

Много месяцев после этого я не мог устроиться на работу по специальности в правоохранительные органы. Везде мне отказывали, ссылаясь на мое социальное происхождение и исключение из партии. «Идеолог партии» Суслов хорошо знал свое дело. Репрессивная политика немного ослабла во время войны, но снова начала набирать обороты после ее окончания. И это я почувствовал на себе лично.

13. В министерстве торговли

Однажды в административном отделе ЦК КП Киргизии, куда я пришел просить помощь о трудоустройстве, в коридоре меня встретил Чымырбай Чикеев - министр торговли Киргизской ССР. Поздоровавшись со мной, он спросил: «Что тут делаешь?» Я сказал, что ищу работу и т.д. Он, не раздумывая, тут же предложил мне стать его помощником, хотя юристов у него в министерстве хватало. Я, конечно, с удовольствием согласился и на следующий день был зачислен на должность помощника министра торговли Киргизской ССР. Основная моя обязанность состояла в сопровождении министра в командировках, в поездках по городу по торговым точкам, запись его замечаний и указаний, а также подготовка проектов приказов и выступлений министра на коллегии и других собраниях и совещаниях. Моей работой министр остался доволен. И я тоже получил огромное удовольствие от работы с таким исключительно честным, доброжелательным, умным и проницательным руководителем, который пользовался большим авторитетом и уважением среди людей и руководства республики. Чымырбай Чикеевич пришел мне на помощь в самый трудный час, когда для меня все вокруг

рушилось. И за это я всегда буду хранить о нем добрую память в своем сердце. Работая на юридическом факультете в КРСУ приглашенным профессором я с удовольствием узнал, что его дочь Зуура Чымырбаевна Чикеева стала юристом высшей квалификации, кандидатом юридических наук, доцентом и заведует кафедрой истории и теории государства и права.

В министерстве торговли я проработал один год и за это время приобрел множество хороших знакомых и друзей, которые в последующей моей жизни сыграли немалую и позитивную роль. Но мечта вернуться на работу по специальности никогда не покидала меня. И вот такая возможность наконец-то представилась в 1953 г. После смерти Сталина стали меньше бояться, остерегаться людей с бай-манапским прошлым. Не без помощи своих друзей и знакомых среди работников правоохранительных органов республики, я был принят в коллегия адвокатов Фрунзенской области. Работу я начал в юридической консультации Свердловского района г.Фрунзе. Здесь я проработал, «сидя на пороховой бочке с сигаретой в зубах», непрерывно 10 лет, став за это время одним их востребованных адвокатов республики. Не скрою, здесь я тоже приобрел не менее богатый практический опыт работы, чем в органах прокуратуры, участвуя в крупных судебных процессах по громким уголовным делам, но уже не на стороне власти, а другой стороне, на стороне наших граждан.

13. Махмуд Эсамбаев, чеченцы и другие»

Поступая на работу во Фрунзенскую областную коллегия адвокатов я сразу освоил одну непреложную истину - нужно быть абсолютно честным по отношению к своим клиентам. Если обещаешь помочь, надо помочь. Если не выполнил обещанное, то обязательно верни деньги назад. Такое отношение к работе адвоката помогло мне не раз избежать ареста в лихие 60 - е годы. Благодаря этому удалось приобрести широкую клиентуру. Особенно много

клиентов у меня было из чеченцев. Когда я приезжал в юридическую консультацию на работу – там всегда стояла большая очередь на мой прием. Люди не хотели идти к другим адвокатам, потому, что они, когда-то или кого-то из знакомых, родных, друзей в чем-то обманули или не вернули деньги и т.д.

Работая с чеченцами, я искренне уважал этот народ. Говорить не правду, относиться к старшим с неуважением, не выполнять свои обещания у них считалось большим позором. Когда в троллейбус или автобус входил пожилой чеченец, все находящиеся в нем чеченцы вскакивали со своих мест в знак уважения. Это повергало в изумление как кыргызских, так и русских невежд, разучившихся правилам почитания старших. Мне пришлось общаться с их вождями, имамами, присутствовать на их свадьбах, похоронах и других собраниях и торжествах. И через такое общение я многое узнал из обычаев и традиций этого гордого горского народа. Много лет дружил с Махмудом Алисултановичем Эсамбаевым. Он был где-то на 2 - 3 года старше меня и работал тогда солистом нашего Театра оперы и балета, танцевал с восходящей звездой киргизского балета Бибисарой Бейшеналиевой. Будучи, уже мировой величиной, когда он приезжал во Фрунзе, он разыскивал меня, приглашал с моей супругой на свои концерты и в гости к нашим чеченцам, которые они устраивали в честь его приезда.

Мое знакомство с Махмудом началось в 1950 году, когда я начал работать в Прокуратуре Киргизской ССР в должности прокурора отдела по надзору за милицией и МВД. Однажды, когда он вместе со своей женой стоял в очереди за билетами в кинотеатр «Ала - Тоо», какая-то шовинистическая сволочь обозвала его жену обезьяной. Махмуд сразу же полез в драку со своим обидчиком. В результате они оказались в отделении милиции Первомайского района. Оттуда он мне позвонил на работу, прося помощи. Я тут же приехал в отделение милиции, где начальником был майор Новиков, мой хороший знакомый, и попросил его освободить Махмуда как задержанного по недоразумению без штрафа, что он и сделал. С этого времени мы стали

крепкими друзьями и наши отношения продолжались многие десятилетия. Тогда я воочию понял, что чеченцы высоко ценят и никогда не забывают даже незначительные услуги или одолжения. В беседах с ними я рассказывал о том, как впервые мне пришлось столкнуться с ними, когда я работал заведующим мобилизационным отделом Курдайского райисполкома. Зимой 1944 года председатель райисполкома Исагулов пригласил меня и председателя сельского совета (фамилии уже не помню). Сказал, что по разнарядке в наш район прибывают спецпереселенцы чеченцы, ингуши, карачаевцы и другие, что их нужно привезти с вокзала города Фрунзе в село Георгиевка. Мы выехали ночью на пяти бричках, запряженные двумя быками каждая. До города Фрунзе расстояние в 20 километров. Мы ехали всю ночь. На вокзале, куда мы приехали утром, чеченцы, которых загружали в наши брички, были в легкой одежде, некоторые женщины были одеты в платья, кутались в ковры и кошмы, которые успели прихватить перед спешной высылкой. Зрелище было жуткое, страшный мороз на дворе, а люди раздетые закапываются в сено на бричках и ничем им нельзя помочь. Обрато ехали целый день и поздно вечером приехали в село Георгиевка, разместили переселенцев в районном клубе. По дороге одна женщина молодая и красивая в одном платье без платка ехала на бричке стоя. Мы с напарником, а мы были верхом на лошадях, подъезжали к бричке и говорили ей садись, закройся сеном, а то замерзнешь, умрешь. Но она никак не реагировала. Говорившей по-русски чеченец, мужчина средних лет, объяснил нам поведение этой женщины. Она, мол, жена большого начальника в Чечне, не хочет жить, хочет простыть и умереть, поэтому не будет слушать вас. Потом мы расселяли переселенцев по домам колхозников в порядке уплотнения, не обходилось без скандалов. Многие потом умерли от холода и голода. Те, кто выжили, но не все, занимались кражами (жить - то было не на что), быстро богатели, многих осуждали. Когда наступило время реабилитации, помню наши чеченцы, которые приехали голыми и босыми, уезжали, загружая

ж/д платформы своими автомашинами и другими дорогими вещами, скрытно выкапывали из могил и увозили останки своих умерших родственников.

Мне рассказали в Ак - Тюзе, что в Кеминском районе был случай, когда у одного чеченца сын стал алкоголиком, что было для них случаем весьма редким. Для того, чтобы избавить сына от этого порока, он взял с него слова «клятву на Коране», что тот бросит пить. За это отец купил ему автомашину «ЗИЛ» за 100 тыс. рублей, которая стояла в автомагазине Фрунзе в свободной продаже. Обычная «Волга» стоила 16 тыс. рублей, но в порядке очереди или по распределению.

Или вот другой случай, чему я был лично свидетелем. Ко мне обратился молодой чеченец с просьбой защитить его интересы в народном суде Кеминского района по обвинению в похищении женщины с целью вступления в брак. По материалам дела и его личному рассказу выходило, что он полюбил одну девушку - чеченку, проживающей в поселке Ак - Тюз. Она отвечала ему взаимностью. По обоюдному соглашению они решили пожениться путем умыкания, так как у нее не было родителей, она жила у дяди. В день ее отъезда он приехал в Ак - Тюз на автомашине, тетя вынесла ее чемодан с вещами. Распрощались и поехали. Но об этом каким-то образом узнает ее дядя, организуют погоню и не доезжая до села Бурулдай настигают их, пересаживают девушку в свою автомашину, а его избивают и более того в присутствии его невесты ему спускают штаны (он остается в трусах). Такие действия считаются для чеченцев страшным позором. Мало этого, дядя невесты написал в прокуратуру жалобу об этом преступлении и заставил невесту также подписать эту жалобу. В день слушания данного дела в Кеминском народном суде зал был переполнен чеченцами и с той, и с другой стороны. Дело слушалось под председательством заместителя нарсудьи района, который, еще не начав слушания, спрашивал у меня - какой приговор надо вынести по делу? Дело слушалось без участия прокурора. Решили начать с допроса потерпевшей, то есть невесты, так как обвиняемый не признавал своей вины. Девушка начала

давать свои показания с того, что ее насильно, без ее согласия, подсудимый хотел умыкнуть, то есть она сказала те слова, которые от нее требовал дядя. На вопросы судьи и мои вопросы она утверждала, что согласия выйти замуж она не давала, ее похитил подсудимый против ее воли. Когда до подсудимого дошла очередь задавать вопросы, он спросил ее, - «скажи последний раз, как перед Богом, что ты давала согласие на вступление в брак со мной и мы бежали по обоюдному согласию». Когда она ответила «нет, такого не было», мой подзащитный полез в карман, достал пистолет и выстрелил в нее, затем повернувшись в зал и отыскав глазами дядю невесты выстрелил в него. Что начало твориться в зале заседаний, трудно описать, все бросились к двери, началась давка, крики, судью вместе с заседателем и секретарем как ветром сдуло. Я остался в зале один. Посмотрев в мою сторону долгим отсутствующим взглядом, он побрел к выходу. Как оказалось, пошел сдаваться в милицию. Впоследствии его судил Верховный суд Киргизской ССР за убийство двух и более лиц и приговорил к расстрелу. Но в этом деле я уже не участвовал.

15. «Еврейское дело»

Одним из самых запоминающихся дел в моей памяти осталось уголовное дело Акматова Имаке – родного младшего брата секретаря ЦК КП Киргизии Абдыкаира Казакбаева. Его арестовали и обвиняли в том, что, будучи старшим следователем Фрунзенской городской прокуратуры, он занимался взяточничеством в крупных размерах при соучастии группы лиц, проходивших по делу. Предварительное следствие по этому делу велось следователем по особо важным делам генерал-майором юстиции Ивановым, прибывшим из Москвы.

В 1960 году после окончания следствия, для ознакомления с делом в качестве адвоката Имаке Акматов попросил следователя пригласить меня. Как опытный следователь прокуратуры, он не раз встречался со мной на работе в

другой обстановке. И знал, что в его теперешнем положении реальную помощь как адвокат могу оказать только я. Дело Акматова в республике стало первым в разворачивающейся очередной массовой политической кампании по борьбе с врагами народа «по - хрущевски». Затем последовали массовые аресты работников судебных и правоохранительных органов республики, обвиняемых во взяточничестве в связи с делом по Аламединской трикотажной фабрике. В народе это дело прозвали «еврейским», поскольку большинство фигурантов были лица еврейской национальности. Это «дело», я считаю, не до конца распутанная страница нашей советской истории, связанная с хрущевской оттепелью. Ведь многие неверно полагают, что репрессии были только «сталинские», а после него началась оттепель, наступила совершенно другая, счастливая эпоха... Хотя были восстания возмущенных людей и их расстрелы в Черкасске, Краснодаре, Темиртау и других городах Союза, выступивших против социально-экономической политики Хрущева, его сподручных и «преемников». Были также и репрессии, которые также должны быть осуждены, а все его жертвы реабилитированы.

Черным пятном в истории «хрущевской оттепели» отмечен инициированный Н.С. Хрущевым Указ Президиума Верховного Совета СССР, от 5 мая 1961 года, о введении смертной казни за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах и за изготовление поддельных денег. «Расстрельному Указу» была придана обратная сила. И в соответствии с ним были казнены московские фальшивомонетчики Рокотов и Файбищенко, арестованные **до издания Указа**. Невиданная со времен инквизиторов средневековья казнь людей путем придания закону обратной силы вызвала большие протесты мировой общественности.

Профессор-историк Чынара Жакыпова в своей книге «Конфискация жизни» (Бишкек, 1999) документально установила, что жертвами того средневекового хрущевского Указа стал и 21 фрунзенец⁶. Они были арестованы

⁶ См.: Жакыпова Ч.Ш. Конфискация жизни / Худож. А.Н.Карпов. - Бишкек, 1999. - 212 с.

в АПРЕЛЕ 1961 года, а расстреляны «в соответствии» с МАЙСКИМ Указом того же года.

По «трикотажному делу Гольдмана, Газенфранца, Френкеля, Таласбаева, Дюшалиева и других» было арестовано около 150 человек. Было арестовано 70 с лишним работников суда, прокуратуры, милиции. Среди них - прокурор Фрунзенской области, старший советник юстиции Корнюшенко, начальник следственного отдела прокуратуры республики Волгин, бывший начальник этого отдела Щербаков, член Верховного суда Киргизской ССР - Турусбек Касымбеков, член Фрунзенского областного суда Мукаш Мамбетсадыков, судья Первомайского района г. Фрунзе Мифтахудинова, адвокаты Броер, Фишман, Кузнецов и многие другие. Об этом деле я расскажу несколько попозже.

Уголовное дело И. Акматова и других, всего пяти человек, было рассмотрено Верховным судом Киргизской ССР под председательством Николая Павловича Воронцова. В обвинительной речи прокурор просил Акматову определить меру наказания в 10 лет лишения свободы. В своей защитной речи я просил оправдать его за недоказанностью обвинения. Судебная коллегия Верховного суда Киргизской ССР, признав Акматова виновным по некоторым эпизодам обвинения, приговорила его к 4 годам лишения свободы. Такую меру наказания я счел вполне приемлемым и посоветовал Акматову смириться с этим. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал. Отбыв наказание, Акматов вернулся на свободу, а через какое-то время стал начальником БТИ г. Фрунзе. Благополучно дожил до пенсии и ушел на заслуженный отдых. Мы всегда были рады встрече друг с другом, вспоминая прошлое.

Как начиналось дело по Аламединской трикотажной фабрики, я излагаю по рассказу руководителя следственной группы, расследовавшего это громкое дело, полковника М.М. Сыщикова, являвшегося начальником КГБ по Ленинградской области. В его следственной группе не было ни одного

местного следователя. Все были «варяги» и приехали из других городов и республик. В общей сложности их было около 17 человек. Среди них особой служебной ретивостью выделялся майор Кудинов.

Будучи адвокатом, я много раз встречался с Сыщиковым в связи с моим участием в качестве защитника по уголовному делу Ч. Сыдыкова, подполковника, бывшего начальника ОБХСС МВД Киргизской ССР (более подробно об этом будет изложено ниже).

«Еврейское дело» рассматривалось в здании дома культуры деревообрабатывающего комбината выездной сессией Уголовной коллегии Верховного суда СССР под председательством Б.С. Цырлинского, с участием пяти прокуроров из прокуратуры СССР, поддерживавших государственное обвинение в суде.

Уголовное дело по обвинению судебно-прокурорских и милицейских работников республики рассматривалось одновременно в другом здании выездной сессией Уголовной коллегии Верховного суда СССР под председательством Анашкина.

В свободное время я посещал тот или другой процесс. Вход на процессы был строго по пропускам, но они у меня имелись. Как-то однажды декан юридического факультета КГУ С. Кусегенов сказал мне: «Попроси полковника Сыщикова до его отъезда выступить перед студентами юридического факультета КГУ по рассматриваемым уголовным делам, находящимся на стадии рассмотрения в судах». На такую просьбу полковник любезно согласился. Встреча студентов со следственной группой состоялась в Большом актовом зале КГУ. Полковник пришел не один. Его рассказ начался с того, что поступило много писем и жалоб в КГБ СССР о том, что творится в г. Фрунзе с еврейским населением, собирающимся выехать в Израиль, что они совершают хищение государственной собственности в особо крупных размерах, приобретают драгоценности в виде золота, бриллиантов и т.д. Это же имеет место и в других частях СССР – в Украине, Закавказье и т.д. Но как сделать

так, чтобы взять всех участников преступления, а не по отдельности? Тогда у них не будет возможности спрятать наворованное богатство. Долго думали и, наконец, решили послать во Фрунзе на гастроли еврейский театр в Москве «Шолом алейхум», который давал спектакли на еврейском языке. Мы знали, что все билеты раскуплены и на спектакль придут все евреи со своими женами, разодетыми и развешанными в бриллианты и золото. Вместе с театром приехало и много наших сотрудников КГБ, которые, смешавшись с еврейской публикой в зале театра, все фиксировали, скрытно фотографировали и т.д. Когда закончился спектакль, - продолжал Сыщиков, - и люди начали расходиться вместе с ними по их следам пошли наши сотрудники КГБ и арестовали их на дому, производили обыски и выемку ценностей, составляли протоколы с участием понятых, закрепили доказательства и т.д. Только за одну ночь, по его словам, было арестовано 150 участников преступления, в основном работники Аламединской трикотажной фабрики во главе с двумя братьями Гольдман преклонного возраста и с 4 - классным образованием. В результате их преступлений государству был нанесен ущерб в 30 млн. рублей. Мы же адвокаты считали в то время, что это не было хищением, а имело место предпринимательство, то есть упущенная выгода для государства.

О ночных арестах жителей города Фрунзе адвокаты узнали только утром и поражались его масштабам. В последующем аресты производились почти ежедневно, в основном забирали работников суда, прокуратуры и милиции города Фрунзе.

По рассказу Сыщикова, один из участников преступления Френкель, проживавший в г. Фрунзе в Кызыл - Аскере, не пошел в театр по болезни, хотя у него тоже был билет на спектакль. Узнав о ночных арестах и чтобы избавиться от денег, которые хранились у него дома, рано утром, часов в пять, он идет на автобусную остановку с рюкзаком денег и стал раздавать их целыми пачками людям, ожидавшим автобус. Некоторые, не понимая, что происходит,

шарахались от него. Другие, более пронырливые, вырвали из его рук рюкзак с деньгами, высыпали деньги на землю, похватали пачки и были таковы.

Вскоре об этом стало известно властям, Кызыл-Аскер был оцеплен войсками и подворно произведен обыск с целью обнаружения растасканных денег. Френкеля все равно арестовали, но уже без денег.

Как говорил Сыщиков, особенностью этого «еврейского дела» было то, что арестованные Гольдман, Газенфранц и другие, как по команде заявили, что они признаются во всем, только чтобы их не били. Поэтому они стали рассказывать следователям даже о таких вещах, о которых те даже не подозревали. Что удивительно, точно такое же явление происходило и среди арестованных работников правоохранительных органов. Они якобы раз и навсегда решили избавиться от всех своих грехов и рассказали следователям все, что знали. Ведь по УК Киргизской ССР 1960 года за получение взятки максимальный срок наказания предусматривал 8 лет лишения свободы, за хищение государственного имущества до 10 лет лишения свободы. Но Президиум Верховного Совета СССР под председательством Л.И. Брежнева издал Указ от 5 мая 1961 года об усилении уголовной ответственности за получение взятки в особо крупных размерах (с использованием ответственного должностного положения), а также за хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах. Мера наказания была установлена в виде лишения свободы сроком до 15 лет или смертная казнь. Этому закону была придана обратная сила. Такой подход грубо нарушал общие принципы права и морали и был абсолютно неприменим ни при каких политических режимах, и ни при каком государственном строе. Это был варварский акт, который нельзя назвать законом. Но власть в СССР в годы массовых репрессий совсем разучилась соблюдать международные правила и этикет. Вновь принятый уголовный закон, усиливающий наказание, ни в коем случае не мог иметь обратную силу. Это правило повсеместно соблюдалось еще со времен древнего Рима – общепризнанного законодателя права.

Нарушать это незыблемое международное правило не осмеливались даже фашисты, а вот коммунисты пошли на это. В связи с этим мне запомнилась телепередача «Красный квадрат», состоявшаяся уже после развала СССР. На ней обсуждался вопрос: что опаснее - фашизм или коммунизм? Итог обсуждения был следующим. Первый (фашизм) не трогает свой народ, уничтожает другие; второй (коммунизм) уничтожает свой народ, не трогает других. Конечно, и то, и другое чудовищно, которому нет места на земле. Но даже такое сравнение было не в пользу коммунистов, пропагандировавших на словах гуманизм и общую справедливость. Как только дело доходило до собственных граждан, все это забывалось и начинало работать средневековое право, то есть «право сильного».

Когда заключенные узнали об этом «драконовском»⁷ законе, предусматривающем смертную казнь, все дружно отказались от своих первоначальных признательных показаний. Все без исключения стали отрицать свою вину, как по судейскому делу «о трикотажной фабрике», так и по «судебно - прокурорскому» делу. Это, конечно, осложнило работу следователей на завершающей стадии следствия, о чем говорил Сыщиков, что подтвердили и судьи, при рассмотрении этих дел по существу.

За «интересную» научно-познавательную информацию для студентов юридического факультета, декан поблагодарил полковника Сыщикова, пожелал ему успехов и, согласно нашим обычаям, подарил ему колпак и киргизский чапан.

16. Аресты

Мне было известно, что арестован мой знакомый следователь по особо важным делам прокуратуры республики Александр Чежин, который окончил

⁷ По имени древнегреческого правителя и законодателя **Дракона**, который принял свод суровых законов, что возникло крылатое выражение *драконовские законы, меры*, относящиеся к чрезвычайно строгим наказаниям.

Ленинградский юридический институт им. М.И. Калинина годом раньше меня в 1948 году, что он дает признательные показания, затрагивающие и мою адвокатскую деятельность. В связи с чем, на письма, поступающие в коллегия адвокатов от арестованных с просьбой назначить им в качестве защитников меня. На это полковник Сыщиков и майор Кудинов передали нашему председателю коллегии адвокатов Сакеевой: «... адвоката Курманова не посылайте в качестве защитника к заключенным, так как мы его скоро самого посадим».

Я, конечно, знал, о чем мог говорить в признательных показаниях А. Чежин. Однажды ко мне обратился мой родной дядя Кемель Курманов, работавший фотокорреспондентом в республиканском журнале, с просьбой профессионально помочь его знакомому, известному писателю, зятя которого обвиняют в изнасиловании. Расследование дела вел Чежин. Я побеседовал с тещей, и самим зятем, который находился под подпиской о невыезде. О некоторых подробностях обвинения решил расспросить самого Чежина, чем он может помочь моим просителям. Он согласился помочь, то есть прекратить производство уголовного дела за недоказанностью в связи с отсутствием потерпевшей, которая после случившегося навсегда выехала за пределы республики, а обвиняемый категорически отрицал свою вину. Конечно, не просто так, а за определенную мзду. Я уже не помню сколько, но тот факт, что я был посредником в передаче взятки, имел место. По - видимому, Чежин, как и другие подследственные, в порыве признания своей вины и самоочищения, рассказал следствию об этом факте. Но после выхода упомянутого выше указа, он, как и все, отказался от этих показаний. Поэтому, не имея на меня других компрометирующих материалов, следователи не посмели тронуть меня.

Однажды, когда я участвовал в селе Кант в работе выездной сессии Верховного суда Киргизской ССР по уголовному делу в качества адвоката, открылась дверь, в котором появился майор Кудинов. Окинув взглядом всех присутствующих, он обратился к судье Ибраимову (он был азербайджанец по

национальности) и попросил объявить перерыв. Все мы поняли, время было такое, что Кудинов появился неспроста, наверное, кого-то из нас арестовывать. Когда мы все зашли в канцелярию суда, Кудинов спросил - кто из нас Курманов? Пока я успел ответить, что это я, стоящий за мной судья Ибраимов вытолкнул меня вперед, с возгласом - вот он Курманов, по-видимому, от радости, что приехали не за ним. Все присутствующие молча поняли, что меня арестовывают. Девушки из канцелярии, хорошо относившиеся ко мне, заплакали прямо навзрыд. Выйдя из здания суда, мы сели в автомашину и поехали в г. Фрунзе. Кудинова в машине ждали еще трое сотрудников, а также водитель. По дороге все молчали, и я тоже молчал, ибо все было так понятно. Когда въехали в город, я сказал Кудинову: «... вот в этом доме проживает моя мать, дай возможность попрощаться с ней, останови машину». Он ответил «успеете», мы продолжали ехать. Когда приехали к зданию КГБ, куда мы вошли вместе с Кудиновым, он повел меня в огромный зал ожидания на первом этаже, где было много народа, в том числе и наш председатель коллегии адвокатов Сакеева. Увидев меня, она подошла ко мне с вопросом, почему я здесь. Я ответил, что меня сняли с судебного процесса в Канте и привезли сюда, не знаю – зачем?! В душе я стал понимать, что это не арест, а что-то другое, но что я не мог понять. Через минут 10 - 15 пришел Кудинов и повел меня на третий этаж, в кабинет, где находился руководитель следственной группы Сыщиков.

17. Круги расходятся

Он поднялся из-за стола и подошел ко мне со словами: «Извините товарищ адвокат, что мы были вынуждены привезти вас сюда, так как дальше уже тянуть нельзя, сроки поджимают. Нужно защите ознакомиться с делом Ч. Сыдыкова, который вот уже месяц знакомится с делом один, в своей одиночной камере. Мы ему предлагали другого адвоката, но он категорически

отказывается, требуя только вас». Я сказал ему, что не по моей вине все это происходит, ведь они же сами не пускали меня к нему. Он ответил, что обстоятельства изменились: «Вы сейчас спуститесь в подвал, переговорите с Сыдыковым. Где вам будет лучше знакомиться с делом - их 150 томов, там, в камере или наверху в каком-нибудь кабинете?»

Спустился в подвал я с тем же Кудиновым. Впервые тогда увидел этот тюремный подвал КГБ, о котором было много самых ужасных сведений, и где были замучены сотни и даже тысячи людей в сталинские годы репрессий. Длинный коридор с камерами по обе стороны. На полу были постелены спортивные маты для того, чтобы не были слышны звуки шагов надзирателя и других ходящих по ним. У входной железобетонной двери в подвал мы стояли довольно долго. Надзиратель не мог открыть огромным ключом дверь, ключ все время проворачивался. Наконец дверь открыли. Прошли по коридору, подошли к одной камере, которую так же долго не могли открыть, ключ все время проворачивался. Наконец дверь открылась, мы зашли в полутемную, мрачную и довольно прохладную и сырую камеру, где в глубине, в окружении многих томов уголовного дела, сидел худой и бледный человек подполковник Сыдыков - бывший начальник ОБХСС МВД Киргизской ССР, отец большого семейства. Получая его короткие письма в коллегиию адвокатов, я не знал - какой из себя этот Сыдыков, встречался ли я с ним в городе или нет? Но, когда увидел его, сразу узнал. Оказалось, что я его видел чуть ли не каждый день, идя на работу в Свердловскую юридическую консультацию, которая находилась на улице Ленина (ныне проспект Чуй). Я выходил из дома на ул. Панфилова и шел по улице Токтогула до бульвара Дзержинского, а затем спускался вниз. В это же время С. выходил из дома МВД (стоящего на углу улиц Токтогула и Дзержинского), мы встречались, кивали друг другу в знак приветствия и шли каждый своей дорогой. То, что это был Сыдыков - начальник одного из управлений в МВД республики, я тогда не знал.

Когда надзиратель и Кудинов ушли, мы, оставшись с глазу на глаз, начали обсуждать, как быть с изучением дел, где его проводить. Решили изучать уголовное дело прямо в камере, имея в виду, что изучение 150 томов затянется надолго, минимум месяца на 2 - 3. Договорились просить следствие, чтобы ежедневно в камеру доставляли обед из соседнего ресторана «Лето» на два человека. Сыщиков с нашими условиями согласился и на протяжении почти полутора месяцев - 47 дней, я ежедневно ходил в подвал следственной тюрьмы КГБ и с 10 часов утра до 5 часа вечера изучал дело с участием Сыдыкова. Мой подзащитный был очень грамотным юристом с исключительно красивым каллиграфическим подчерком, спокойный и рассудительный. В камере он сильно страдал от гипотонии, болезни, связанной с пониженным давлением крови. За эти полтора месяца состояние здоровья Сыдыкова значительно улучшилось. Благоприятно сказывался ежедневный обед из ресторана из трех блюд и свежий воздух (в душевой камере во время работы нам открывали решетчатые окна настежь). Когда мы хотели посекретничать, то писали друг другу записки, ибо не исключалось наличие прослушивающих устройств. Обвинение против него строилось на двух эпизодах.

Первый эпизод – халатность, статья 111 УК Киргизской ССР, мера наказания до 3 лет лишения свободы. Его обвиняли в том, что, будучи начальником ОБХСС, он допустил возможность преступной группе из Аламединской трикотажной фабрики расхищать на протяжении трех лет, с 1960 по 1963 годы народное имущество, что нанесло ущерб государству на сумму в 30 млн. рублей.

Второй эпизод – получение взятки с использованием особо ответственного должностного положения по новому указу Президиума Верховного совета СССР вплоть до наказания в виде смертной казни.

Это обвинение строилось на показаниях одного человека Таласбаева - директора Аламединской трикотажной фабрики, который на предварительном следствии заявил, что как-то находясь в аэропорту города Фрунзе вместе с

группой провожающих Сыдыкова и его супруги Зои, уезжавших на отдых в Крым, дал 1000 рублей не самому Сыдыкову, а его жене. Другие якобы тоже давали деньги Сыдыкову на дорогу, согласно киргизскому обычаю «уйкулук». Я, мол, тоже давал деньги, так как знал его как начальника ОБХСС МВД Киргизской ССР, боялся его и т.д. Такие показания следствию Таласбаев давал неоднократно.

Обсуждая будущую перспективу рассмотрения уголовного дела в суде, я говорил Сыдыкову, что, если Таласбаев откажется от своих показаний, то суд обязан исключить из приговора обвинение в получении взятки, как недоказанное или оправдать из-за отсутствия события преступления. С обвинением в халатности следует согласиться, мера наказания до трех лет лишения свободы, которые Сыдыков фактически уже отбыл, будучи под стражей свыше 1,5 лет.

Нужно было добиться того, чтобы следствие выделило материалы по обвинению Сыдыкова в отдельное производство. После неоднократных письменных и устных ходатайств защите удалось добиться желаемого. Уголовное дело в отношении Сыдыкова выделили в отдельное производство от уголовного дела по Аламединской трикотажной фабрике и передали для рассмотрения по существу в Верховный суд Киргизской ССР.

Слушание уголовного дела по обвинению Сыдыкова состоялось в июле 1962 года в здании клуба милиции, выездной сессией уголовной коллегии Верховного суда Киргизской ССР под председательством Е. Чекуновой. Государственное обвинение поддерживал заместитель прокурора Киргизской ССР по специальным делам Горшенин, адвокатом был я.

Огромный зал клуба милиции был набит битком. Проходили по пропускам, подписанным тремя лицами: министром внутренних дел Киргизской ССР Масковым, председателем КГБ Володиным и начальником милиции Киргизской ССР Черновым. В первый же день, перед началом судебного процесса, случился следующий парадокс. Через открытую дверь в

зале заседаний мне машет рукой полковник Калийнур Усенбеков, Герой Советского Союза, являвшийся начальником спецотдела МВД Киргизской ССР. Вместе с ним был полковник С. Рыспаев - начальник управления по местам заключения. Я вышел к ним, они попросили меня передать судье Чекуновой, чтобы она дала разрешение пропустить их в зал, т.к. пропуск им не дали. Услышав об этом, Чекунова возмутилась и дала указание конвою пропустить их в зал беспрепятственно. Этот маленький эпизод свидетельствовал о существовании больших скрытых негативных проблемах тоталитарного строя, иначе это другим способом не объяснишь. Я уже писал о том, что три крупных судебных процесса шли одновременно. В Доме культуры деревообрабатывающего комбината с 5 марта по 13 июля 1962 года шел судебный процесс Верховного суда СССР под председательством Б.С. Цырлинского по уголовному делу Аламединской трикотажной фабрики. На скамье подсудимых сидело порядка 150 человек. Прокурорами были Г.А. Терехов и В.С. Афанасьев. В другом большом здании города рассматривалось уголовное дело судебно – прокурорских работников судебной коллегией Верховного суда СССР под председательством Н.А. Анашкина. На скамье подсудимых сидело где - то человек 76. Третий судебный процесс шел, как я уже говорил, в клубе милиции по обвинению Сыдыкова. Дело рассматривал Верховный суд Киргизской ССР.

В процессе судебного следствия подсудимых возили для допроса в тот или иной суд и после допроса возвращали их на место. Так было и на нашем процессе. Подсудимых Гольдмана, Френкеля, Газенфранца, Таласбаева и других привозили, они давали свои показания, затем их увозили. Я лично, особую надежду возлагал на допрос Таласбаева. Его отказ от прошлых показаний имел бы для дела Сыдыкова решающее значение. И вот, наконец, привезли Таласбаева. На вопрос судьи Чекуновой: «Подтверждаете ли вы свои показания, данные на предварительном следствии?», - он ответил утвердительно. И начал рассказывать, что он давал деньги в виде «уйкулука»,

но при этом не мог пояснить, за что конкретно и почему он считает эти деньги взяткой. На вопрос прокурора он повторил сказанное. Я понял, что надежды мои были тщетными. Когда очередь задавать вопросы дошла до меня, я сказал: «Слушайте гражданин Таласбаев, вы как безнадежно больной заразной болезнью (имея в виду «взяточничество»), стоящий одной ногой в могиле, плюете в чистый родник для того, чтобы заразить здоровых людей и потащить их с собой в могилу. Вы же оговариваете Сыдыкова?!». Я хотел дать ему понять, зная нравы советского репрессивного аппарата, что его уже ничто не спасет от расстрела, зачем он клеветет на Сыдыкова? В ответ он заявил, что не стоит одной ногой в могиле, и что он дает правдивые показания. Правильно говорят, «утопающий хватается за соломинку». Следствие наверняка обещало ему спасение в обмен на клевету на нужных людей. Это был натуральный обман и испытанный в годы сталинских репрессий метод борьбы с так называемыми «врагами народа». Обещать спасение, добиться того, чтобы дали нужные показания, а потом расстрелять.

Несмотря на эти показания, сомнения в их правдивости все время витали в воздухе. Это было заметно для опытного глаза, в поведении и словах председательствующей судьи Чекуновой. Да и прокурор Горшенин в душе сочувствовал Сыдыкову и искренне его жалел.

Подошел последний седьмой день рассмотрения дела Сыдыкова в суде, который начался с прения сторон. Прокурор в своей небольшой речи просил суд признать Сыдыкова виновным по всем предъявляемым событиям обвинения и определить ему меру наказания в десять лет лишения свободы. Когда мне предоставили слово для защиты интересов Сыдыкова, я подробно дал анализ добытых по делу доказательств и подверг их сомнению. Остановился на характеристике личности Таласбаева, основного свидетеля обвинения, которому нельзя верить. Он по уши погряз в преступлении из-за жадности к наживе. Не считаясь с ним как с человеком, его же подельники обманули и ограбили его, выставив на всеобщее посмешище. Дело в том, что

Таласбаев ежемесячно получал от Гольдмана свою долю «прибыли», как директор фабрики, десять тысяч рублей, которые, как он говорил, складывал в сундук, на котором спит его сестра в селе Лебединовка. Соучастники подсчитали, что у Таласбаева должно была накопиться около полумиллиона рублей и решили забрать их у него. Но как это сделать? Однажды у Таласбаева спросили, что он делает с этими деньгами. Он ответил, что складывает в сундук, никуда не тратит, даже домой, кроме зарплаты, ничего не дает. Тогда ему показали, как его подельники превращают деньги в золотые монеты (царской, турецкой чеканки) и хранят в кожаных мешочках. Таласбаев тогда попросил их помочь ему тоже обменять наличные деньги на золотые монеты. Гольдман согласился, если Таласбаев согласен за 5 - рублевую царскую золотую монету платить тысячу рублей. Таласбаев согласился.

Далее происходит следующее: Гольдман дает задание своим людям, работающим в типографии Совета министров Киргизской ССР, чтобы они изготовили из бронзовых листов, доставляемых ими с завода им. В.И. Ленина (из таких листов на заводе делали гильзы для боевых патронов) клише для штампов фальшивых монет. Отштампованные, а затем пропущенные через барабан с деревянными опилками, бронзовые монеты сверкают как настоящие. Узнать, что это подделка можно только капнув на монету кислоту или попробовав ее на зуб. Однако, ни того, ни другого Таласбаев не знал. Ему всучивали кожаные мешочки с монетами из бронзы, а за них он расплачивался настоящими деньгами. Спустя какое-то время у Таласбаева накопилось полсундука этих мешочков, вместо полученных от преступной группы денег. Об этом стало известно в первые же дни расследования по уголовному делу Аламединской трикотажной фабрики. Рассказал об этом следователю Гольдман в своих признательных показаниях, а Таласбаев узнал, как его надули, от следователя. Таким образом, этот человек был расстрелян ни за грош.

В заключение своего выступления я просил суд по эпизоду о получении взятки Сыдыкова оправдать за недоказанностью, а за халатность определить минимальную меру наказания, освободив из-под стражи в зале суда.

Не дав последнего слова подсудимому, суд объявил перерыв. Как стало известно, Чекунова поехала с докладом в ЦК КП Киргизии ко второму секретарю Зайчикову, который курировал правоохранительные и административные органы республики. Как потом спустя много лет рассказывала сама Екатерина Чекунова: «Когда я зашла к Зайчикову с докладом о результатах рассмотрения уголовного дела Сыдыкова, он меня не стал слушать. Сразу потребовал, чтобы я лишила Сыдыкова свободы сроком на десять лет. На мои доводы о недостаточности доказательств и их сомнительности, он грубо оборвал меня и предложил покинуть его кабинет и выполнить его указания, в противном случае грозил исключить из партии и снять с работы. Я в слезах ушла из ЦК. Приехав в клуб милиции, объявила перерыв до следующего дня и уехала домой».

На следующий день после последнего слова Сыдыкова, суд удалился на совещание и вынес приговор: 10 лет лишения свободы. Прощаясь с ним, я ему сказал: «Ты грамотный человек, пиши жалобы во все инстанции, тебя должны освободить. Я не могу этого сделать, так как ухожу из адвокатуры в аспирантуру».

Спустя семь лет, в 1969 году я снова встретился с Сыдыковым и он мне подробно рассказал про все свои мытарства, которые он пережил в заключении: «Я, действительно, писал, во все инстанции и всегда получал однотипные ответы: «Ваша жалоба изучена, основания для пересмотра или отмены приговора нет». Из таких ответов накопилась целая папка. Сажу в заключении уже 7 лет. Однажды я приобрел общую чистую тетрадь из 48 листов в клетку, с клеенчатой обложкой, в обмен за буханку хлеба. Изложив в ней до мельчайших подробностей свои доводы, подтверждающие мою невиновность, я долго думал: куда же ее направить. И вот однажды взвесив все «за» и «против»,

решил свою жалобу отправить к известному писателю Михаилу Шолохову, автору романа «Тихий Дон», лауреату Нобелевской премии, члену Президиума Верховного совета СССР, личному другу Хрущева». Получив эту жалобу, он наложил на нее резолюцию: «Товарищу Тербилову, председателю Верховного Суда СССР, прошу рассмотреть эту жалобу. О результатах сообщить заявителю и мне».

Как выяснилось потом, уже из рассказа Супатаева, который в это время работал членом Верховного суда СССР, впоследствии ставший председателем Верховного Суда Киргизской ССР Тербилов, был вынужден истребовать дело Сыдыкова, так как в резолюции на жалобу говорилось «... о результатах сообщить Шолохову». А как это можно было сделать без истребования и изучения дела. Короче говоря, дело Сыдыкова поступило в Верховный суд в нескольких контейнерах. Для изучения 150 томов дела была создана целая группа из членов Верховного суда СССР, в которой участвовал и Супатаев. Через месяц, или два, Верховный суд на своем пленуме вынес постановление о прекращении уголовного дела по обвинению Сыдыкова из-за отсутствия в его действиях состава преступления. Он был восстановлен в МВД и впоследствии вышел на пенсию. Вот таким образом была поставлена точка в трагической судьбе такого честного и порядочного человека, как Ч. Сыдыков. Оставшуюся часть жизни он посвятил адвокатуре, получил звание «Заслуженный юрист Кыргызской Республики» и стал одним из самых известных и квалифицированных в республике правозащитников.

18. Закон обратную силу не имеет

«Дело Сыдыкова», как и другие громкие «дела», происходившие в это время в республике, было частью трагических и не до конца ясных страниц нашей истории, связанных с хрущевской оттепелью. Ведь многие до сих пор неверно полагают, что репрессии были только во времена Сталина, репрессии

были «сталинские», а после него началась оттепель, совершенно другая эпоха... Хотя были расстрелы народных восстаний в Черкасске, Краснодаре, Темиртау и других городах Союза ССР, на которых люди выступали против бездарной социально-экономической политики Хрущева, его сподручных и «преемников». Были также и репрессии, которые должны быть осуждены, а все его жертвы реабилитированы...

Черным пятном в истории «хрущевской оттепели» отмечен инициированный Н.С. Хрущевым Указ Президиума Верховного Совета СССР, от 5 мая 1961 года, о введении смертной казни за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах и за изготовление поддельных денег. «Расстрельному Указу» была придана обратная сила. И в соответствии с ним были казнены многие участники судебных расправ 1961 года в Кыргызстане, получившие известность как дело «трикотажников». Невиданная со времен инквизиторов средневековья казнь людей путем придания закону обратной силы вызвала протесты мировой общественности.

Каков же был результат судебных процессов по уголовным делам Аламединской трикотажной фабрики и судебно-прокурорских работников? Эти дела рассматривались в течение многих месяцев. В итоге были вынесены следующие приговоры: по уголовному делу Аламединской трикотажной фабрики приговорены к расстрелу 21 человек, в том числе Таласбаев и бывший председатель Госплана Киргизской ССР Бекжан Дюшалиев. Привели в исполнение приговор в отношении 14 человек, остальных 7 помиловали как участников Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов, заменив расстрел 15 годами лишения свободы. По судебно-прокурорскому делу: 9 человек были приговорены к расстрелу, привели приговор в отношении двоих: Волгина - начальника следственного отдела Прокуратуры Киргизской ССР и Мурсалимова - оперативного работника Фрунзенского городского управления милиции. Остальных семерых помиловали как участников войны 1941 - 1945 годов, в том числе Илью Броера, Мукаша Мамбетсадыкова и других, заменив

расстрел 15 годами лишения свободы. Отбыв по 14 лет в местах лишения свободы, указанные выше лица вернулись во Фрунзе, встречались со мной, рассказывали о своих страданиях и мытарствах в заключении. Выглядели они надломленными, измученными, больными, постаревшими. Через несколько лет они почти одновременно ушли из жизни. А адвокат Илья Броер ушел из жизни, даже не успев жениться. Его, не занимавшего государственную должность, приговорили, как мне впоследствии признался судья Анашкин на научно-практической конференции в Москве за то, что он активно защищал подсудимых и тем самым мешал следствию. По судебному – прокурорскому делу был также осужден к 12 годам лишения свободы Турусбек Касымбеков, бывший председатель Уголовной коллегии Верховного суда Киргизской ССР. Он окончил юридический факультет МГУ, был грамотный, передовых взглядов человек, подающий большие надежды в смысле профессионального роста и служебной карьеры. Его супруга Вера Щукина, медик по образованию, русская женщина, москвичка, переехала жить во Фрунзе. У них росла красавица дочь Айгуль, в семье ее называли Аллой. Мы много лет дружили семьями. Я до сих пор считаю его одним из самых честных и порядочных судей в нашей стране. Взятки он не брал и относился брезгливо к тем, кто делал это. Его арест поверг многих из нас в недоумение: «За что»? Оказывается, ему предъявили обвинение в получении взяток в виде «угощения». И таких фактов «угощения» насребли целых 9 случаев. Да, мы знали, что Касымбеков не чужд ходить в гости, потанцевать и повеселиться. Иногда с женой, больше с друзьями. Так вот, эти угощения затем квалифицировали как завуалированная форма получения взятки. В диспозиции статьи УК Киргизской ССР так и говорилось о получении «... взятки в любом виде». В другие времена на это закрыли бы глаза. Но на этот раз, когда началась очередная политическая кампанейщина по борьбе с враждебными элементами в условиях ухудшающейся социально-экономической ситуации в стране, Касымбекову, считавшимся самым

перспективным и наиболее честным судьей, просто не повезло. А может быть, завистники таким путем убрали быстро растущего и сильного конкурента.

Обвинение Касымбекова обосновывалось следствием и судом следующим образом: родственник обвиняемого по делу, которое должен рассматривать Касымбеков, ищет кого-либо из друзей или знакомых Касымбекова и просит того позвать его в гости. Продукты и все остальное он сам обещал предоставить в избытке. Единственное, что должен сделать хозяин застолья в разгар приема гостей, когда он придет позже, как бы случайно познакомить его с Касымбековым. Вот и все.

Потом, через какое-то время, перед началом рассмотрения уголовного дела в отношении брата, свата, новый знакомый Касымбекова зашел к нему в кабинет и уже на правах «старого знакомого» и попросил его о смягчении наказания или оправдании его. Судья Касымбеков так и поступил. Отсидев 9 лет лишения свободы, Касымбеков вышел на свободу сломленным и больным человеком. Мы встречались и вместе размышляли о жизни и превратностях нашей судьбы. Друзья пытались устроить его на работу по специальности, хотя это было в то время практически невозможным. Советская система строго стояла на страже режима. Вскоре он умер.

Такая же печальная судьба постигла Бекжана Атакеева - судью Свердловского района города Фрунзе, Салбара Осмонова - заместителя прокурора Фрунзенской области, Мукаша Мамбетсадыкова - члена Фрунзенского облсуда, Кадыракуна Ибраева - прокурора Аламединского района города Фрунзе. Их обвинили во взяточничестве на основе фактов, притянутых за уши. Под тот шумок все шло за чистую монету, любого человека можно было «закатать в асфальт». И этим недобросовестные люди активно пользовались.

Ко мне, как к бывшему адвокату, в 1963 году, когда я был очным аспирантом КГУ, обращались родственники Бекжана Дюшалиева и других осужденных с вопросом: «Действительно ли расстреливают осужденных к

высшей мере наказания, или, каким-то образом их оставляют в живых, используя на работе в подземных шахтах и т.п.»

Я им разъяснял, что в действительности их расстреливают, что после приведения приговора в исполнение органы МВД, КГБ семье расстрелянного обязательно присылают похоронное извещение. Вскоре так и случилось, жена Дюшалиева получила такое извещение.

Тогда же по городу, среди работников правоохранительных органов и нас, преподавателей, студентов и аспирантов юридического факультета КГУ прошла весть о том, что при проведении в исполнение приговора Мурсалимов, вырвавшись из рук конвоя, бросился вниз, в шахту, между этажами. При этом сломал себе позвоночник, руки, ноги, чтобы избежать расстрела. Такое, конечно, могло произойти раньше, во времена, например, царизма, когда приговоренных к смерти сначала лечили, и только потом приговор приводили в исполнение. Но, при тоталитаризме советской власти, надеяться на такое было просто невозможно. Говорили, что после попытки суицида полумертвого Мурсалимова отнесли в камеру и доложили начальству. Местные руководители не зная, как поступить в таком случае, связались с Москвой – как быть? Оттуда пришел ответ, так как осужденный Мурсалимов сделал это умышленно, с целью уклониться от исполнения приговора о высшей мере наказания, расстрелять больного в лежачем положении.

Говорят, что первым был расстрелян Волгин, который, когда его вели под усиленным конвоем к месту расстрела по коридорам тюрьмы, очень сильно кричал, так, что вся тюрьма переполошилась.

Даже спустя много лет, когда я уже был далек от адвокатской практики и стал остепененным ученым, кандидатом юридических наук, преподавал на юридическом факультете КГУ, ко мне продолжали обращаться различные люди. В частности, Валерий Сандлер, журналист, который сейчас живет в Америке, одним из самых первых интересовался «трикотажным делом». Было ли это в действительности хищением государственного и общественного

имущества, или это все же было частным предпринимательством с упущенной выгодой для государства? Ведь материального ущерба государству, как такового, нанесено не было.

Я и тогда отвечал утвердительно, что все осуждённые по этому делу подлежат реабилитации посмертно, так как хищения госимущества не было. По моим сведениям, уже после развала СССР, в США этот вопрос поднимался в средствах массовой информации представителями еврейской диаспоры. Известный писатель, лауреат Нобелевской премии Бертран Рассел в 1963 году возмущался «делом трикотажников», советским беззаконием, когда закону придали обратную силу.

Повторяю, что у этого дела было и другое название – «еврейское дело», так как большинство подсудимых оказались представителями еврейской национальности. Я не политик, но тут тоже, видимо, была какая-то политическая подоплека. Обратимся к тем временам, что же в то время происходило. Образовалось новое государство Израиль. Его президент Бен Гурион обращается к евреям всего мира, вернуться в обетованную землю. До этого евреи скитались по всему миру, подвергались гонениям, притеснениям, и даже массовым уничтожениям в годы фашизма. Как реагируют на этот призыв наши кыргызские евреи? Не только они, но и те, которые жили в других республиках СССР? Начинают накапливать богатства, так как прекрасно понимают, что их в Израиле с пустыми руками никто не ждет.

Чтобы добыть богатство, начинают использовать неучтенные возможности Аламединской трикотажной фабрики, где они работали после эвакуации из разных прифронтовых районов СССР. Как я уже писал выше, Гольдман пожилой еврей с 4-х классовым образованием, но умный предприниматель-хозяйственник, начальник цеха трикотажных изделий фабрики, предложил своим коллегам не расхищать имущество, опасно, всегда вычислят и посадят. Поэтому давайте делать так, чтобы не причинять материального ущерба государству. Будем извлекать выгоду, создавая излишки

неучтенной продукции, которую можно будет нелегально сбывать через торговую сеть и тем самым зарабатывать необходимые деньги. Все согласилось с этим предложением. Было решено в пустующем автобусном гараже фабрики, где когда-то стояли два автобуса и грузовая машина, поставить десять ткацких прядильных станков новейшего чехословацкого производства, которые собирались купить на собранные между собой в складчину деньги.

Вскоре деньги собрали, купили станки, привезли, поставили их в гараже и запустили производство. На этих станках работали те же ткачи, которые были на фабрике, только они работали в неурочное время и за это получали зарплату в два - три раза больше, чем на фабрике. Выпускаемую продукцию, а это в основном были тюль, женские вязаные кофточки, покрывала и другие товары, моментально раскупали в промтоварных магазинах. Заведующие многих магазинов, через которые сбывался левый товар, были по материалам уголовного дела в сговоре с цеховиками во главе с заместителем министра торговли Киргизской ССР Новиковым. Всех их потом посадили.

Вспоминается один забавный случай, о котором мне рассказывал прокурор Пролетарского района (так назывался тогда Ленинский район города Фрунзе) А.Савченко, который, как и я, но немного позже в 1950 году закончил Юридический институт им. М.И. Калинина в Ленинграде. Однажды он собрался ехать в город Токмак, по каким-то своим делам. Когда он проезжал мимо Аламединской трикотажной фабрики, водитель сказал ему, что не мешало бы заправить машину бензином, может не хватить на дорогу. Он велел ему остановиться, а сам прошел через проходную будку, где никого не было, во двор трикотажной фабрики и начал стучать в ворота гаража, чтобы попросить кого-нибудь залить в машину бензин. Как прокурора района, его многие знали в лицо, он часто заправлял свою служебную машину таким образом. Вдруг из конторы фабрики выбежали несколько перепуганных работников - евреев, и, узнав в чем дело, бросились с канистрами заливать машину. Один из них положил на заднее сидение салона моей машины небольшой сверток,

завернутый в газету. Я поблагодарил за бензин этих суетившихся и незнакомых мне работников фабрики. Про этот сверток подумал, что это бутылка водки или коньяка, как обычно ему заворачивали в таких случаях хозяйственники района. По дороге в г. Токмок, он остановил машину, чтобы справить нужду. Он пересел на заднее сидение и из любопытства открыл сверток. Увидев, что там, глазам не поверил. Там лежала пачка денег в сотенных купюрах. Он сразу закрыл сверток и начал думать, с чего бы это? Ответа не находил. Приехав в Токмок и быстро управившись со своими делами, поспешил назад. Приехав домой, заперся в ванной и стал считать деньги – всего было 25 тыс. рублей, целое состояние. Автомашина «Волга», например, в то время стоила 16 тыс. рублей. Он в прокуратуре больше 5 тыс. рублей не получал, а тут такое состояние и притом задарма. Потом, когда произошли аресты на Аламединской трикотажке, он, конечно, понял, что к чему.

Как потом установило следствие (а без применения давления, угроз и обмана при заказных политических кампаниях оно не работало), цеховики признались, что имели специальный денежный фонд для дачи взяток должностным лицам, либо для непредвиденных случаев. Деньги они фасовали пачками в сумме 25000, 15000, 10000 и 5 тыс. рублей. Пачки по 25 тыс. рублей предназначались высокопоставленному начальству. Самым известным чиновником «по делу трикотажников» проходил Бекжан Дюшалиев, заместитель председателя Совета Министров и председатель Госплана Киргизской ССР, которому, можно откровенно сказать, очень не повезло. Способного и талантливого руководителя, ведущего в то время экономиста и финансиста, боевого офицера-фронтовика, кавалера многих советских орденов и медалей, расстреляли в 42 года. В уголовном деле скрыли его фронтовую биографию. А ведь другим фронтовикам, приговоренным к казни, жизнь сохранили. К чему была такая скорая расправа? Увы, этот юридический казус не распутан по сей день. Верховный суд СССР, вынесший приговор с применением дикого принципа «обратной силы закона», уже более не

существует. А Верховный суд Киргизской Республики 22 июля 1999 года, рассмотрев представление Генерального прокурора КР по делу Бекжана Дюшалиева, оставил расстрельный приговор от 13 июля 1962 года в силе: «Мера наказания определена с учетом степени виновности Дюшалиева, общественной опасности содеянного им и его личности». Давно уже нет в живых ни Сталина, ни Хрущева, а дело их живет и побеждает!

Деньги получал и директор Фрунзенской трикотажной фабрики им. А.Микояна Черный, осужденный к 10 годам лишения свободы. Он отдавал цеховикам бесплатно горы трикотажных отходов от производства, хотя должен был поставлять эти отходы на завод им. В.И.Ленина в качестве обтирочного материала – паклей. Черный в своих показаниях говорил, что денег от Гольдмана за отходы пряжи он не просил. Тот, якобы, сам незаметно положил ему в стол сверток с деньгами.

Фамилия Таласбаева выплыла еще несколько раз в рассказе моего знакомого адвоката Джетибаева. Он участвовал в рассмотрении уголовного дела работников Токмакского мясокомбината по обвинению приемщиков скота Бостанова, Ногойбаева, прокурора города Токмак Койчуманова. Последний за получение взятки в особо крупных размерах и использование своего должностного положения тоже был приговорен к расстрелу, он оказался зятем Таласбаева.

Работая в качестве адвоката по делу «милиционеров» и «трикотажников», я размышлял, почему репрессии разверзлись именно над Киргизией, а не какой-то другой республикой. В итоге пришел к выводу. Помимо общеполитических задач, связанных с кризисом его социально-экономической политики, Хрущев «закручивал гайки» еще и потому, что везде рассаживал своих выдвиженцев. Первый секретарь И.Р. Раззаков правил нашей республикой с 1950 года по 9 мая 1961 года и оставался последним руководителем республиканского масштаба, назначенным Сталиным. В апреле 1961 года начались массовые аресты по делу «трикотажников», а в мае

И.Р.Раззакова снимают с должности якобы за развал республики и национализм, хотя никакого развала не было и в помине. При Раззакове было построено более 500 фабрик и заводов. А Дюшалиев был его выдвиженцем и соратником, вместе с которым, как председателем Госплана, он строил грандиозные социально-экономические планы по развитию Кыргызстана. Я смотрел и читал официальные бумаги, из которых было видно, что многие экономические проекты, которые пытаются реализовать сейчас, были разработаны еще при Дюшалиеве. Например, освоение угольных копей Кара-Кече и обеспечение страны своим углем, прокладка к этим копиям железнодорожной ветки, обеспечение республики своей нефтью и газом... И в этом бездушным бюрократам мерещился национализм? И чтобы дело не выглядело сугубо «еврейским», на скамью подсудимых посадили большую группу «националистов», единственной виной которых было то, что они были кыргызами. Такой мне видится фабула этого скандального «дела» с политическим душком.

Политическая реабилитация И. Раззакова в Кыргызстане шла очень тяжело и мучительно и завершилась лишь недавно захоронением его останков по инициативе правительства на родине и празднованием его 100-летнего юбилея. Когда же кыргызское правосудие реабилитирует других жертв хрущевской политики волюнтаризма, которая также принесла людям немало слез и горя?..

19. Негодяй из прокуратуры

В моей обширной адвокатской практике приходит на память еще один курьезный случай, связанный с похищением 50 тыс. рублей в банке Кеминского района. Этот случай свидетельствует о тех нравах или точнее безнравственности, царящих в коридорах карательных органов СССР. Кассирша Орловского горно-обогатительного комбината (фамилии уже не помню, как и других участников этого дела), приехала в Кеминский банк

получать зарплату для рабочих. Получила деньги, пересчитала их со своими помощниками, приехала на комбинат и, раздавая заработную плату, обнаружила недостачу в 50 тыс. рублей. Как это могло случиться, она объяснить не могла. Оказывается одна пачка денег в 50 тыс. рублей осталась на выступе в стене там, где они считали деньги. Эти деньги обнаружили милиционеры - охранники банка при передаче постов дежурства. Они тут же сговорились поделить найденное поровну. Кроме них в банке в это время никого не было. Рабочий день давно закончился и все ушли домой. Молодой милиционер потребовал от пожилого милиционера (оба кыргызы), чтобы тот никому не проговорился об этой находке и попридержал свои деньги до тех времен, пока не утихнет бум с их пропажей. Прокуратура республики возбудила уголовное дело, следствие было поручено следователю Лачинову. Велась оперативная работа также со стороны и милиции, и КГБ.

Перед тем, как закопать деньги, пожилой милиционер, не выдержав причитания жены, что нет денег даже на хлеб, а до зарплаты далеко, никто не дает займы, отдал ей 100 рублевую купюру. Не объясняя, конечно, откуда у него такие деньги.

Жена с этими деньгами бросилась по магазинам скупать продукты питания. На это обстоятельство сразу обратили внимание оперативники КГБ. Спросили ее - откуда у нее появились деньги. Она сказала, что деньги ей дал муж. Мужа взяли в оборот и выбили у него признательные показания. Он показал, куда закопал свою долю. Что касается молодого милиционера, то узнав об этом он повесился у себя дома. Его доля так и осталась не найденной. Старого милиционера судили и дали за хищение госимущества в особо крупных размерах 15 лет лишения свободы. В отношении кассирши, следователь поступил, мягко говоря, подло. Он сказал ей, что если она восстановит недостающую сумму 50 тыс. рублей, то он не будет ее арестовывать, а, если нет, то посадит. Она и ее муж, старший мастер на комбинате, родственники, друзья с большим трудом, распродав личные вещи

собрали эту сумму. Когда она привезла эти деньги следователю, тот сказал ей - сдай деньги в банк, а квитанцию принеси мне. Когда она пришла к нему с квитанцией банка о приеме денег, он ее арестовал. Известие об этом стало известно среди работников суда и прокуратуры, которые осуждали такой не честный поступок следователя Лачинова. Впоследствии в 1960 году Лачинов был арестован по делу судебно - прокурорских работников и осужден к длительному сроку лишения свободы. Так и хочется сказать: «Не рой другому яму, сам в нее попадешь». Кассиршу осудили за халатность, она была приговорена к лишению свободы сроком на 3 года условно и освобождена из под стражи в зале суда.

Запомнилось мне еще одно резонансное, как сейчас говорят, уголовное дело в отношении Шлафштейна и других лиц за совершение хищений на Рыбачинском мясокомбинате. Дело было в том, что имелись показания председателей колхозов, бухгалтеров, директоров совхозов о том, что они сдали приемщику скота Рыбачинского мясокомбината Шлафштейну и его подручным не крупно-рогатый скот и баранов, а деньги, то есть стоимость скота. Когда же следователи стали проверять эти показания, приемщик Шлафштейн заявил, что он от указанных выше председателей колхозов и директоров совхозов принял скот, а не деньги, как они утверждают. Мол, посмотрите приходные журналы по приему скота, там все отражено: количество, вес, вид, возраст и другое. Действительно, в журналах все это было отражено. Тогда следователи стали проверять поступление указанных голов скота в убойный цех, а именно - какое количество и с каким весом прошло через убойный цех. Стали проверять дальнейшее продвижение туш скота по головам, по ногам, по шкурам и другим показателям, и, наконец, конечный результат - выход колбас, консервов и т.д. Все совпадает, скот считается принятым в забой и переработанным на Рыбачинском мясокомбинате. Никаких претензий нет. Ну а как же быть с показаниями о том, что скот не сдавался, а

вместо скота Шлафштейн и его подручные получали деньги мешками. Следствие оказалось в тупике.

Но выход для следствия был найден и довольно оригинальный. Второй секретарь ЦК КП Киргизии Кармышев выступая на партийно-хозяйственном активе в своем докладе упомянул про это уголовное дело и заявил, что, мол, прокуратура не может установить источники хищения скота и поэтому не может передать дело в суд (источниками на деле являлись колхозы и совхозы Иссык-Кульской области). Об этом напечатали в газете «Советская Киргизия». Эту выписку из газеты приложили к обвинительному заключению и дело передали в Верховный суд Киргизской ССР, который принимая во внимание его сложность и необычность, в смысле отсутствия источников хищения принял к своему производству и назначил его слушание под председательством члена Верховного суда Киргизской ССР Шамшы Бердалиева в выездной сессии в городе Рыбачьем.

Слушали дело в течение нескольких недель, допросили всех свидетелей, которые продолжали утверждать, что сдавали приемщику Рыбачинского мясокомбината Шлафштейну и другим вместо скота деньги, а квитанцию получали как за сданный скот. Подсудимые категорически отрицали получение денег, ссылаясь на выводы следствия, подтверждающие их показания. После окончания судебного следствия прокурор в своей обвинительной речи, признав виновными всех подсудимых, заявил, что источником хищения скота является совхозы и колхозы Иссык-Кульской области, как указал второй секретарь ЦК КП Киргизии, и просил определить всем подсудимым длительные сроки лишения свободы.

Защитников было пять человек. Все утверждали, что достаточных оснований для вынесения обвинительного приговора нет, что дело подлежит направлению на следствие для установления настоящих источников хищения скота, а на абстрактных, как утверждает прокурор и материалы предварительного и судебного следствия.

Верховный суд Киргизской ССР вынес обвинительный приговор, определив всем подсудимым длительные сроки лишения свободы в 10 - 15 лет.

Я написал жалобу в порядке надзора в Верховный суд СССР, так как кассационную писать было нельзя, а приговор Верховного суда является окончательным. Когда я пришел в Верховный суд Киргизской ССР к Бердалиеву за копией приговора, то он просил меня не писать надзорную жалобу и не ехать в Москву. Я удивился такой необычной просьбе и сказал, что это моя профессиональная обязанность и настойчивая просьба родственников Шлафштейна. Мой отказ, как я понял, конечно же, обидел Бердалиева. Он как умный человек понимал, что под давлением вынес неправомерный приговор, деваться ему было некуда. Если отменят в Москве приговор, то ему несдобровать. В свою очередь, я тоже, хотя и смутно, но представлял именно такой исход.

Так и случилось. По нашей надзорной жалобе Судебная коллегия Верховного суда СССР отметила приговор в отношении осужденных Шлафштейна и других за недоказанностью, освободив их всех из под стражи. В отношении Бердалиева было вынесено частное определение о несоответствии его занимаемой должности. Он был снят с работы, но вскоре стал прокурором в одном из районов Ошской области.

Через какое-то время я узнал, что следственная группа во главе с Таалаем Абдулиным, расследовавшего уголовное дело Шлафштейна и других выехала в Омск для изучения опыта расследования такого же уголовного дела по Омскому мясокомбинату, где так же не могли установить источник хищения скота, но затем все же установили и доказали вину осужденных. Вернувшись из командировки Абдулин арестовал всех подозреваемых во главе с Шлафштейном, провели предварительное расследование от начала до конца, в точности установив все источники хищения. Во вторичном судебном разбирательстве я не участвовал, но слышал, что все подсудимые были призваны виновными и осуждены к длительным срокам лишения свободы.

20. Антимилицейское восстание 1966 года

Во время этих событий я заканчивал очную аспирантуру. И хотя я не участвовал в данном судебном процессе, мне как юристу было интересно узнать, что же на самом деле тогда произошло. Все началось с того, что в мае 1966 г. двое солдат днем, часов в 10-11, стучались в двери и окна одного из домов - мазанок и кричали: «Надя, выходи!». Таких мазанок было много вокруг городского базара, т.н. «колхозного рынка», где сейчас расположена площадь Победы. Горожане называли этот район «Шанхаем». Соседи в ответ на крики солдат отвечали, что Нади нет дома, и чтобы они прекратили шум. Однако, они продолжали кричать и поэтому несколько жителей обратились к работникам милиции за помощью, которые находились на базаре в вагончике, который считался оперпунктом милиции. Кто-то из старших послал в «Шанхай» двух милиционеров привести в оперпункт солдат, нарушавших общественный покой. Когда милиционеры повели этих солдат, под конвоем, в пункт милиции, через весь базар, на виду у всего местного люда, кто-то из толпы крикнул: «Братцы, защитников родины, солдат бьют мусора». Люди мгновенно стали собираться вокруг вагончика с требованием освободить задержанных «защитников родины». Толпа росла все больше и больше, приобретая все более угрожающий характер. Тут же был перевернут и подожжен, стоявший рядом милицейский мотоцикл с коляской. Из толпы стали раздаваться крики, призывающие к расправе над сотрудниками милиции, если они не выпустят солдат. Здесь следует иметь в виду, какой людской контингент собрался вокруг милицейского вагончика на базаре в рабочее время. Это были в основном те, кто не имели работы (тунеядцы) и соответственно имели неприязненные отношения с работниками милиции и другие правонарушители – воры, карманники, хулиганы, алкоголики и др., которые кормились каждый день на базаре.

Вскоре над милицейской будкой нависла реальная угроза, люди начали бить стекла в окнах вагончика и ломать дверь в будку. Милиционеры сообщили своему начальству о происходящем, а те дали команду немедленно убираться оттуда. Им выслали на подмогу «воронок» для вывода милиционеров и транспортировки задержанных солдат. Вскоре машина прибыла на место и подъехала задним ходом вплотную к двери милицейской будки. Дверь открылась и все, кто находился в будке вместе с солдатами, быстро запрыгнули в машину и уехали с базара. Толпа сразу ворвалась в оперпункт милиции и устроила там погром, разбила телефон, разбросала документы, поломала столы и стулья, разбила в дребезги портреты Маркса и Ленина, висевшие на стене. В завершение всего подожгла вагончик. В это время вокруг вагончика уже бушевала толпа численностью более тысячи человек. Раздались возгласы – пойдете в городскую милицию и разгромим ее, туда, мол, увезли «защитников родины», где их продолжают избивать. Толпа двинулась в сторону городского управления милиции г. Фрунзе и еще больше увеличилась по ходу своего движения. Вместо того, чтобы оказать сопротивление, закрыть ворота и т.д., сотрудники 3-этажного здания УВД г. Фрунзе разбежались кто куда, переодевшись в гражданскую одежду. Прибывшая толпа распахнула ворота, ворвалась в здание и учинила там несусветный погром, сожгли все, что может гореть. Это мне сейчас напоминает разгром и поджог здания Генеральной прокуратуры в апреле 2010 г. Когда толпа только подходила к зданию гормилиции, к ней подъехала черная «Волга» первого секретаря Фрунзенского горкома партии т. Бусса, который обратился к толпе с предложением разойтись. Но его забросали камнями, и он был вынужден быстро ретироваться. Разгромив здание гормилиции (к счастью, толпе не удалось взломать бронированную дверь арсенала, где хранилось оружие), толпа по призыву своих вожаков двинулась громить отделения милиции г. Фрунзе – Пролетарского (ныне Ленинского), Свердловского, Первомайского и Октябрьского районов. Два отделения были разгромлены. Среди бушующей толпы находились сотрудники

КГБ, которые вели учет наиболее активных участников, скрытно фотографировали их на пленку. Эти материалы впоследствии дали возможность привлечь к уголовной ответственности наиболее активных участников массовых беспорядков. В этот же день в столицу были введены воинские части. Дом правительства был окружен войсками. Солдаты были также поставлены в оцепление сгоревшего здания гормилиции. При разгоне восставших солдатами, говорят, были жертвы. Участники беспорядков делали попытки склонить солдат на свою сторону. Эти попытки затем стали одним из пунктов обвинения на суде. Почти неделю в г. Фрунзе на улицах не было видно сотрудников милиции в форме. Там, где их заставляли или обнаруживали, на улице, в автобусах или троллейбусах, сразу начиналось их массовое избиение. По улицам столицы на деревьях были развешаны разорванные и растоптанные милицейские фуражки, погоны и другая милицейская атрибутика.

В течение месяца после беспорядков власти отлавливали наиболее активных участников и привлекали их к уголовной ответственности (примерно 500 человек). В отношении большинства было предъявлено обвинение, как за хулиганство и уничтожение государственного имущества. Эти дела были пропущены через районные народные суды. В отношении 9 человек из числа наиболее активных участников массовых беспорядков уголовное дело рассматривалось в городском суде г.Фрунзе. Всех их приговорили к длительным срокам лишения свободы. Зачинщиком и наиболее активным руководителем массовых беспорядков в г.Фрунзе был признан гражданин русской национальности (фамилии не помню), являвшийся учителем рисования и пения в Георгиевской средней школе из соседнего Курдайского района Казахской ССР. Что интересно, такие же массовые антимилицейские беспорядки затем в 1967 г. как по команде произошли в городах Чимкенте, Джамбуле, Степанакерте, Кишиневе, Туле, Слуцке и других городах СССР.

В июне 1967 года, в Чимкенте, в одном из вытрезвителей города, сотрудниками милиции был до смерти забит шофер городского автопарка. В

тот же день эта весть дошла до сотрудников автопарка, и те на своем стихийном митинге пообещали завтра же разобраться с убийцами. К 12 часам следующего дня около трех тысяч человек собрались у автовокзала и направились к зданиям городского и областного управлений внутренних дел. После непродолжительного штурма здания захватила толпа разъяренных людей и тут же их подожгла. Затем была предпринята попытка захвата тюрьмы. Но здесь штурмующих ждало упорное сопротивление вооруженных солдат. Последние открыли огонь по нападавшим, и первые убитые усеяли площадь перед тюрьмой. К ночи в город вошло подкрепление для милиции в лице курсантов танкового училища из Чирчика. Восставшие были рассеяны. Вскоре начались массовые аресты зачинщиков беспорядков. В результате 13 человек были осуждены, причем четверо из них приговорены к расстрелу.

Крупные беспорядки начались в июле 1967 года, в Степанакерте. Восставших было около 2000 человек. Причиной массовых беспорядков было недовольство мягким приговором преступникам, убившим мальчика. Восставший народ отбил осужденных у конвоя и сжег их живьем прямо на улице. При вооруженном разгоне восстания были жертвы.

Сейчас утверждают, что толчком для антимилицейских восстаний было соперничество между министром охраны общественного порядка РСФСР Вадимом Тикуновым, который был на хорошем счету у Политбюро ЦК КПСС, личным другом Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева и бывшим вторым секретарем ЦК Компартии Молдавии Николаем Щелоковым, который победил в этом соперничестве и занял пост министра внутренних дел СССР.

21. Анипа

В 1953 году мне было 27 лет. После окончания института прошло четыре года. Моя мать, Курманова Асель, 1900 года рождения, прожила 97 лет и всю

жизнь была домохозяйкой, тянула на себе всех детей, в том числе и от репрессированных братьев мужа. Она все настойчивей требовала, чтобы, я, наконец, женился. К этому времени решил жениться и мой двоюродный брат Эмильбек Лепесов. Он работал после окончания Ленинградского физкультурного института им. Лесгафта в Ошском педагогическом институте преподавателем физкультуры. Эмиль был очень стеснительный и скромный парень, поэтому нужно было помочь ему найти подходящую невесту. Об этом меня как-то попросил наш казахский жезде Рахымберди Куттуков - муж его старшей родной сестры Гулай. С этой целью я появился в учебном заведении, где обучалось множество девушек подходящего возраста. Во фрунзенском профтехучилище, где директором был мой хороший знакомый Саипбаев и замполитом Аксамаев, я рассказал им цель своего прихода и попросил показать мне несколько девушек под каким-нибудь предлогом. Они согласились. Под видом отбора желающих поступить в вуз, я посмотрел почти всех учащихся, и мой выбор остановился на умнице и красавице Анипе Шукурбековой, родом из Таласа. Но она оказалась твердым орешком. Целый месяц я неустанно ухаживал за ней, катал на машине, водил в кино. В это время она уже, оказывается, поступила на биологический факультет Женпеда им. В.Маяковского. Ее опекуном была известная в республике педагог, заслуженный учитель Киргизской ССР Уултай Казакбаевна Ботбаева. Ее мужем был декан биологического факультета Куручбек Абдулдабеков, родной дядя Анипы. Я познакомился с ними, и они дали добро на нашу женитьбу. В это время среди молодежи нашего поколения наблюдалось стремление взять в жены не своих ровесников, окончивших вузы, а молодых девушек, только что окончивших среднюю школу и еще не знавших жизни («башы ката элек кыздарды»), чтобы мужья могли воспитать их по своему вкусу и желанию.

После женитьбы, я узнал, что она росла без отца, является единственной дочерью своей матери, казашки, которая попала в Кыргызстан во время страшного голода 1931-1932 годов, который разразился в Казахстане, в

результате которого погибло около 2 млн. человек и свыше 600 тыс. бежало в другие республики и страны. Звали мою тещу Капаш Бийменова. Мой тесть был кыргызом по имени Кообаш и погиб в Великой Отечественной войне. Анипа с матерью жили у отца мужа. Однажды в село приехал родственник дедушки Анипы Шайды Баялиев, авторитетный в тех местах аксакал, молдо. Он приехал сватать Капаш и высказал такое предложение: «Я беру Капаш и выдам ее замуж за своего брата Шукурбека, а дочь пусть остается у тебя». Так и решили. Он увез Капаш в село Бакаир и выдал замуж, но он тоже вскоре погиб на фронте. Так и осталась моя теща в его семье. Куручбек Абдулдабеков был младшим братом Шайды, замечательного человека, умного, доброго, справедливого. Мы потом очень сблизились с ним.

После того, как я узнал, как жила моя Анипа, обещал ей быть не только мужем, но и заменить отца. Когда родился наш первенец, она была вынуждена бросить учебу в институте, и пойти работать по профессии на фабрику им. 40-летия Октября. Затем она окончила юридический факультет университета, стала дипломированным специалистом, проработала юристом Министерства связи Киргизской ССР до пенсионного возраста. Родила мне двух сыновей и дочь, о которых речь пойдет позже. Живем мы с Анипой уже 60 лет счастливой жизни.

22. Мой друг хирург Мирнасыр

Не могу не вспомнить и не сказать хорошие слова в адрес моего друга Мирнасыра Мухамедзиева. Он был моим ровесником, по национальности - узбек. Его родители были старожилками во Фрунзе и состояли в родстве с семьей Миррахимовых. С Мирнасыром я познакомился в первые годы войны, когда мы вместе попали на учебу в физкультурный институт им. Лесгафта, который был эвакуирован во Фрунзе из окруженного фашистами Ленинграда. Затем наши пути разошлись. Я уехал в Ленинград – поступать в юридический институт им.Калинина, а он во Фрунзе поступил в медицинский институт.

Когда я вернулся домой и начал работать в республиканской прокуратуре, однажды встретил его в городе Талас, будучи там в командировке. Он работал в райбольнице в должности хирурга, и он мне показался лучом света в этом богом забытом крае. Вновь его встретил, когда он работал хирургом в клинике Ахунбаева, а я был уже известным адвокатом. По всем медицинским вопросам, касающимся меня или моей семьи, родственников, я напрямую обращался к нему, зная, что он решит их незамедлительно и самое главное высокопрофессионально. Бывали случаи, когда по его совету я ложился к нему на стационарное обследование. Дважды находился у него на лечении мой сын Зайнидин, дважды он спас его от возможных тяжелых последствий, которые могли привести к инвалидности и даже смерти. Он часто приходил ко мне домой, много шутил, был всегда весел, чем подкупал и заражал всех окружающих. Однажды до меня дошел слух, что Мирнасыр сделал операцию по удалению аппендицита у своего родственника Мирсаида Миррахимова, впоследствии знаменитого ученого-медика. Но операция оказалось не совсем удачной. Повторную операцию ему якобы сделали другие хирурги. Жизнь Мирсаида находилась в опасности. Как мне сказали, оказывается, хирургам запрещено делать операции своим близким родственникам. Не знаю, почему, не объяснили. Мирнасыр и его семья тяжело переживали о случившемся. Отец Мирсаида, он работал музыкантом в оркестре театра, оперы и балета и жил по соседству с Мухамедзиевыми. Говорят, он ежедневно демонстративно точил свой огромный нож и приговаривал: «Этим ножом зарежу Мирнасыра, если умрет мой сын!».

К счастью, все обошлось. Мирсаид выжил, но они перестали между собой общаться. Мирнасыр затем успешно защитил кандидатскую диссертацию и читал лекции студентам. Был среди своих коллег на хорошем счету. Уже после гибели в автокатастрофе его шефа академика Ахунбаева, он успешно защитил докторскую диссертацию. Однако, подробностей не знаю, кто-то из недоброжелателей написал в ВАК донос клеветнического характера.

Диссертацию не утвердили. Мало того зарубили его дочь при поступлении в мединститут. Этого оказалось достаточным, чтобы не выдержало больное сердце. Он умер, не дожив до 50 лет. Похоронили его рядом с научным руководителем Ахунбаевым, как он и просил.

23. Дело гр. С.

Свадьба была у нас скромной, присутствовали все наши родственники. Из моих друзей был Асанкан Джумахматов, мой земляк и еще несколько друзей, всех не припомню. Вспоминая о прошлом, хочется поделиться воспоминанием о встрече с таким великим для кыргызского народа человеком как Кусеин Карасаев. Эта встреча произошла в связи с моей профессиональной деятельностью, в качестве адвоката. Состоялась она где-то в середине или в конце 50-х годов в связи с привлечением к уголовной ответственности его зятя. Речь идет о С., работавшим в КГУ, кандидате наук, которому было предъявлено обвинение в изнасиловании абитуриентки К., поступавшей на один из факультетов КГУ.

Фабула обвинения была такова: гражданин С., посадив в свою личную машину «Волга» абитуриентку К., повез ее на Чумышскую плотину. Там на пляже, растянув на песке брезент, загорали, купались, где он насильно вступил с ней в интимные отношения.

Через два дня после случившегося, К. и еще одна девушка, берут направление из отделения милиции на обследование в судебную медицинскую экспертизу на предмет определения - нарушена или не нарушена у них девственность. В этот же день, кто-то из знакомых отца К. позвонил ему и сказал, что видел его дочь у судмедэксперта, спросил у нее, в чем дело? Вечером родители К., взяв ее в оборот, добились ее признания о том, что ее изнасиловали и на следующий день обратились с жалобой в Прокуратуру

Киргизской ССР Ш.Акаеву. Закончив предварительное расследование, прокуратура передала дело для рассмотрения по существу в Верховный суд Киргизской ССР. Дело рассматривалось под председательством члена Верховного суда Игнатова, считавшегося неподкупным и честным судьей. Государственным обвинителем в процессе выступал заместитель прокурора республики, фамилию его не помню. Адвокатом участвовали в процессе два человека: я и адвокат Варлаам Хе. Из-за общественной значимости и сложности рассматриваемого дела допускалась такая возможность - защищать одного обвиняемого двумя адвокатами.

Зал судебного заседания Верховного суда Киргизской ССР на бульваре Дзержинского был битком набит студентами, преподавателями КГУ и родственниками подсудимого. Процесс длился неделю. Гр.С. категорически отрицал свою вину в изнасиловании, заявляя, что на Чумышскую плотину он не ездил, в тот день был в гостях в другом месте. Его алиби поддерживали человек 20 его друзей, которые были с ним в гостях. Поэтому, эти две версии защищали два адвоката. В прении сторон прокурор в своей обвинительной речи просил признать гр. С. виновным и определить ему меру наказания сроком 10 лет лишения свободы. Я вместе с Хе в своих защитительных речах, настаивал на отсутствии доказательств вины подсудимого, и потому просили его оправдать.

Суд вынес оправдательный приговор гр.С. со следующей формулировкой: половое сношение гр.С. с К. имело место, но насилия не было. Справедливость восторжествовала, но С. до решения суда успели исключить из партии. Это обстоятельство во многом стало тормозом в его дальнейшей работе и жизни. Под занавес своей жизни он успел защитить докторскую диссертацию и даже побывать на руководящей работе.

Во время следствия и судебного рассмотрения этого дела, по просьбе К.Карасаева, я несколько раз бывал у него дома, помногу и подолгу беседовал с ним на различные темы. Хотя тогда его еще не признавали выдающимся

ученым-языковедом, я сразу почувствовал и понял, какой это незаурядный и великий мыслитель, много знающий об арабской, кыргызской истории, философии, филологии и литературе. Ведь по достоинству его выдающиеся заслуги были признаны только после развала бывшего СССР. Он был избран почетным академиком Национальной академии наук Кыргызской Республики, изданы его фундаментальные труды, увековечена его память на Иссык - Куле, присвоено его имя Бишкекскому государственному университету.

24. На научной работе

По прошествии 14 лет моей практической работы в органах прокуратуры и адвокатуры, перейти в науку мне помог счастливый случай. В 1963 году мой друг Салморбек Табышалиев, с которым я дружил еще тогда, когда он был аспирантом (впоследствии он стал ректором КГУ, академиком), позвонил ко мне домой и сказал: «Карпек в этом году тебе исполняется 35 лет. Я помню, как ты рвался в науку, но тебя не пускали туда из-за твоего манапского происхождения. Если хочешь я персонально дам тебе место в очную аспирантуру у нас на юридическом факультете. Поступай, а то будет поздно!». Для меня это было трудное решение. Вновь начинать с нуля. Снова садиться за ученическую скамью. В это время я уже имел семью, двух сыновей 9 и 8 лет, которые ходили в школу. Их надо было содержать. Поговорив со старшим братом Юсупом Курмановым, работавшим военным комиссаром в Араванском районе Ошской области, Рахимберди Куттуковым, моим казахским жезде, работавшим в Кантском районе парторгом колхоза и другими родственниками, заручился их поддержкой. Они пообещали помочь материально, так как моя стипендия аспиранта 1000 рублей, была недостаточна для содержания семьи. После этого я дал согласие поступить в очную аспирантуру юридического факультета КГУ. Сдав успешно вступительные экзамены, я был зачислен приказом ректора КГУ в очную аспирантуру сроком на 3 года. Моим научным руководителем был назначен Николай Петрович Кучерявый, кандидат

юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права, впоследствии профессор КРСУ. Мне как специалисту с большим практическим опытом работы, после долгих размышлений по выбору темы диссертационной работы, остановились на следующей теме: «Уголовная ответственность за хищение опия», ибо опий-сырец (98%) в СССР промышленным способом производился только в Кыргызстане. Поэтому наша республика была основным источником хищения опия и распространения наркомании в других регионах страны.

Производство опия-сырца в Кыргызстане было сосредоточено в Иссык-Кульской области и некоторых местах Таласской долины. На плантациях 98 совхозов и колхозов 4-х районов области на Иссык-Куле поставляли для нужд медицины и военной промышленности СССР 26 тонн опия-сырца ежегодно. Как известно, опий содержит в себе 26 алколоидов, лекарственных средств, из них основным является обезболивающей морфин, а для военной промышленности он используется, как средство против коррозии металлов.

Основной причиной, почему производство опия-сырца было сосредоточено в Кыргызстане, а именно на Иссык – Куле, связано с особенностью климатических условий. Высоко 800 метров над уровнем моря окруженное горами озеро, морской климат. Все это дает выращенному здесь опию-сырцу высокий процент морфийности до 10-12%. В других местах, например, в Чуйской долине или Казахстане, Украине, опий-сырец дает от силы 1 или 2 % морфийности, что не пригодно для медицины, но используется в пищевой промышленности. По данным органов МВД Киргизской ССР, в период созревания и уборки опий-сырца на Иссык-Куль под видом отдыхающих съезжались наркоманы и разный преступный сброд со всех концов СССР, а точнее из 26 городов страны. Они входили в сговор со сборщиками опий-сырца, давали заранее им деньги под будущий похищенный опий, потом сидели и ждали. Наша милиция, тоже не дремала. В период сбора опия-сырца на Иссык-Куль они приезжали сотнями и расходились по плантациям для предотвращения хищения опия-сырца.

Работники милиции, как я потом узнал, вращаясь со сборщиками опия-сырца, заранее знали способы и различного рода ухищрения, применяемые ими в целях его хищения. Картина была такова: каждый сборщик опия-сырца имел свою делянку на совхозной или колхозной плантации размером 10х10 метров, на котором растет его урожай, которые он сам сажал, поливал, полол и т.д. В период созревания он же сам делал надрезы на головке каждого опийного мака вечером, а утром соскребал вытекший и застывший молочный сок коричневого цвета специальным ножом и складывал продукт в посуду. Хороший сборщик за один раз мог собрать грамм 70-90 опия-сырца, который он должен был тут же сдать на плантации приемщику опия-сырца. Такой процесс длился больше месяца уборочной кампании.

Первоначально, когда я приехал на Иссык-Куль с работниками милиции познакомиться с существующими возможностями хищения опия-сырца из плантаций, мне показалось, что это абсолютно невозможно или почти невозможно. Но, в конце концов, работники милиции мне раскрыли все известные им секреты. Не только рассказали, как сборщики похищают опий-сырец, но и показали это наглядно.

Оказывается, сборщик незаметно приносил на плантацию пол-литровую стеклянную банку и засыпал ее землей. Вернее, выкапывал яму глубиной 20-30 см., ставил туда банку с крышкой и засыпал землей. Сверху ставил какую-нибудь незаметную метку из белой или красной ниточки, висящей на стебле, или клали мертвых насекомых, например, жуков. Эти метки они делали для себя, чтобы знать, где находится банка. А работники милиции обнаруживали эти захоронения с помощью железных прутьев с острым наконечником, которыми они протыкали подозрительные места и там они натыкались на банки. Обнаруженную ямку раскапывали, вынимали стеклянную банку, и, смотрели - насколько она наполнена опием-сырцом. Опять закатывали банку и ждали, когда ее ночью или в другое время суток, попытаются утащить. Тогда и

ловили их с поличными. Затем было следствие, суд и место лишения свободы до 10 лет.

Видя это, я незаметно старался предупредить сборщиков, чтобы они были осторожными, что их банки с опиум-сырца обнаружены милицией. Ибо уже тогда я собственными глазами видел множество домов с заколоченными окнами, хозяева которых - муж и жена были осуждены за хищение опиума-сырца, а дети сданы в приюты и детдома. Нужно было что-то предпринять существенное для предотвращения роста тюремного населения из числа моего народа, так как понимал, что использование карательных мер дадут для генофонда нации страшный результат.

Ежегодно, на протяжении трех лет я приезжал на Иссык-Куль, где работал вместе с милицией, отрабатывая различные способы и методы борьбы с хищением опиума с плантаций, складов и других мест хранения опиума-сырца в системе Лекарспрома СССР - организации, которая ведала производством, заготовкой и транспортировкой опиума-сырца в республике. По статистическим данным МВД Киргизской ССР у преступников ежегодно изымалось похищенного опиума-сырца до 200 кг. Это была только десятая часть того, что вывозилось нелегально за пределы республики.

В Уголовном кодексе Киргизской ССР 1960 года, в отличие от УК других союзных республик, имелось восемь статей, специально предусматривающие различные виды составов преступления, связанные с опиумом, начиная от хищения и заканчивая незаконным выращиванием опиума на приусадебных участках с довольно суровыми санкциями до 15-20 лет лишения свободы. В УК всех других союзных республик имелось всего две статьи, предусматривающие уголовную ответственность за преступления, связанные с наркотическими средствами.

Рассказывая обо всем этом подробно я хочу, чтобы читателям было понятно, какова была обстановка в республике с хищением, распространением

опия и борьба с ним. Какое особое место занимала в стране Киргизия, как единственный источник распространения наркомании в СССР.

До меня никто из ученых и практиков не брался исследовать этот человеческий порок с точки зрения права. Наркоманию рассматривали как болезнь и одновременно как уголовно-наказуемое деяние. Дело в том, что наркотические средства растительного или синтетического происхождения были изъяты из свободного обращения среди населения. На них была установлена государственная монополия. Приобретать и хранить их можно было только по разрешению врача. Незаконное их приобретение, хранение для личного потребления или для продажи являлось уголовно-наказуемым деянием. Наркоманами, как показывали наши исследования и наблюдения, обычно становилась молодежь в возрасте от 9 лет и старше 14-25 лет. Как правило, это были распущенные и хулиганствующие элементы, из обычно неполных семей, разведённых родителей, нигде не работавшие и не учившиеся. Больной наркоман, перед тем как потребить свою очередную дозу наркотиков, как правило, обращается к таким подросткам из своего окружения, если они пробуют впервые, попробовать вместе с ним наркотики. Такое поведение профессор В.В.Боринович объяснял как «прозелитизм» - стремление больного наркомана, чувствуя свою ущербность, заразить окружающих и потащить их за собой в могилу, ибо он знает, что его болезнь не излечима, и, что из этого омута, куда он попал по своей дурости, он больше никогда не выберется.

Имея в виду именно такое поведение наркомана, законодатель в Уголовном кодексе Кыргызской Республики включил специальную статью, которая предусматривает уголовную ответственность за склонение к потреблению наркотических средств с мерой наказания до 12 лет лишения свободы.

Если наркомана не трогать, оставить его в покое, то он в течение года может склонить к потреблению наркотиков не менее 10-15 человек. Те же, став наркоманами, поступают точно таким же образом. В связи с чем, органы

милиции и здравоохранения ставят их на учет и проводят соответствующую работу. Количество больных с каждым годом становится все больше. По данным ООН в Кыргызстане в настоящее время число наркоманов достигает примерно 100 тыс. человек, тогда как на официальном учете состоят всего 8-10 тыс. наркоманов.

В мировом масштабе, наркобизнес, как известно, по своим многомиллиардным доходам уступает место только продаже нефти. О чем это свидетельствует? О том, что наркомания растет и будет расти в будущем, если ничего не предпринимать против этой заразы.

25. Снова в Алма-Ате

Завершил свою работу над кандидатской диссертацией я в 1966 г. Она была отпечатана на 323 страницах (сейчас для докторских работ требуется не более 250 стр.) и состояла из четырех глав, где рассматривалась история борьбы с хищением опия в Киргизии, проблемы анализа состава хищения опия, хищения опия при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах, а также проблемы по предупреждению хищения опия.

Получив положительный отзыв своего научного руководителя Н.П.Кучерявого, я повез диссертацию в ВАК при Совете Министров СССР в Москву для изучения моей диссертации и определения места, где я должен защищаться. Работе был присвоен секретный гриф «Для служебного пользования». Приехав в Москву, я направился в ВАК СССР, где попал на прием к заместителю председателя профессору Тихомирову, который расспросив меня о том, где и как я устроился, велел прийти к нему через неделю. За это время, мол, мы изучим работу и решим, что с ней делать. Через неделю, я явился к нему. Профессор любезно встретил меня и сказал, что работу мою изучили и дали положительную оценку. Вместе с диссертацией мне дали письмо на имя председателя диссертационного совета Казахского государственного университета им. С.М.Кирова профессора С.Сартаева о том,

чтобы они приняли мою диссертацию к рассмотрению на закрытом совете и провели защиту под грифом «Для служебного пользования».

Дело в том, что в СССР, начиная с 30-годов официально проводилась политика, гласящая, что наркомании и наркотиков в стране нет. Все, что касалось этой темы в средствах массовой информации и научных журналах публиковалось под грифом «секретно». Тогда засекречивалось почти все, например, дорожно-транспортные происшествия, сколько их было, какие жертвы и последствия, сколько родилось или умерло людей за месяц, за год, сколько людей осуждено, сколько оправдано и так далее. Существовавшие в стране порядки очень осложняло и без того трудную мою задачу по сбору материалов, написанию и опубликованию результатов кандидатского исследования. Все необходимые материалы приходилось добывать с боем и излагать их в работе под строгим контролем цензуры Главлита. Моя кандидатская диссертация по проблеме наркомании в юридической науке стала первым крупным научным исследованием в СССР. До меня никто такую тему не поднимал и такую работу не писал. Как мне сказал профессор Тихомиров на прощание: «В успешной защите вашей диссертации заинтересованы не только правоохранные органы, но и органы здравоохранения, по понятным вам причинам».

Приехав в КазГУ им. С.М.Кирова, я нашел на юридическом факультете член-корреспондента Академии наук Казахской ССР, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой теории государства и права Султана Сартаевича Сартаева и вручил ему письмо ВАК СССР. Он оказался почти моим ровесником и даже однокурсником. Когда-то в 1945 году мы вместе учились на первом курсе Алма-Атинского юридического института. Но он меня, конечно, не узнал, а я, в свою очередь, ему об этом не сказал. Да и что я мог ему сказать, чем похвастать. Что я, какой-то бедный аспирант, кыргыз, который в 38 лет хочет стать кандидатом юридических наук. Расспросив обо всем, он тут же на факультете познакомил меня с заведующим кафедрой уголовного права,

доктором юридических наук, профессором Василием Ивановичем Маркеловым, у которого на кафедре я должен был обсуждаться и получить рекомендацию кафедры к защите.

В.И.Маркелов, бурят по национальности, был большим ученым с непоколебимым научным авторитетом. Это был исключительно интеллигентный, обаятельный в общении добродушный человек. Таким он навсегда остался в моей памяти. Взяв мою диссертацию вместе с письмом ВАК СССР, он сказал, чтобы я приехал через месяц. Все это время они будут изучать, знакомиться с диссертацией, члены кафедры и он сам лично.

Через месяц я снова приехал в Алма-Ату. Едва определившись с ночевкой, а с жильем в то время было очень туго, явился в назначенное время на кафедру, которая собралась в полном составе. Обсуждение было бурным, выступили все члены кафедры, кто доброжелательно, кто с пренебрежением. Особенно лютовал какой-то преподаватель, как оказался экс-прокурор Казахской ССР, незадолго до обсуждения моей диссертации снятый с должности. Видно, завидовал бедному аспиранту, вышедшему на защиту. В заключение выступил зав. кафедрой В.И.Маркелов. Он сказал, что с учетом сделанных замечаний и при условии их устранения диссертацию К.Ш.Курманова на тему: « Уголовная ответственность за хищение опия» можно «... рекомендовать к защите на закрытом диссертационном Совете под грифом «Для служебного пользования»». Я записал все 40 замечаний, среди которых были и необычно придирчивые. Например: «Почему вы привезли на обсуждение кафедры уже прошитую диссертацию? Думаете, что ее уже не придется расшивать, да?», «Почему вы беспартийный?», «Как вы сумели получить направление ВАК СССР, ведь такое не практикуется, мы видим впервые» и т.д.

Приехав домой, я встретился со своим научным руководителем Н.П.Кучерявым и рассказал ему о встрече с С.С.Сартаевым и как проходило обсуждение моей работы на кафедре. После тщательного анализа каждого

замечания, мы с ним пришли к выводу, что все их нужно учесть в своей будущей научной деятельности. Но сейчас включать изменения в текст готовой диссертации и расшивать ее не будем.

Когда я приехал в Алма-Ату к профессору В.И.Маркелову и сказал ему об этом, он, улыбнувшись, согласился и принял мою не расшитую диссертацию. Приложив постановление кафедры, я передал мою диссертацию в спецсовет для защиты.

26. Защита кандидатской

Моя защита состоялась 30 июня 1967 года. На этом же совете со мной вместе защищался следователь по особо важным делам прокуратуры Киргизской ССР Браун, не запомнил его имени. Он специализировался по уголовному процессу, его тема диссертации называлась «Осмотр места происшествия».

Актовый зал, забит битком болельщиками Брауна, родственниками и его друзьями. Он приехал во Фрунзе из Душанбе, где его отец был ректором местного медицинского института. Моими болельщиками были всего два человека - мой брат Юсуп Курманов, подполковник, военком Араванского района Киргизской ССР и мой научный руководитель, доцент Н.П.Кучерявый.

Первым в открытом диссертационном совете под председательством профессора С.С.Сартаева и его заместителя Юрия Григорьевича Басина, доктора юридических наук, одного из видных казахстанских ученых-цивилистов с мировым именем, и 17 членов совета началось со слушания работы Брауна. Его выступление, речи его официальных и не официальных оппонентов снимали на киноплёнку. Я спросил у ученого секретаря совета, который сидел со мной рядом, Ургенишбаева, «и меня тоже будут снимать на плёнку?», он, полушутя ответил: «держи карман шире. Это снимают только Брауна, причем за большие деньги». Свою защиту Браун, на мой взгляд, провел

успешно, бойко отвечал на вопросы членов совета. После его заключительного выступления совет объявил перерыв.

Второе заседание началось со слушания моей диссертационной работы в присутствии только членов диссертационного совета. С разрешения председателя совета присутствовал лишь мой брат и научный руководитель. Моими официальными оппонентами выступали доктор юридических наук, профессор Саратовского университета М.И.Ковалев и кандидат юридических наук, доцент КазГУ Барымбек Сарсенович Бейсенов, ставший впоследствии генерал-майором милиции, первым начальником Карагандинской высшей школы МВД СССР. В своих выступлениях оппоненты, положительно оценивая работу, делали упор на том, что я в своем научном исследовании начал разведывать еще не тронутую в юридической науке целину, связанную с наркоманией. Предлагали продолжить «копать» эту золотую жилу, чтобы сделать из нее, в конечном счете, докторскую диссертацию. Через много лет, так оно и случилось. После моего заключительного выступления, где я искренне поблагодарил моего научного руководителя, оппонентов и членов совета за их большую помощь в становлении меня как ученого, диссертационный совет остался на тайное голосование по обеим диссертациям. В это время до нас, ожидавших решение совета, дошел слух, что где-то на этажах университета сбросили с балкона студента, еврея по национальности в знак протеста. Оказывается, в этот день 30 июня 1967 года Израиль напал на Египет и бомбил его.

Счетная комиссия диссертационного совета под председательством Ю.Г.Басина заседала очень долго, около часа. Когда же нас пригласили в актовЫй зал, председатель счетной комиссии начал оглашать результаты голосования с меня. Подано голосов «за» - 19, «против» - нет, единогласно. Все хлопали, поздравляли меня, жали руки.

Огласили результаты голосования и по защите Брауна - 9 «за», 10 «против». Защита не состоялась. Ю.Г.Басин потом возмущался, мол, никто не

был против при обсуждении диссертации и вот таков итоговый результат, что он будет жаловаться в ВАК СССР. Как оказалось, на диссертационном совете было 9 ученых еврейской национальности, 10 казахов, русских и других.

По существовавшему обычаю после успешной защиты диссертанты организовывали в складчину банкет в ресторане. То же самое собирались сделать и мы с Брауном. Отдали в ресторан «Алма-Ата» по 500 рублей для банкета. После случившегося подходит ко мне опечаленный Браун и говорит: «Карпек, верни мне 500 рублей, или дай расписку на эту сумму. Ни я, ни другие мои люди на банкет не придут». Я ему ответил, что ни денег, ни расписки дать ему не могу, ты лучше беги сейчас в ресторан, наверное, еще не поздно, проси вернуть свои деньги. Объясни им о случившемся, наверное, поймут. Он так и сделал. Там, в ресторане «Алма-Ата» главным бухгалтером оказался еврей, который сразу все понял и вернул ему деньги. Вечером, когда мы пришли в ресторан, стол был накрыт, но только наполовину.

По возвращении во Фрунзе мои родственники организовали нам хорошую встречу, с поездкой на Иссык-Куль к тамошним родственникам. Это поездка особенно понравилось моему первому официальному оппоненту профессору М.М.Ковалеву, который вспоминал о ней спустя много лет, когда, я встречался с ним на научных конференциях в Москве.

27. Работа в университете

Ректор университета С.Табышалиев по возвращении предложил мне работу в качестве ученого секретаря КГУ до получения диплома кандидата юридических наук, затем он обещал перевести меня на преподавательскую работу на юридический факультет КГУ. Обязанности ученого секретаря я исполнял под руководством проректора по науке Сагита Умеровича Исламова, доктора экономических наук, профессора, татар по национальности. Это был человек высокой культуры в возрасте за 50 лет. Несмотря на короткий срок нашей совместной работы, я научился у него очень многому и тому, что не

узнаешь ни по каким книжкам. Например, как надо правильно прожить Богом данную тебе жизнь, чтобы потом ни о чем не сожалеть. Я всегда с теплотой вспоминаю его как моего мудрейшего учителя.

Через год или два после моей защиты, когда я уже работал старшим преподавателем на юридическом факультете КГУ и преподавал студентам криминалистику, Н.П.Кучерявый, ставший к этому времени деканом факультета, показал мне письмо Пленума ВАК СССР. Оно было разослано во все юридические диссертационные советы, юридические факультеты университетов страны, где говорилось о плагиате в диссертационной работе Брауна, который буквально списал свою работу с работы ученого из Югославии, фамилию не помню, защитившегося в Москве. Вот так печально закончилась научная карьера моего напарника Брауна.

С 1968 по 1970 годы я работал старшим преподавателем на юридическом факультете КГУ. Став педагогом, на всю оставшуюся жизнь я связал свою жизнь с такими научными дисциплинами как уголовное право, уголовный процесс, криминалистика, криминология, судебная статистика и психология и другими предметами, которые мне довелось в разное время вести в разных вузах страны. И всегда старался делать свою работу на «отлично», опираясь на свой 14-летний практический опыт работы в прокуратуре и адвокатуре. Мои лекции и практические занятия для студентов по этим дисциплинам были максимально насыщены множеством конкретных примеров из судебной практики, сотен уголовных дел, в которых я участвовал или как государственный обвинитель или как адвокат.

28. Караганда

В связи с открытием второго государственного университета Казахстана в городе Караганде в 1972 году по рекомендации профессора В.И.Маркелова меня пригласили работать на юридический факультет КарГУ в качестве заведующего кафедрой с предоставлением 5-комнатной квартиры. Ректор

КарГУ, академик АН Казахской ССР Евней Арстанович Букетов прислал мне личное приглашение. Я дал согласие и прибыл в город Караганду. К этому времени мои сыновья - ровесники - Айдар 1954 г. и Зайнидин 1955 г. рождения, закончили среднюю школу. Айдар на кыргызском языке, Зайнидин на русском. Рекомендовать детям поступать на юридический факультет не решался, так как юристы все время живут и ходят по лезвию бритвы.

Посоветовал Зайнидину поступить на исторический факультет, а Айдару на экономический факультет КГУ. Оба они в 1972 г. поступили на вышеуказанные факультеты. Во время моего очередного приезда во Фрунзе, как-то случайно встретившись со мной, ректор КГУ С.Табышалиев по дружески сказал мне: «Карпек, с тебя причитается, я принял в университет сразу двоих твоих сыновей при таком высоком конкурсе, когда на одно место приходится десять человек. Принял во внимание то, что ты помогаешь братьям казахам готовить юридические кадры». Я его поблагодарил как друга и покровителя моих детей. Он остался в моей памяти высокой личностью, благородным и не завистливым человеком, который ко всему относился с глубоким пониманием и участием.

Город Караганда, по своей величине и благоустройству в разы превосходивший город Фрунзе, мне понравился сразу своей современной архитектурой, нежарким климатом и доброжелательными людьми. Продовольственное снабжение этого шахтерского города-миллионера, имеющего всесоюзное промышленное значение, было выше всяких похвал. Фрунзе и Алма-Ата даже рядом не стояли. В продовольственных магазинах, в свободной продаже были, например, такие продукты как «чучук» из конины, «казы», «карта» и другие дефицитные мясные продукты. Десятки сортов колбасы, конфет, печенья. В свободной продаже лежали коробки знаменитых конфет «Грильяж», за которыми в Москве и Питере люди давились в очередях. В универмагах и промтоварных магазинах в широком ассортименте продавалась импортная одежда и обувь. Город украшали широкие проспекты,

красивые многоэтажные здания. В центре не было ни одной мазанки. Работало 10 вузов, везде были разбиты зеленые скверы, красовались многочисленные театры, дворцы спорта, стадионы. Город имел сильную футбольную команду – грозу первой лиги «Шахтер» и не менее известную хоккейную дружину 1-й всесоюзной лиги «Строитель» и т.д.

Я прожил всего в Караганде с семьей из 3-х человек: женой Анипой и дочерью Гульнаррой, восемь лет. Один год со мной жил и работал в местном мединституте сын Зайнидин, после окончания ЛГУ им. А.А.Жданова. Ежегодно на зиму, начиная с ноября месяца, мне по заказу казахи забивали за соответствующую плату лошадь и привозили тушу домой. Таков был местный казахский обычай – «согум», весьма распространенный в городе. У кыргызов тоже есть такой обычай, но во Фрунзе он не получил развития. Мяса с лихвой хватало семье до мая месяца.

Деканом нашего экономико-юридического факультета (как называли его в первые годы) был кандидат экономических наук Абдразаков, бывший секретарь обкома партии, какого не помню. Ему было больше 50 лет, держался он с окружающими сугубо официально, чувствовалось его партийно-чиновничье прошлое. Через 2-3 года, защитив докторскую диссертацию, он стал ректором Карагандинского кооперативного института. На моей кафедре правоведения работали преподавателями Рамазан Нуртаев, Енлик Нургалиева, Сатар Рахметов, Арыкбай Агыбаев и другие. В последующем многие из них стали докторами юридических наук, профессорами, крупными государственными деятелями Республики Казахстан.

КарГУ, его юридический факультет стали крупнейшей в Казахстане кузницей кадров. Набор на первый курс составлял 250 человек (к примеру, на нашем юрфаке КГУ – 50 человек). За восемь лет работы в КарГУ, мы выпустили три выпуска студентов. Казахстан получил 750 юристов, из них четверо, по моим неполным сведениям, стали докторами юридических наук,

профессорами. Помню фамилии двоих из них – это Рустамова и Жунусов. Из этих выпусков 15 человек стали кандидатами юридических наук.

В Караганде мы встретились и сблизились с такими казахами, а их было больше сотни человек, которые считали себя этническими кыргызами. Один из них Рымбек Спанов, преподаватель-историк и его престарелый отец шахтер, пенсионер. На мой вопрос, как они попали сюда из Кыргызстана, Рымбек, не зная правильного ответа, попросил меня на этот счет переговорить с его отцом, пока он еще жив. Я так и сделал. Его отец, лежа в постели, больной, рассказал мне следующее. Они, якобы, жители юга Киргизии, из Узгена, в количестве трех тысяч кибиток были вывезены в Казахстан во времена Абая Кунанбаева в качестве куна (штрафа) за гибель в битве с кыргызами хана всех казахов Кенесары Касымова. Более подробно - кем, когда и зачем это было сделано, он не знал. В Каркаралинском районе имелся совхоз под названием «Киргизия», где также проживали казахи, называвшие себя кыргызами. В паспорте по национальности они пишутся «казах», а фактически считали себя кыргызами. Мы часто с супругой бывали у них и у нас в гостях, как в городе Караганде, так и в других местах.

Что примечательно, за восемь лет моей жизни в Караганде, никто и никогда, ни при каких обстоятельствах, не пытались ущемить или оскорбить меня через мою национальную принадлежность. Мы, кыргызы, в этом отношении считаю нас слабее, ущербнее, что особенно сильно проявляется в последнее время. В нашем 2-этажном доме в городе Фрунзе, где я жил перед переездом в Караганду, в одной из квартир жил казах с русской женой. Он был, кажется, ветераном войны, немного хромал. Так мы во дворе его постоянно называли «чолок казак», хотя все знали его фамилию Муканов и имя. Вспоминаю это и мне действительно становится стыдно как за себя, так и за других своих соплеменников, которые по моему наблюдению все больше и больше стали мельчать, утратили былое благородство, разум и величие. Ведь наши предки кочевники: енисейские кыргызы, кипчаки, тюрки, монголы,

найманы, кидани, карлуки, тюргеши, османы, сельджуки и другие давным-давно перемешались между собой, образовав новые этносы, которые сейчас называются тян-шанскими кыргызами, казахами, узбеками, каракалпаками... Сейчас в мире не осталось чистых этносов. Такова непреложная азбука и логика жизни. В условиях глобализации взаимосвязи и взаимовлияние между народами будут еще более усиливаться. На место национального сознания людей приходит планетарное мышление. И к этому процессу надо всем нам готовиться «от мала до велика», относиться к нему благоразумно и с пониманием. А не пытаться все время обмануть историю, самих себя путем пропаганды своей национальной исключительности, в основе которой лежит узколобое мещанство, общее духовное оскудение и неумение видеть и строить будущее.

При встрече с такими моими коллегами, как декан исторического факультета КарГУ Джуасов, декан экономического факультета Каракесов, доцент этого факультета Уржан Сыдыков и другими, они превращались в незабываемые встречи старых друзей, своего рода праздничные шоу с изрядным количеством шуток, песен и танцев. Одна из шуток была следующего содержания, заводилой большинства из которых был Джуасов, он был старше всех нас по возрасту, остальные его дружно поддерживали. Обращаясь ко мне, он с веселыми искорками в глазах, говорил: «Караке, у нас в Казахстане 19 областей, для четного числа в нем не хватает одной, давай присоединим Кыргызстан 20 областью Казахстана, тогда все станет на место. Как ты думаешь?» Я в шутку отвечал, показывая на висящий на стене в кабинете портрет Чокана Валиханова, знает ли он кем писался по национальности ваш великий просветитель казахского народа - «кыргызом». Поэтому, давайте лучше присоединим Казахстан к кыргызам. Все дружно смеялись. Сейчас, к сожалению, никого из моих дорогих карагандинских друзей почти не осталось в живых. Пусть земля им будет пухом. Замечательные и благородные были люди.

Работая в КарГУ, я продолжал заниматься проблемой наркомании, публикуя теоретические и практические статьи в научном журнале «для служебного пользования» Карагандинской Высшей школы МВД Казахстана. Засекреченность проблемы наркомании в СССР продолжала оставаться серьезным препятствием для развития юридической науки и мысли. В открытой печати о наркотиках можно было публиковать только то, что происходит за рубежом в капиталистическом мире. Эта стена секретности рухнула лишь в 1987 году, после публикации в газете «Правда» статьи Чингиза Айтматова под названием «Опий».

29. Возвращение домой

Мое возвращение на родину в 1980-е годы было связано с представившейся возможностью обмена моей карагандинской квартиры на трехкомнатную в городе Фрунзе. Такая возможность в практике обмена между нашими городами случалась крайне редко. Я даже начал подумывать переехать в столицу Казахстана. Алма-Ату легче было поменять на Фрунзе. И так бы произошло, если бы не счастливый случай. Нам очень повезло. Казах, военный врач, родом из Караганды, выйдя на пенсию захотел вернуться на родину. Уезжал я из Караганды, можно сказать, без большого сожаления. Ректор Е.А.Букетов, которого мы все обожали, был снят с должности в связи с какой-то интригой, затеянной против него родным братом первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Динмухамеда Ахмедовича Кунаева, кажется, Алиаскаром Кунаевым, тоже академиком-геологом. Об этом писали казахстанские газеты. С его уходом не стало в университете того приподнятого творческого духа, который вселял нам своим присутствием Евней Арстанович, этот, безусловно, великий ученый и просветитель казахского народа XX века, академик Академии наук Казахской ССР, доктор химических наук, профессор,

лауреат Государственной премии СССР, член Союза писателей СССР, имя которого было посмертно присвоено КарГУ после его скоропостижной смерти.

Вернувшись в родной Кыргызстан в августе 1980 года я поселился в микрорайоне «Аламедин-1». Встретился с друзьями и знакомыми, стал решать проблему с моим трудоустройством. Меня согласились взять на работу сразу в двух местах: в КГУ, где ректором был академик Каип Оторбаев, и в Институте философии и права АН Киргизской ССР, где директором был академик Асылбек Алтымышбаев. Там же работал заместителем директора доктор юридических наук Рафик Тургунбеков - мой близкий друг со студенческих времен. Поэтому основной выбор был сделан в пользу Института философии и права АН Киргизской ССР, где я начал трудиться в должности старшего научного сотрудника. На юридическом же факультете КГУ я стал приглашенным доцентом с почасовой оплатой. Принятие такого решения было связано с твердым намерением начать работу над своей докторской диссертацией. К этому времени я уже знал, что не один борюсь с этим социальным злом. В СССР к тому времени уже появилось 9 кандидатов юридических наук, моих коллег, занимающихся проблемами наркомании. После меня только через 5 лет в 1972 году защитился К.А.Карпович, О.В.Колесник - в 1978, Дружинина - в 1980, Н.М.Толмачева - в 1982, А.Раджеков - в 1983, Н.А.Мираунченко, А.А.Музыка и Н.Якубов - в 1984 году.

30. «Авгиевы конюшни»

Сравнительная малочисленность исследований по проблеме борьбы с наркоманией с точки зрения права, как я уже писал выше, была связана с существующим в стране вплоть до 1987 года прямым запретом на публикации в открытой печати материалов о наличии наркомании в СССР. Более того, в СССР вообще существовал запрет на употребление слова «наркомания», если речь шла о нашем обществе, а не о капиталистических странах. Как

единственный остепененный специалист по проблеме наркомании, я много поездил по городам и селам страны и республики с лекциями по линии общества «Знание». Читал лекции среди населения, особенно в профтехучилищах и средних школах, о вреде наркотиков для здоровья человека и мерах по его предотвращению. Например, когда я приезжал в Ошскую область, то директора ПТУ и средних школ, узнав о моем приезде, становились в очередь, чтобы заполучить меня для чтения лекции по профилактике наркомании. Во всех этих учебных заведениях потребление наркотиков (анаши, опия) учащимися было уже настолько распространено, что терпеть это дальше было нельзя. Мои лекции, в которых я говорил о страшных последствиях потребления наркотиков, о неизлечимости этой болезни, неизбежной смерти в муках в молодые годы сильно действовали на молодежь.

Прокурор республики Дрыжак несколько раз приглашал меня для чтения таких лекций для работников прокуратуры на их республиканских совещаниях, когда они съезжались во Фрунзе. Однажды по просьбе заведующего отделом науки ЦК КП Киргизии Аскара Акаева, в присутствии его помощников - ныне известных ученых, академиков Аскара Чукутаевича Какеева и Владимира Ивановича Нифадьева, я провел с ними беседу в течение 2-х часов о состоянии борьбы с преступлениями, связанными с наркотическими средствами в Киргизской ССР. Эта беседа записывалась, как мне сказали, для доклада на Бюро ЦК партии. Позже, когда Аскар Акаев стал президентом Академии наук Киргизской ССР, он несколько раз слушал мои доклады на эту тему. Через год или два после начала моей работы в Академии наук на ученом совете Института философии и права была утверждена тема моей докторской диссертации «Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с наркотизмом». Я уже писал выше, что стена секретности рухнула в небытие в 1987 году после появления в газете «Правда» проблемной и острой статьи Ч.Айтматова «Опий». После этого стало значительно легче собирать научные материалы для работы. Когда я написал первый вариант диссертации, то

попросил заведующего административным отделом ЦК КП Киргизии А.А.Лемешенко прочитать ее и высказать свое мнение. Анатолий Андреевич Лемешенко тоже являлся кандидатом юридических наук, я с ним познакомился через Р.Тургунбекова. Он раньше работал в нашей Академии наук и слыл очень грамотным и добросовестным сотрудником без всяких там чиновничьих и прочих негативных замашек. Он согласился и через какое-то время, вернул мне рукопись, сказав, что прочитал ее в командировке и что она ему очень понравилась. Он также сделал ряд замечаний, над которыми следовало еще поработать. Через год или два, уже не помню, я подготовил второй вариант своей докторской диссертации, с которой, как мне сказал А.Лемешенко, решил лично ознакомиться второй секретарь ЦК КП Киргизии Г.Киселев, который, помимо своих прямых функций, также курировал правоохранительные органы, здравоохранение и военное ведомство республики. Я сразу же понял, что это произошло с подачи Анатолия Андреевича. Таким образом, у меня появилась реальная возможность с помощью ЦК партии продуктивно поработать над своим исследованием и затем опубликовать монографию под названием «Наркомания: уголовно-правовые и криминалистические проблемы». В 1989 году она вышла тиражом в 2 тыс. экземпляров в издательстве «Илим» Академии наук. Все это было бы невозможно без той мощной поддержки, которую мне оказали А.Лемешенко и Г.Киселев, понявшие значимость этой работы не только для нашей республики, но и страны в целом. Тогдашнее руководство Академии наук республики, почему-то не придавало должного внимания проблеме борьбы с наркотизмом. Изданная мною монография стала после издания настольной книгой для работников правоохранительных органов и здравоохранения республики. Она стала фактически первой научной фундаментальной работой в СССР, рассматривающей наркоманию с точки зрения права, как криминал и как уголовно наказуемое деяние. В книге впервые в научный оборот вводился новый термин «наркотизм», которым охватываются все составы преступления, связанные с наркотическими средствами и его

незаконным распространением среди населения. На основании изданной монографии, в 1990 году я написал третий вариант докторской диссертации, которая после всестороннего изучения заинтересованными учеными нашей Академики наук и юридических вузов республики, была обсуждена на расширенном заседании ученого совета Института философии и права Академии наук Киргизской ССР и единогласно рекомендована к защите.

31. Ташкентский облом

После этого снова встал вопрос - куда обратиться по вопросу защиты. У нас диссертационного совета в то время не было. К ближайшему соседу в Казахстан было нельзя. В связи с декабрьским восстанием казахской молодежи в 1986 году против ставленника Кремля Г.Колбина в республике были произведены аресты, закрыты учебные заведения, в том числе и диссертационные советы. Мой непосредственный начальник по работе Рафик Тургунбеков предложил мне поехать в Ташкент. Я дал согласие и мы вместе на рейсовом автобусе выехали туда. По прибытии устроились в гостинице и поехали искать директора Ташкентского юридического института, его друга и коллегу по совместной работе в Конституционном комитете СССР (фамилию и имя не помню). Вскоре нам удалось найти его большой дом на окраине Ташкента. Хозяин очень любезно принял нас, угостил вкусным пловом. Узнав о цели нашего приезда, позвонил в Институт государства и права Академии наук Узбекистана кому-то из заместителей директоров и даже кажется самому директору, чтобы они приняли нас. Мы с Рафиком поехали в данный институт, встретились с его руководством, они нас очень хорошо приняли. На встрече была достигнута договоренность, что они в течение одного месяца изучат работу и поставят ее на обсуждение на предмет принятия к защите. Оставив в трех экземплярах привезенную мной диссертацию в отделе уголовного права этого института, я с Тургунбековым на следующий день вернулись домой.

Спустя месяц, получил телеграмму приехать в Ташкент для участия в обсуждении моей диссертации. Выехал я один, Тургунбеков почему-то не смог поехать со мной, хотя я настойчиво просил его об этом. В отделе уголовного права института собралось для обсуждения моей диссертации человек 15. Хорошо мне запомнилось выступление М.Г.Икрамовой. Как потом я узнал, она являлась кандидатом юридических наук, доцентом ТашГУ. Перед началом обсуждения она сказала: «Вы товарищ Курманов смелый человек, что взялись защищать докторскую диссертацию на такую тему и приехали в Ташкент, когда в Ошской области идет резня между узбеками и кыргызами». Об этих событиях я ничего не знал и не слышал, т.к. в это время был в дороге. Когда же услышал об этой страшной новости, то действительно перепугался. Не только за свою жизнь, но и за свою работу, ее будущее.

Обсуждение было очень бурным, выступили почти все члены совета. В итоге было принято постановление рекомендовать к защите мою диссертацию с учетом сделанных замечаний и предложений. Перед тем, как разойтись, помню, поручили члену совета, кандидату юридических наук Мустафе Кадырову – работавшему инспектором ЦК КП Узбекистана, чтобы он устроил меня в гостиницу под видом казаха. Он так и сделал, забрал с собой мой паспорт, так и не показав его администратору гостиницы. Мне он велел говорить только на русском языке, так как в Ташкенте тоже имели место быть факты межнациональной уособицы. Я сидел в огромном номере гостиницы, закрывшись на ключ и сокрушенно думал – ну, почему такое страшное событие, как межнациональная рознь, могло случиться в нашей интернациональной стране?

В семь или в девять в дверь раздался стук. Я молчал, но стук продолжался. Потом, стучавший в дверь, начал кричать: «Карпек-ука, открой!» Открыл дверь. В дверях стоял знакомый еще по первому приезду в Ташкент профессор, он являлся членом совета, участником обсуждения моей диссертации. Профессор, извинившись за беспокойство, немедленно сообщил цель своего

позднего визита - нужно дать членам экспертной комиссии деньги по 10 тыс. рублей каждому, таков, мол, здешний обычай. Без этого работу не пропустят. Я ему ответил, что таких денег у меня никогда не было и нет. И внутренне подивился тому, как можно брать взятки после того, что происходило в Узбекистане в связи с массовыми арестами по «хлопковому делу», проведенными следователями по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР Н.В.Ивановым и Т.Х.Гдяном, которые в это время все еще продолжали «зачистку» Узбекистана. Профессор сказал мне, что, к сожалению, такое продолжает иметь место. Этот случай я привожу в назидание тем руководителям, которые верят в чудодейственную силу насилия и запретов, каковых у нас всегда было в достатке. Тем, кто методом посадок и запугивания сейчас пытается решить проблему борьбы с коррупцией. Нужна системная, продуманная и кропотливая работа, прежде всего, с населением, чтобы оно поддержало это начинание, а не хватать всех подряд. Посадим половину населения, а за 20 лет разбазаривания страны у нас почти не осталось безгрешных, начиная от простых учителей и заканчивая президентами. А кто будет строить Кыргызстан? Американцы, что ли, или китайцы, или может быть сами прокуроры и милиционеры возьмут в руки лопаты? А судьи кто? Те работники правоохранительных органов или их современное подобие, о которых я вспоминаю в этой книге? Еще в пору моей юности они были самыми коррумпированными органами. А ведь царящие там нравы за 20 лет псевдодемократии не изменились ни на йоту.

Не изменилось и человеческое мышление, скорее деградировало. В Ташкенте пачками сажали людей, а те, кто оставался на свободе - требовали взятки. Никто и не думал меняться, так как шла очередная политическая кампания, которая скоро закончится. Люди к этому привыкли. Да и мои откровения о моем времени, о царящих в это время диких нравах, свидетельствует об особой сложности борьбы с коррупцией, у которой в постсоветских странах имеются очень глубокие исторические корни. Даже

большевики, утопившие всю страну в крови в годы массовых репрессий, не смогли ликвидировать коррупцию. Причина – низкий уровень жизни. И это объясняет все, в том числе и то, как надо бороться с коррупцией – через эффективное повышение благосостояния народа.

«На нет и суда нет, но имей ввиду Карпек Шамсединович, где бы вы не защищались, я согласен быть вашим официальным оппонентом, - сказал профессор, - имейте это в виду». Я искренне поблагодарил его и мы расстались. Я понял, что Ташкент обломился... Приехал домой ни с чем. И сразу же обо всем рассказал Рафику Тургунбекову, который дал полную волю своим эмоциям.

32. Опять Алма-Ата

По прошествии определенного времени, до нас дошла приятная весть, что в Алма-Ате возобновил работу диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций под председательством академика Султана Сартаевича Сартаева. Мы с Рафиком Тургунбековым тут же поехали в Алма-Ату просить принять к защите мою диссертацию. Первым, с кем мы повстречались и повели разговор на эту тему, был доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета КазГУ Калавшан Бегалиев. Встреча его с Рафиком Тургунбековым было очень шумной и трогательной. Они обнимались, целовались, громко приветствуя друг друга. Оказалось, что это была встреча двух однокурсников. В 1949 году они вместе закончили Алма-Атинский юридический институт. К.Бегалиев, дослужившись до генерала в органах прокуратуры, вышел на пенсию и занялся научной деятельностью. Узнав о цели нашего прибытия, обещал помочь всем, чем возможно. Затем мы встретились с председателем диссертационного совета С.С.Сартаевым. В ходе встречи он сказал, что диссертационный совет примет во внимание постановление Ученого совета Института философии и права Академии наук Киргизской ССР, рекомендовавшего работу к защите. В

экспертную комиссию по приему моей диссертации были избраны: председателем - профессор К.Бегалиев, членами профессора Е.И.Каиржанов и Г.Ф.Поленов. Комиссия, проверив мою работу, дала положительное заключение: «Принять к защите и назначить официальными оппонентами доктора юридических наук, профессора Филимонова из Москвы, доктора юридических наук, профессора Ахмедова из Узбекистана и доктора юридических наук, профессора Е.Каиржанова из Казахстана. День защиты был назначен на 20 сентября 1991 года.

Я приехал в г. Алма-Ата в первых числах сентября, чтобы заранее подготовиться к защите, не спеша решить организационные и технические вопросы. В гостинице мне досталась комната № 313. После всех этих диссертационных мытарств, я стал очень суеверным. Не хватало, чтобы еще что-то непредвиденное случилось, когда я уже был почти у цели. Ходил к администратору, к директору, объясняя, зачем я тут и что мне предстоит. Но все было напрасным. Гостиница была переполнена, что было обычным в советской жизни. Новую комнату я так и не получил. Ближе к дате защиты стали прибывать мои родственники, жена, сыновья, друзья, в том числе Рафик Тургунбеков. Когда я стал заказывать для них места в гостинице, мне опять стали предлагать № 213, № 413, т.е. такие номера, которые люди не занимают по суеверию. Пришлось их заселять в этих номерах. Забегая вперед скажу, что когда все мои дела успешно окончились, я подумал, что может быть число 13 для меня является везучим. Вскоре, после этих событий, во Фрунзе я купил частный дом у немцев, выезжающих в Германию, по улице Волховская 13, где счастливо прожил 17 лет и затем переехал в новый дом, построенный мной в 2007 году. Сейчас по решению своих соседей живу на улице профессора К.Ш.Курманова.

33. Защита докторской

Утром 20 сентября 1991 года, открывая работу диссертационного совета, председатель С.С.Сартаев произнес следующие слова: «Дорогие друзья, коллеги! Сегодня происходит уникальное событие! Сегодня мы будем проводить защиту докторской диссертации уважаемого К.Ш.Курманова, который 24 года тому назад в 1967 году на этом же совете КазГУ под моим председательством защитил кандидатскую диссертацию. Мы тогда дали ему наказ, продолжить свою интересную работу и привезти докторскую диссертацию. И он этот наказ выполнил». Эти слова были встречены аплодисментами. Из старого состава диссертационного совета в новом осталось только двое - академик С.С.Сартаев и его незаменимый заместитель - профессор Ю.Г.Басин. Остальные 17 членов совета были новыми и многие не знали меня и историю с моей защитой.

Защита прошла успешно. В результате тайного голосования члены диссертационного совета единогласно поддержали присуждение мне ученой степени доктора юридических наук. Со вторым моим напарником снова, как и 24 года тому назад, произошел казус. Он должен был защищать свою кандидатскую диссертацию на тему, связанную с деятельностью прокуратуры Казахской ССР. Помню, это был молодой парень, казах. А все произошло вот так. После моего выступления, мне задал вопрос один из присутствующих по фамилии Баймурзин. Как я узнал впоследствии, это был кандидат юридических наук, доцент и судья по привередливости, не питал к защищавшимся никаких симпатий. Он и задал вопрос, который стал роковым для моего напарника: «Вы сказали, что в вашей диссертации нет ссылок на съезды КПСС и классиков марксизма-ленинизма и т.д., а вот в автореферате такая ссылка есть, как вы это объясните?» Я ему ответил, что он смотрит не мой автореферат, а напарника. Он был сконфужен, раздался смех. Сидящий в это время в зале и слушавший все это академик Салык Зиманов, выдающийся правовед и патриарх юридической науки в Казахстане, подошел к столу президиума, за которым сидели Сартаев с Басиным, и тихо им сказал, что кандидатскую диссертацию

надо бы снять с защиты и ушел. Так и сделали, тихо сняли его диссертацию с защиты. Я вернул ему деньги, которые он дал для нашего общего банкета. Потом, я слышал, что он успешно защитился на следующий год. Академик С.Зиманов умер в 2011 году, в 90-летнем возрасте, окруженный заботой и вниманием благодарных учеников, коллег, соратников, родственников. На первый взгляд, казалось - такая мелочь, стоило бы мэтру обращать внимание на эту ерунду. Но если вспомнить, в каких муках рождалось разрешение на открытие диссертационного совета, то можно понять мудрость и осторожность уважаемого аксакала. Любой прокол мог тогда иметь печальные последствия для будущего юридической науки Казахстана.

По возвращении домой мои коллеги и друзья поздравляли меня как второго после Рафика Тургунбекова доктора юридических наук в нашей республике. Первым доктором юридических наук, профессором был известный ученый-конституционалист Кубанычбек Нурбеков, который рано ушел из жизни в результате необоснованной политической травли со стороны партийного руководства. Степень доктора юридических наук мне присудили 10 января 1992 года. Диплом за № 2Д/34 выписал ВАК Совета Министров СССР за подписью его председателя Е.И.Шемякина уже после официального роспуска СССР. И я, видимо, был из последних ученых «могикан», кому выписали советские дипломы. По прошествии определенного времени, до нас дошла приятная весть, что в Алма-Ате возобновил работу диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертации под председателем академика Султана Сартаевича Сартаева. Мы с Рафиком Тургунбековым тут же поехали в Алма-Ату просить принять к защите мою диссертацию. Первым, с кем мы повстречались и повели разговор на эту тему, был доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета КазГУ Калавшан Бегалиев. Встреча его с Рафиком Тургунбековым было очень шумной и трогательной. Они обнимались, целовались, громко приветствуя друг друга. Оказалось, что это была встреча двух однокурсников. В 1949 году они

вместе закончили Алма-Атинский юридический институт. К.Бегалиев, дослужившись до генерала в органах прокуратуры, вышел на пенсию и занялся научной деятельностью. Узнав о цели нашего прибытия, обещал помочь всем, чем возможно. Затем мы встретились с председателем диссертационного совета С.С.Сартаевым. В ходе встречи он сказал, что диссертационный совет примет во внимание постановление Ученого совета Института философии и права Академии наук Киргизской ССР, рекомендовавшего работу к защите. В экспертную комиссию по приему моей диссертации к защите были избраны председателем профессор К.Бегалиев, членами профессор Е.И.Каиржанов и профессор Г.Ф.Поленов. Комиссия, проверив мою работу, дала положительное заключение: «Принять к защите и назначить официальными оппонентами доктора юридических наук, профессора Филимонова из Москвы, доктора юридических наук, профессора Ахмедова из Узбекистана и доктора юридических наук, профессора Е.Каиржанова из Казахстана. День защиты был назначен на 20 сентября 1991 года.

Я приехал в г. Алма-Ата в первых числах сентября, чтобы заранее подготовиться к защите, не спеша решить организационные и технические вопросы. В гостинице мне досталась комната № 313. После всех этих диссертационных мытарств, я стал очень суеверным. Не хватало, чтобы еще что-то непредвиденное случилось, когда я уже был почти у цели. Ходил к администратору, к директору, объясняя, зачем я тут и что мне предстоит. Но все было напрасным. Гостиница была переполнена, что было обычным в советской жизни. Новую комнату я так и не получил. Ближе к дате защиты стали прибывать мои родственники, жена, сыновья, друзья, в том числе Рафик Тургунбеков. Когда я стал заказывать для них места в гостинице, мне опять стали предлагать № 213, № 413, т.е. такие номера, которые люди не занимают по суеверию. Пришлось их заселять в этих номерах. Забегая вперед скажу, что когда все мои дела успешно окончились, я подумал, что может быть число 13 для меня является везучим. Вскоре, после этих событий, во Фрунзе я купил

частный дом у немцев, выезжающих в Германию, по улице Волховская 13, где счастливо прожил 17 лет и затем переехал в новый дом, построенный мной в 2007 году. По воле соседей, я сейчас живу на улице имени профессора К.Ш.Курманова

34. Мой брат Юсуп и другие

Я все время упоминаю о своем брате Юсупе, военном человеке. Его уже нет несколько лет, он умер в 2007 году, и мне его так не хватает сейчас, ибо среди моих братьев он был самый близкий мне человек. Он был на два года старше и это нас очень сближало. Когда началась война, он 16-летним юношей добровольцем ушел на фронт, потому что был призван Джамалбек, сын репрессированного дяди Насредина. Они были очень дружны и вместе пошли на войну, учились в туркменской Кушке в краткосрочном пулеметном училище и одновременно стали командирами пулеметного взвода – младшими лейтенантами. Потом их пути разошлись. Джамалбек погиб на фронте. Юсуп вернулся с войны капитаном, командиром пулеметного батальона. После возвращения работал 2-м секретарем Фрунзенского обкома комсомола. Но затем был новый военный призыв. После известной речи Уинстона Черчилля в Фултоне в 1946 году началась «холодная война» и Юсупа снова мобилизовали в армию. Всю жизнь после этого он проработал в военных комиссариатах Араванского, Наукатского района Ошской области, г.Токмака. Был одним из шести полковников Киргизской ССР. 10 лет проработал военным комиссаром Нарынской области. Он был всегда для меня самой главной поддержкой, всегда помогал мне, чем мог. Женат был мой брат на узбекской девушке по имени Михрахон, которую мы просто называли Маша. И вообще наша семья по своему духу и составу была очень интернациональной.

Как-то я с Юсупом сидел дома, вдруг приходит Зайнидин и говорит: «Дядя Юсуп, я хочу, как мой брат Султан, поступить в Алма-Атинское

общевоинское военное училище, что вы скажете?» Я молчал, так как был в шоке. Юсуп, видя мое состояние, сказал: «Дорогой Зайнидин, ты молодец, что хочешь выбрать такую нелегкую профессию воина. Наверное, Султан с тобой сильно поработал. Но не торопись. Офицером ты можешь стать всегда, например, после окончания гражданского вуза. Тебе будет в это время 22 года. Султан хотел стать военным с детства и готовился к этому давно. А ты подумай, осмотришь, я думаю, из тебя выйдет прекрасный ученый, как твой отец». И он оказался прав, мой мудрый старший брат.

По стопам Юсупа пошел лишь его младший сын – Султан Курманов, ветеран афганской войны, близкий друг генерал-лейтенанта, Героя России, бывшего президента Ингушетии Руслана Аушева. Он долгое время служил за границей и военную карьеру закончил командующим Национальной гвардией Кыргызской Республики. Сейчас живет и работает в США. Старший сын – Эркин, стал музыкантом, членом Союза композиторов Киргизской ССР, сейчас работает замдиректором Национального театра оперы и балета КР. Самая старшая в семье дочь Гульбара – бизнес-леди, еще с советских времен живет в г.Таразе и приняла казахское гражданство. Ее дочь известная в нашей республике певица Айя Садырова.

Самым старшим братом в нашей семье был Аскар. Он родился в 1922 году и тоже был ветераном Великой отечественной войны. После окончания службы он женился на татарской девушке по имени Мария и занимался сельским хозяйством. Трагически погиб в автокатастрофе в 1971 году. Многие его дети - Алик, Флюра, Гульсара, Гульнара сейчас живут и работают в Ташкенте и Душанбе.

Младшим нашим братом был Осмонбек, родившийся в 1930 году. Он был творческим человеком, очень хорошо рисовал. Закончил Фрунзенское художественное училище. Мои друзья художники говорили мне, что у него будет большое будущее. Он был женат на турчанке Каличе. От брака у него осталась дочка Бактыгуль Сарманова, которая ныне является кандидатом

юридических наук, доцентом КГЮА. Однако, брат вскоре заболел туберкулезом и умер в 38 лет.

Самой младшей в нашей семье была сестричка Бибинур, 1932 года рождения. Она стала известным в республике специалистом-архивистом и всю жизнь проработала на архивной службе, пройдя все ступени служебной лестницы от рядового работника до директора Центрального государственного архива Киргизской ССР. Она состояла в браке с Санжарбеком Данияровым, который впоследствии стал видным ученым-историком, доктором исторических наук, профессором и член-корреспондентом АН Киргизской ССР. От них осталось 3 дочери – Гульнара (уже покойная), Чинара и Амангуль, а также сын Тынарбек Данияров, который сейчас живет со своей семьей в США.

35. Друзья историки и художники

С другим моим закадычным другом Бейманалы Чокушевым из Кемина я познакомился в 50-годы в кампании с Салморбеком Табышалиевым и другими его знакомыми аспирантами-историками. В 1952 году Бейманалы завершил учебу в аспирантуре в Москве. Мы вместе ходили в гости к Койчуманову, работавшем главным редактором «Ведомостей Верховного Совета СССР» на кыргызском языке, где впервые познакомились с Турдакуном Усубалиевым (в то время он работал инструктором ЦК КПСС), заведующим отделом науки ЦК КП Киргизии, кандидатом философских наук Давлеткельдиевым, балетмейстером нашего театра оперы и балета Нурдином Тугеловым. С Тугеловым мы часто ходили в рестораны, где он любил танцевать на призы. Все восторгались его изящным танцам с дамами. Ведь москвичи не знали, что он профессиональный танцор балета.

Внезапно Бейманалы получил из Фрунзе телеграмму за подписью Качкеева, тогдашнего министра по хлопководству, с требованием «срочно приезжай». Будущий тесть был очень влиятельным в республике человеком,

революционером, устанавливавшим Советскую власть в Киргизии. А причина внезапного вызова состояла в том, что приемная дочь министра (родных детей у него не было), Джамал, была девушкой, за которой ухаживал Бейманалы. Она оказалось беременной, о чем с негодованием узнали ее высокопоставленные родители. Вызвали жениха, чтобы срочно женить их. Бейманалы уехал и больше в Москву на учебу не вернулся.

С Бейманалы мы снова встретились, когда я уже работал адвокатом. Стали дружить семьями, отношения складывались самые близкие и наилучшие. Он к тому времени стал уважаемым ученым и педагогом, защитил диссертацию и стал кандидатом исторических наук, заведовал кафедрой в КГУ и даже успел несколько раз побывать деканом исторического факультета. У него было три сына, один из них Рыскул, закончил Карагандинскую высшую школу МВД, когда я там жил и работал. Часто приходил на выходные к нам домой. Я по просьбе Бейманалы контролировал за его поведением и учебой, регулярно интересовался его успеваемостью у своих коллег из школы милиции. Но отзывались о нем неважно, мол, пропускает занятия, слаб, не усидчив. Один раз за самовольный выезд в Алма-Ату его даже отчислили из школы, но по моему ходатайству начальник школы генерал Бейсенов его восстановил. Но Рыскул не сделал из этого правильных выводов. Через год его снова отчислили за прогулы и неуспеваемость. На этот раз я попросил Бейманалы самому приехать а Караганду и переговорить с руководством школы о восстановлении Рыскула на учебу. Бейманалы приехал, разговаривал с начальником школы. Из уважения к нему, а он в это время уже был доктором наук, профессором пошли навстречу и повторно восстановили сына на учебу.

В год моего возвращения на родину из Караганды в 1980 году Бейманалы встретил меня с плохой вестью. Его двух сыновей, старшего – скульптора Чолпона и Рыскула арестовали по обвинению в изнасиловании. Мол, помоги! Но за 8 лет моей отлучки из моих старых знакомых работников суда, прокуратуры и милиции почти никого не осталось. Единственное, что я мог

сделать это переговорить с адвокатом, с потерпевшей и как-то повлиять на них с целью смягчения участи подсудимых. Фабула дела была такова, подвыпившие братья Чолпон и Рыскул привели в квартиру Чолпона женщину, с которой Рыскул был близко знаком и по очереди изнасиловали ее. Судья, принимая во внимание все смягчающие обстоятельства, положение отца подсудимых и т.д., определила им минимальный срок - 8 лет лишения свободы каждому. От пережитого горя Бейманалы совсем замкнулся, перестал общаться с друзьями, сторонился людей. Спасибо руководству КГУ, лично Салморбеку Табышалиеву, что он оставил Бейманалы на работе, не уволил его, хотя советская система ошибки редко кому прощала. Последние годы его жизни мы не общались. Он вышел на пенсию и переехал жить поближе к малой родине, в пгт. Быстровка (ныне г.Кемин). В середине 90-х годов он ушел из жизни. Я участвовал на его похоронах вместе с сыном Зайнидином, узнав о его кончине от каких-то посторонних людей.

Другим близким моим другом был Мукаш Айтбаев. Он был очень веселым и добродушным человеком, умницей. По возрасту был немного старше меня. Родом с Иссык-Куля из Барскауна. Очень рано защитился, стал кандидатом исторических наук, преподавал в Политехническом институте, работал в Академии наук Киргизской ССР. Считался очень перспективным ученым, подавал огромные надежды. Его супруга, замечательная женщина Асыл Джумагулова была юристом, окончила Ташкентский юридический институт и много лет затем проработала членом Верховного суда Киргизской ССР. Ее тоже теперь нет среди нас, тихо и незаметно ушла из жизни несколько лет тому назад.

В середине 60-х годов Мукаш защитил диссертацию по этнографическим проблемам на соискание ученой степени доктора исторических наук в городе Ереване. Ему не было тогда и сорока лет. Но в ВАКе СССР, где «черным оппонентом» выступил известный историк и этнограф профессор С.М.Абрамзон, его диссертацию не утвердили, дав отрицательное заключение.

Мукаш не смог пережить этого и запил. В середине 70-х годов он умер, так и не реализовав до конца свой могучий потенциал.

Когда я учился в Ленинграде, в свободное время я ходил к студентам Института физической культуры им. П.Ф.Лесгафта и в Академию художеств им. И.Е.Репина. О кыргызах-физкультурниках я уже писал, поэтому хотел бы вспомнить своих друзей художников Джакуля Кожаметова и Алтымыша Усубалиева. Они жили по Невской набережной в бывшем дворце великого русского художника Карла Павловича Брюллова. Чаще встречаться мы стали, когда вернулись во Фрунзе. Они приехали немного позже, так как учеба в академии была рассчитана на 6 лет, а я учился в вузе 4 года.

Кожаметов работал художником в мастерской чудотворца и кыргызского гения кисти, председателя Союза художников республики Гапара Айтиева. Он являлся как бы правой рукой Айтиева и какое-то время работал директором Фрунзенского художественного училища. Он был старше меня, участвовал в войне. Был женат на красавице Зое, выпускнице Женпеда. Жили они поначалу в подвале музыкально-хореографического училища им. Муратаалы Куренкеева. Как то мы сидели у меня в гостях и он шутливо обращается к моей супруге Анипе. «Анипа, научи рожать Зою!». Дело в том, что они были уже два года в браке, а детей у них не было. У меня же была два сына – Айдар и Зайнидин, им было уже где-то по 3-4 года. Подхватив шутку, я ему сказал: «Джакуль, ты обращаешься не по адресу. Эту просьбу ты должен сказать мне. Я знаю, что надо делать». И выждав паузу, сказал, по-кыргызскому обычаю надо вам дать бата (благословление), иначе ничего не выйдет. Тогда он говорит, мне так в чем дело, дай свое бата. Я же хитро улыбаясь сказал, ему: «Э-э нет, дорогой друг. Накрой стол, зарежь барашка, пригласи нас специально в гости, вот тогда я дам мое бата». Он сказал, хоп. Смотрю, через некоторое время он зовет в гости. Я спрашиваю, по какому случаю? Он отвечает. Ты же обещал дать бата! Пришли к нему, никого кроме нас нет. Подготовился он основательно. Посидели, попиروвали, а под занавес я дал своей благословление со следующими словами:

«Дай Бог вам двоих сыновей, как у меня и еще столько детей, сколько вам возжелается!» На том и разошлись. Месяца через два прихожу домой вечером с работы, смотрю, сидит Джакуль, немного подвыпивший и очень радостный. Что случилось, говорю? «Карпек, ты молодец, бата сработало, Зоя забеременела. Нашей радости не было конца. Первого сына он назвал Абделем, второго – Насером. Всех назвал в честь египетского президента Гамаль Абдель Насера. Затем у него родилось еще трое детей, в том числе и дочка. Как-то он приходит ко мне домой и говорит: «Карпек, срочно требуется новое бата, нужно чтобы Зоя перестала рожать». Мы посмеялись и я ему сказал, дорогой дружище, я такого «бата» давать не буду, «бата» по такому поводу не дается. Это дело теперь в руках Бога.

Он много работал и творил. Стал очень известным художником, много зарабатывал, переехал в дом в благоустроенную квартиру, построенный специально для художников. Погиб на взлете своего таланта. В расцвете лет пережил инсульт, у него отнялась правая нога и рука. Писать он уже не мог. Когда я вернулся домой из Караганды, друзья рассказывали мне, что он утопился в озере Иссык-Куль.

Алтымыш Усубалиев всегда был рядом. Его кудри опускались ниже плеч, он был веселым человеком и никогда не вешал от неудач носа. Дорогой Алтымыш, он тоже сгорел, так до конца и не реализовав свой художественный талант. На память от Джакуля и Алтымыша у меня сохранилось несколько полотен, которые они подарили мне в знак нашей дружбы. Их сейчас уже давно нет и я страдаю, что их имена не вспоминают, когда проводят различные конкурсы и вернисажи. А зря...

Вот такие были у меня друзья-ровесники, которых по тем или иным объективным причинам я рано потерял. В пожилые годы друзей уже не приобретают, а, наоборот, теряют. Но жить-то надо, человек не может нормально жить без общения. Да и может ли называться человеком тот, кто не имеет своего круга общения. Речь идет не о моих родственниках, они всегда

рядом и будут рядом. Я говорю о моих сослуживцах, коллегах, докторантах, аспирантах, соискателях, студентах, членах диссертационных советов, с которыми я до сих пор работаю, несмотря на возраст. Среди них я не чувствую себя лишним человеком и за это им всем огромное спасибо.

36. Институт переподготовки

В связи с обретением независимости Кыргызской Республики в Академии наук был образован новый Институт государства и права, а его директором назначен кандидат юридических наук, специалист в области международного права Эсенгул Джумашевич Бейшембиев. Этот институт просуществовал года два и был ликвидирован, не знаю в связи с чем. Поэтому, я перешел на работу на факультет переподготовки и повышения квалификации кадров в КГУ, куда был приглашен его деканом Борисом Хамитовичем Кубаевым на должность профессора кафедры государства и права, которой заведовал кандидат юридических наук, доцент Сагынбек Алымкулов. Этот убогий в самом начале факультет под руководством Кубаева в последующие годы превратился в великолепный современный вуз с огромным контингентом преподавателей и студентов, с мощными филиалами во всех шести областях республики и даже в гг. Алма-Ате и Таразе соседнего Казахстана. «Кубаевский институт», как мы его называли в народе, стал мощной кузницей подготовки и переподготовки юридических и экономических кадров в республике, где желающие могли заочно получить необходимое образование.

Такое стало возможным благодаря исключительным организаторским способностям и таланту доктора экономических наук, профессора Кубаева. На базе этого института с его мощной материальной учебной базой в 2003 году была образована Кыргызская государственная юридическая академия при Правительстве Кыргызской Республики. В ИППКК при КГНУ я проработал десять лет на должности заведующего кафедрой уголовного права. 23 февраля

1995 года ВАК Кыргызской Республики присвоил мне звание профессора. В 1996 году мне было присвоено звание почетного профессора Чуйского университета, где я преподавал по совместительству уголовное право. В этом же году по совместительству я стал заведовать кафедрой уголовного права и процесса в Кыргызском государственном университете им. Ишеналы Арабаева. В 2002-2005 годы одновременно заведовал кафедрой юриспруденции в Восточном университете им. Махмуда Барскауна. Основным местом работы после образования КГЮА в 2003 году для меня стала кафедра уголовного права, которой я заведовал до моего восьмидесятилетия в 2008 году. Затем работал советником ректора, а с 2012 года по настоящее время являюсь научным консультантом кафедры уголовного права КГЮА.

В 2003 году Указом Президента А.А.Акаева за большой вклад в развитие юридической науки в Кыргызстане и педагогическую деятельность мне было присвоено почетное звание «Заслуженного деятеля науки Кыргызской Республики». До настоящего времени ни один ученый-юрист республики не имеет такого высокого почетного звания. За много лет своей научно-педагогической работы в академии наук, в различных вузах страны, КГЮА, я активно совмещал педагогическую деятельность с наукой. Считал и считаю, что не может быть хорошим преподавателем тот, кто не занимается научными исследованиями. За время своей педагогической и научной работы опубликовал свыше 100 научных публикаций, общим объемом свыше 400 п.л., в том числе три монографии: «Наркомания: уголовно-правовые и криминалистические проблемы» объемом 13 п.л. (1989); «Квалификация преступления: теория и практика» объемом 8 п.л. (2001); «Наркотики, преступления, профилактика» объемом 14,5 п.л. (2005).

Помимо этого, написал и издал ряд учебников и учебных пособий: «Учебник уголовного права КР. Ч. Общая». Объем 20 п.л. (2005) на кыргызском языке; «Уголовное право КР. Ч. Особенная». Объем 45,5 п.л. (2005) на кыргызском языке. Я также являюсь автором и ответственным

редактором фундаментального учебника «Уголовное право КР. Ч. Общая и Особенная». Объем 53 п.л. на русском языке, который переиздавался восемь раз с 1995 по 2006 годы.

Коллективными усилиями мы написали и издали «Комментарий к Уголовному кодексу КР». Объем 45,5 п.л. (2003), где я выступал в качестве ответственного редактора и автора и т.д. и т.п.

37. Выборы в Академию наук

За многолетнюю историю существования Академии наук Кыргызстана никто из ученых-юристов никогда не выдвигался и не избирался член - корреспондентом или действительным членом академии наук. Напрашивается вопрос: почему? Ответ лежал на поверхности. Будучи главой правительства, Н.С.Хрущев, на одном из пленумов ЦК КПСС, в гневе, сказал примерно следующие слова: «Нам юристы не нужны, то, что сказала партия - это и есть закон». После этого юристы оказались в опале, закрылись многие юридические институты, особенно в столицах союзных республик, где они имелись, в Москве, Ленинграде, Харькове и других. Остались только юридические факультеты университетов.

А Хрущев продолжал бушевать. Выступая на митинге в Алма-Ате, он заявил: «Вот в Москве недавно судили валютчиков и дали им за это по 10 лет лишения свободы вместо, того, чтобы расстрелять. Таких судей нужно самих судить». А ведь 10 лет лишения свободы это был максимальный срок по УК РСФСР. Суд не мог поступить иначе. Но Хрущев не был юристом, он этого не знал и потому так говорил. Но сразу же после этого Президиум Верховного Совета СССР под председательством Л.И.Брежнева новым Указом от 1961 года за преступления, связанные со спекуляцией, валютой и драгоценностями ввел смертную казнь. Прежний приговор суда был отменен. Валютчиков судили повторно и расстреляли.

Такое пренебрежительное отношение к юристам в стране, и в нашей республике не исключение, по понятным причинам, продолжалось до прихода к власти Михаила Сергеевича Горбачева, юриста по образованию. Он много сделал для поднятия статуса права, юридической науки и авторитета специальности юристов.

В 1992 году Академия наук КР впервые за всю историю своего существования предоставило одно место юристам для избрания в члены-корреспонденты. На это место были выдвинуты две кандидатуры: я и Рафик Тургунбеков, больше докторов юридических наук в республике не было. Соперничать со своим другом я не стал, да и заслуг, честно скажем, у него было гораздо больше, чем у любого другого юриста. На выборах в члены-корреспонденты Академии наук Кыргызской Республики, как и следовало ожидать, прошел Р.Тургунбеков. Все ученые-юристы очень радовались этому событию, думали, вот теперь в строительстве правового государства существенно изменится их роль. Но ошибались. После кончины Рафика Тургунбекова в 2008 году, его место член-корреспондента на следующих выборах передали филологам. Юристы снова остались ни с чем. И только в 2011 году это место досталось доктору юридических наук, профессору Чолпонкулу Арабаеву.

38. Командировка в Америку

В возрасте 75 лет, мне представилась возможность на месяц поехать в США в г.Майами (штат Флорида) для участия в качестве эксперта по советскому уголовному законодательству в судебном процессе по делу бывшего нашего соотечественника Оразакуна Файзиевича Сейдазимова. Он был известен в Америке под именем Рой Азим. Ему инкриминировалось нарушение статьи 18, раздел 1546 (а) Уголовного Кодекса США.

Дело в том, что когда он еще был гражданином СССР, Сейдазимов был арестован по делу об убийстве председателя Совета Министров Киргизской ССР Султана Ибраимова. В числе других подозреваемых он просидел в тюрьме КГБ год или два. Но когда был обнаружен настоящий убийца Ибраимова, его не освободили, а подкинули в камеру наркотики и дали 8 лет лишения свободы. Он отсидел лет 6 и освободился. Вернувшись на родину, спустя какое-то время он подает в суд ходатайство о снятии с него досрочно судимости. Местный судья, зная истинную подоплеку дела Сейдазимова, снимает с него судимость, а Верховный суд Киргизской ССР прекращает его дело производством из-за отсутствия или недоказанностью состава преступления. В 1995 году он получает визу и вылетает на постоянное место жительства в США. Перед вылетом заполняет декларацию, а в графе «имеется ли судимость», «привлекался ли к уголовной ответственности», он написал, что нет, не судился, зная, что по нашим законам снятие судом судимости, дает право гражданину везде и всюду говорить, что он «не судим». В Майами Сейдазимов спокойно жил и работал до 11 сентября 2001 года. После террористической атаки на США американские власти стали пристально относиться к лицам азиатской и арабской национальности. В это же время на Сейдазимова по линии Интерпола поступает анонимное сообщение о том, что он скрывает свою судимость в прошлом. Потом был установлен этот недоброжелатель, автор анонимки, им оказался работник МВД Кыргызской Республики. Тут же производится арест Сейдазимова и через месяц его выпускают под залог в 50 тыс. долларов. Я, получив в американском посольстве визу, на пребывание в США, сроком на один месяц, в сопровождении родственника Сейдазимова прибыл в Алма-Ату, откуда ночью, на самолете британских авиалиний, мы вылетели через Баку-Лондон в Майами. В дороге был 12 часов и перенес полет благополучно. Прибыли в Майами вечером и были тепло встречены несколькими людьми во главе с Сейдазимовым. Поселили меня в пятизвездочную гостиницу на берегу океана в роскошном огромном номере с

двумя спальнями. На следующий день утром на закрепленной за мной черной машине марки «Джип» с водителем испанцем и переводчиком Семеном приехали домой к Сейдазимову. Там уже были в полном сборе его адвокаты и другие помощники. За завтраком шел разговор о предстоящем судебном разбирательстве. Речь шла на английском языке, но суть ее мне подробно переводили. Я сразу спросил коллег, а была ли с их стороны попытка, поговорить с прокурором или судьей, как это обычно делается у нас, в бывшем Союзе. Услышав это, они удивились и ответили, что такое недопустимо ни в коем случае. Целая неделя ушла на мое ознакомление с уголовным делом. Оно состояло из одного тома и знакомился я с ним через переводчика. В случае признания виновным Сейдазимову грозила мера наказания от 5 до 8 лет лишения свободы и большой денежный штраф.

Вечерами, когда я оставался в гостинице один, без водителя и переводчика, я часто выходил на улицу просто погулять, а также в надежде встретить кого-нибудь русскоязычного, но так никого и не встретил. Были негры, японцы, китайцы, арабы, индусы, но не было ни одного русского, армянина, украинца. Американцы показались мне очень доброжелательным и любознательным народом. Я так подумал после нескольких случаев. Например, идет навстречу американец лет 35-40 и смотрит на меня, идущего ему навстречу, улыбается, подходит, обнимает и что-то говорит, а я ничего не понимаю. Так и расходимся, не поняв друг друга. Когда я об этом рассказал в нашей компании, то они посмеялись и посоветовали мне в таких случаях сказать «ай эм рашен». После этого они обещали мне, что никто со мной больше не будет панибратствовать.

Смотря на окружающее жите-бытье и сравнивая его с нашим, я думал, а почему бы здесь людям не быть добрыми и радушными. Ведь мы находились в земном раю. Все сверкает и блестит, все улыбаются, нет зимы, в апреле уже купаются в океане, самая низкая температура +20⁰С. В свободное от работы время я объездил весь полуостров Флорида со своим родным племянником

Тынарбеком Данияровым, который, узнав о моем приезде, примчался на своей автомашине через несколько штатов. Он эмигрировал сюда в 90-е годы и сейчас живет в Нью-Йорке. Пробыв со мной одну неделю и вволю отдохнув, он уехал домой.

Подошел день слушания дела Сейдазимова в суде штата Флорида. Судья начал слушание дела с оглашения прокурором обвинительного акта против Сейдазимова. Все, как и должно быть, шло на английском языке. Переводчик шепотом переводил мне то, что считал нужным мне знать. Когда предоставили слово мне как эксперту, я сказал, что Сейдазимов не виновен в том, что скрыл свою судимость. По действующему в СНГ и бывшем СССР законодательству, он имел полное право говорить о том, что не судим, так как она своевременно снята в соответствии с существующими законами. Я пояснил суду, что появление такого незнакомого для американского правосудия института «как снятие судимости», было связано с политикой массовых репрессий в Советской России. Если бы не было этого института, то в СССР чуть ли не каждый гражданин считался бы судимым. «У вас в США такого института нет, - говорил я. – Тот, кто совершил преступление и осужден за это, считается судимым на всю оставшуюся жизнь». После моей 20- минутной речи прокурор, обращаясь к суду, сказал, что он отзывает свой обвинительный акт и поэтому просит прекратить дело производством. Все были рады благополучному исходу дела, особенно Сейдазимов. Я начал собираться домой. Решил приобрести какую-нибудь хорошую вещь на память об Америке. Но, что удивительно, все хорошие и ценные вещи были произведены в Китае, даже видеокамера, которую я купил. Перед моим отлетом Сейдазимов сказал, что предстоит еще один судебный процесс в американском Таможенном суде, и смогу ли я приехать, если будет такая необходимость? Я ответил утвердительно. Впоследствии я узнал, что и с таможенным судом дело закончилось благополучно.

39. Мой друг Елеген

Вспоминая прошедшие страницы своей жизни, не могу не сказать теплых слов в адрес моего друга, Елегена Истлеувича Каиржанова, человека от рождения очень талантливого и благородного. Он обладал энциклопедическими познаниями, и не только в области юриспруденции. Всю свою долгую жизнь он сеял вокруг себя добро, справедливость, знания, любовь и уважение к людям.

С Елеке я познакомился 40 лет тому назад. Все началось в 1972 году в городе Караганде, куда я приехал на постоянную работу. Каиржанов был кандидатом юридических наук и работал в руководстве Карагандинской высшей школы МВД РК, в звании полковника.

Мы подружились сначала лично, общаясь по своим профессиональным делам. Потом заружились семьями, а наши супруги - Анипа и Шолпан души не чаяли друг в друге. Елеген выделялся на фоне своих коллег и ученых-юристов своей необычайной способностью доходчиво и ясно излагать сложные проблемы науки, убеждать их в своей правоте, как в личных беседах, так и на научных конференциях и семинарах. Хотя среди нас было много маститых и известных ученых, таких как генерал Б.С.Бейсенов, начальник Карагандинской высшей школы МВД РК, имя которого сейчас носит это учебное заведение, его заместители: Ким, Ашитов, преподаватели школы Ашеулов, Сабикенов, Жанабилов, ученые из КарГУ : Нургалиева, Агыбаев, Нуртаев, Рахметов и др.

Елеке уже в 1975 году единогласно защитил докторскую диссертацию в Киевском государственном университете им. Т.Т.Шевченко на очень сложную в то время и даже теперь тему: «Объект преступления в СССР» по общей части уголовного права. Через год или два после его защиты пошел слух о том, что в эксперты ВАК СССР, при утверждении диссертации Е.Каиржанова, засомневались в том, что такую сложную работу мог написать какой-то казах из далекой провинциальной Караганды. В связи с этим ему пришлось вторично

защитить свою диссертацию на Пленуме ВАК СССР и получить диплом доктора юридических наук из рук самого председателя Е.И.Шемякина. Вот таким бойцом остался в нашей памяти Елеке – жизнерадостным, оптимистичным, волевым, талантливым человеком, настоящим полковником.

В 1991 году судьба вновь свела меня с Елеке, когда он заведовал кафедрой юридического факультета КазГУ. Он стал официальным оппонентом моей докторской диссертации. С этого времени наше постоянное общение с Елеке никогда больше не прерывалось до его внезапной кончины в 2011 году.

Последние 20 лет он был постоянным членом диссертационных советов Кыргызстана в КГНУ им. Ж.Баласагына, Кыргызской государственной юридической академии и Кыргызско-Российского (Славянского) университета им. Б. Ельцина. Роль Е.И.Каиржанова в подготовке и воспитании научных кадров высшей юридической квалификации для Кыргызстана просто неопределима. Он был практически официальным оппонентом всех моих докторантов, аспирантов и соискателей, а их было только у меня не менее 20-ти.

С подачи Елеке я много лет был постоянным членом диссертационных советов КазГУ им.Аль-Фараби и Академии МВД РК, которые работали под председательством Е.И.Каиржанова. Будучи проректором известного университета «Кайнар», он показал себя как крупный организатор науки. В качестве своего творческого наследия он оставил 10 докторов и 60 кандидатов юридических наук, свыше 250 научных трудов, в том числе 21 монографию, 10 учебников по уголовному праву и криминологии, тысячи практических работников правоохранительных органов в Казахстане и странах СНГ. Не каждый академик может похвастать таким богатым наследством.

От Елеке постоянно исходил в адрес окружающих людей непередаваемый тонкий юмор, шутки и остроты. Мне в присутствии своих коллег, он обычно острил и всегда под общий смех: «Карпек, когда ты, наконец, уплатишь нам калым за эже, с которой живешь вот уже больше 50 лет». Я же отвечал ему

отказом платить калым и предлагал Елеке забрать назад свою эжешку. На мой 70-летний юбилей в 1998 году на торжество приехали мои казахские друзья Е.Каиржанов, К.Бегалиев и А.Агыбаев. На 80-летие Елеке снова приехал и в своем поздравительном тосте, после всех высказанных теплых пожеланий, под аплодисменты гостей простил мне неуплату калыма и обещал больше не требовать от меня калым. Эти слова оказались пророческими. В январе 2011 года он погиб в автокатастрофе. Прощай мой дорогой друг, нам так не хватает твоего доброго сердца, рассудительных речей и радостного смеха. Пусть земля тебе будет пухом!

40. Юридическая академия

Образование юридической академии, как главной кузницы юридических кадров в Кыргызстане, было восторженно встречено юридической общественностью республики. Разговор о том, что нужно положить конец бессистемному возникновению юридических вузов на платной основе шел давно. Наконец, в 2003 году вышел указ Президента А.Акаева об образовании юридической академии (КГЮА) на базе Института переподготовки и повышения квалификации кадров при КГНУ (ИППКК). У его истоков стоял Чолпонкул Арабаев, который и стал ее первым ректором. После этого был закрыт ряд факультетов и институтов, занимавшихся подготовкой юристов в Бишкеке, Балыкчи, Оше и других местах.

Мы предлагали ректору оставить своим первым проректором бывшего руководителя института, профессора Б.Кубаева, как опытного организатора образования и науки. Но что-то не срослось.

Борис Хамитович Кубаев, как умный человек и талантливый менеджер, безусловно, понимал, что будущая академия будет создана именно на базе ИППКК при КГНУ, другой такой базы в республике не было. Отмечу личную заслугу в этом профессора Кубаева. Когда он возглавил свое «детище», там

ничего кроме старого здания и нескольких парт не было. За год или два до ожидаемого преобразования он потихоньку стал создавать базу под будущий вуз нового поколения. Им стал Институт стратегических информационных технологий в образовании (ИСИТО), где он стал директором и одним из учредителей.

Спустя почти 10 лет после описываемых событий, можно сказать, что под руководством доктора экономических наук, профессора, заслуженного работника образования КР Б.Х.Кубаева новый образовательный проект под названием ИСИТО успешно состоялся. Теперь это большой институт с контингентом студентов и материальной базой не меньшей, чем в КГЮА. Вот, что значит быть талантливым менеджером и организатором. Его таланты все же были признаны государством и он несколько лет проработал в качестве заместителя министра образования КР, где курировал высшую школу.

Работа Юридической академии постепенно налаживалась. Но тут грянула мартовская революция 2005 года. Это событие привело к активной смене в элите страны, в том числе и научной. Многие лишились своих постов как «пособники старого режима», в том числе и ректор КГЮА Ч.Арабаев, хотя надо признать, делить людей в 21 веке на «красных» и «белых», поверьте мне, прошедшему это чудовищно несправедливое сито, это форменная и откровенная глупость, удел недалеких и откровенно глупых людей. Жизнь показывает, что там и там немало жуликов и мерзавцев, поэтому выбор надо делать не по политическому окрасу или близости к телу, а по профессиональным и человеческим качествам.

Неожиданно, на арене КГЮА, претендентом на должность ректора появился молодой кандидат юридических наук, ученый секретарь диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций при КГНУ Канат Керезбеков. Еще не успело рассеяться наше удивление, как вышел Указ президента о его назначении и.о. ректора до избрания на эту должность. Многие, в том числе и я, стали гадать, что же теперь будет. Меня смущала

молодость претендента, сумеет ли он руководить таким большим коллективом, где немало амбициозных и высоко титулованных преподавателей. Я даже от волнения советовал ему призвать Кубаева первым проректором.

Однако время показало, что наши опасения были напрасными. Те обстоятельства, которые мы считали его слабостью - молодость, неопытность, малоизвестность и т.д., оказались плюсом. Первым делом он стал активно внедрять новые образовательные технологии в учебный процесс. Не стал, как это обычно делается накануне выборов ректора, тусовать колоду своими людьми или уговаривать голосовать за него. Задолго до предстоящих выборов коллектив убедился, что молодой ректор Канат Кerezбеков по профессиональным и человеческим качествам полностью соответствует должности ректора КГЮА, если не сказать большего. Поэтому выборы он выиграл честно, оставив далеко позади другого претендента.

Материальная база КГЮА с каждым годом росла и укреплялась, параллельно с улучшением учебного процесса и его качеством. Вуз стремительно растет и расширяется «как на дрожжах», не стоит на месте. Все это свидетельствует о том, что ректор работает, не ворует сам и другим не позволяет. Отсюда авторитет и уважение к нему. В 2010 году власть в стране снова переменилась, но ректор Канат Кerezбеков остался и это очень радует наш коллектив.

Считаю главным качеством Каната Кerezбекова как ректора: умение ценить и подбирать кадры. Он умеет быстро найти общий язык, создать коммуникации, несмотря на должности и регалии. Нельзя не отметить его высокий интеллект, он вдумчиво вникает во все проблемы, он не рубит с плеча, не торопит, все старается делать основательно и отлично, раз и навсегда.

Писать о других замечательных людях, работающих в КГЮА, не буду, так как цель моих воспоминаний иная, да и всех их не перечислишь. Мир держится на добрых людях и это абсолютная правда. Нетрудно представить, что было бы, если негодяев было больше.

41. Мои ученики

За более, чем 50 лет моей педагогической деятельности в различных вузах Кыргызстана и Казахстана, я обучил десятки тысяч будущих юристов, которые сейчас трудятся на благо своей родины. Из них многие посвятили себя служению юридической науке. Научным руководителем и консультантом я был в отношении более, чем 20 кандидатов и 5 докторов юридических наук. Будучи многие годы членом диссертационных советов по присуждению ученых степеней кандидатов и докторов юридических наук в КНУ им. Ж.Баласагына, КазГУ им. Аль Фараби, КРСУ, КГЮА, Академии МВД Республики Казахстан я был оппонентом более 60 докторских и более, чем 200 кандидатских диссертаций. Среди моих бывших студентов Карагандинского государственного университета им. Е.А.Букетова, где я работал с 1972 по 1980 гг. заведующим кафедрой уголовного права, четверо стали докторами, а 12 – кандидатами юридических наук. Из моих бывших студентов и дипломников я бы отметил наиболее известных государственных деятелей и ученых, как экс-Генеральный прокурор, экс-председатель Конституционного суда и экс-вице-спикера Жогорку Кенеша Кыргызской Республики Чолпон Турсуновна Баекова, депутата кыргызского парламента 4-го созыва, доктора юридических наук, профессора Лейлу Чынтургановну Сыдыкову и докторов юридических наук, профессоров Гаухар Рустемову, Еркина Жунусова, К.Айтхожина, С.Амандыкову, Н.Дулатбекова, Е.Кубелова (нынешнего ректора КарГУ). Из своих прямых учеников хотел бы отметить генерал-лейтенанта милиции, бывшего министра внутренних дел Кыргызской Республики Болота Ногойбаева, который под моим научным руководством защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию по проблемам наркотизма. Как ученый он сумел открыть новое направление в учении о наркотизме – наркономику. Из учеников также хотел бы особо отметить кандидата юридических наук Марию Саякову, в настоящее время работающую заместителем директора ИСИТО,

кандидата юридических наук Токой уулу Каната – директора института в КГЮА, кандидатов юридических наук Эркина Елюкеева, Бактыгуль Сарманову (дочь моего родного покойного брата Осмона), Азамата Мурзахметова и Канимета Бодобаева, которые ныне успешно работают в вузах нашей страны.

42. Дорогие соседи

Сейчас я живу в окружении моих добрых и мудрых соседей, с которыми мы живем в мире и согласии, как самые близкие и родные люди. Это люди разных возрастов и профессий. Карпек Алымкулов, мой тезка, доктор технических наук, профессор, известный ученый-машиностроитель и бывший директор Киргизского филиала Всесоюзного НИИ машиностроения, экс-депутат Жогорку Кенеша, а в настоящее время генеральный директор АО «Национальные электрические сети Кыргызстана»; Жанкороз Каниметов, доктор педагогических наук, профессор, трижды депутат Жогорку Кенеша, в настоящее время профессор Кыргызско-Турецкого университета «Манас»; Ишенбай Молдоташев, известный врач-кардиолог, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач республики и директор научно-исследовательского института, экс-депутат Жогорку Кенеша. Другие мои соседи значительно моложе нас, но тоже известные в стране люди, креативные и пассионарные личности, доказавшие свою состоятельность своими большими и добрыми делами. Среди них Эркин Салымбеков, успешный бизнесмен; Союзбек Салиев, дважды депутат Бишкекского городского кенеша, бывший аким Октябрьского района; Айбек Сыдыков, полковник милиции, начальник Свердловского РОВД; Руслан Акматбаев, известный финансист и крупный организатор банковского сектора экономики; Канат Эрматов, генеральный директор «Кыргызтамекиси». И в радости, и в трудности мы всегда вместе и живем как одна большая семья. Совместно и на справедливой основе решаем

все наши проблемы, связанные с благоустройством квартала, проведением праздников и юбилеев. Дай Бог им счастья и радости на все времена!

43. Моя семья

О своей семье, детях, внуках и правнуках, хочу остановиться более подробно, ибо они всегда были и есть основа, стержень моего брэнного бытия в этом сложном и противоречивом мире.

Как я уже писал, вступил в брак с моей супругой Анипой 9 августа 1953 года, почти 60 лет тому назад. Этот день – 9 августа значится в ее паспорте и как день ее рождения, что конечно для нас очень символично. В этот день она обрела свою родную семью, своих самых близких людей на этом свете. Я жил в доме моей матери, который находился по улице Иваницына во дворе мелиоративного техникума (напротив нынешнего ресторана «Достук»). Это был одноэтажный дом, разделенный на два хозяина, где у каждой семьи было по 2 комнаты. Нашей соседкой была русская бабушка с дочерью, работавшей таксистом. Свадьба наша состоялась в этой квартире. 27 марта 1954 года родился мой первый сын Айдар, которого я так назвал по просьбе моего друга, в то время композитора Акмата Аманбаева. Он написал оперу «Айдар и Айша», которая только что ставилась в Театре оперы и балета. Имя это в то время считалось редким. Наша общая радость рождению сына была несколько омрачена тем, что он родился недоношенным 7-месячным ребенком. Когда его выписали из роддома, врач сказала мне что, если ваш дом без коммунальных удобств, то обязательно приобретите электрогрелку, иначе, ваш малыш не выживет. Время года было еще прохладным, а печное отопление не обеспечивало дом достаточным теплом. Поэтому, как бы мы ни кутали малыша, он мерз и плакал. Моя мать даже сшила ему маленькую телогреечку с шапочкой из верблюжьей шерсти. Она любила шитье и таким образом практически обшила всех своих многочисленных внучат.

На следующий день я бросил работу и пошел искать по всем магазинам электрогрелку. Но нигде такого товара не было. Меня хорошие люди надоумили обратиться к аптекарям. Я пошел прямо в республиканское аптекоуправление к его начальнику тов. Пахману, которого знал по работе в прокуратуре, и рассказал ему про свои мытарства. Он посочувствовал мне и пообещал помочь. Тут же при мне дал поручение поднять документы и по ним установили, что искомые электрогрелки поступили на склад аптекоуправления, находившийся на станции Пишпек. Я помчался туда и разыскал заведующую складом. Она сказала, что если электрогрелки у нее действительно еще в наличии, то только вот под этими тюками с ватой, для чего их нужно перенести на другое место, достать грелки и опять вернуть на место тюки. Я согласился. Быстро нанял за соответствующее вознаграждение 6 грузчиков и привез их на склад. Под этими тюками мы нашли одну коробку с 10 электрогрелками, из которых в рабочем состоянии оказалось лишь две.

Мы быстро научились пользоваться электрогрелкой, и Айдар стал меньше плакать. Моя мать, жена и я дежурили посменно, чтобы электрогрелка не перегрелась и не нанесла ожоги. В конце концов я решил переехать на новое место, так как постоянное недовольство моей матери к жене и даже ко мне, вынудили меня поменять обстановку и начать самостоятельную жизнь. Мать не возражала, она оставалась с моим младшим братом художником Осмонбеком Курмановым. Как я уже писал, моя мать была неграмотная, но умудренная тяжелой жизнью женщина. Оставшись без мужа, с тремя детьми на руках, она вынесла на своих плечах все тяготы войны и репрессий. Жизнь заставила ее радикально измениться, иначе было невозможно выжить. Она стала строгой и требовательной, скажу дальше больше, придирчивой к себе и другим, а это, как известно, многим молодым не нравилось.

Вначале мы жили на квартире, во времянке у какой-то нашей родни, затем переехали на квартиру к одному знакомому чеченцу, моему бывшему клиенту. Айдар уже подрос и достиг нормы 9-месячного ребенка. Однажды моя жена

говорит мне, что ее мать Капаш просит, чтобы мы отдали Айдара ей на воспитание, она хочет увезти его к себе в Талас, в село Бакаир. Я очень уважал свою тещу, она была и всегда останется в моей памяти образцом подлинной матери и женщины, и потому согласился. Анипа была ее единственной дочерью, а после смерти мужа она так и не создала новой семьи, занималась воспитанием детей братьев мужа. Айдар был для нее родной кровинушкой и я это быстро понял и высоко оценил. В тот же день она собрала Айдара в дорогу и на поезде уехала в Талас.

Моя мать сначала возражала этому решению, упрекала меня в том, что я отдал своего первенца в другие руки. Но со временем свыклась и пообещала забрать моего второго сына. Я, естественно, пообещал исполнить ее желание. На следующий год, 3 июня 1955 года у меня родился второй сын, которого я назвал Зайнидин, по имени моего родного дяди, расстрелянного в 1934 году как «враг народа» по делу Социал-Туранской партии. Незадолго до этого у моего брата Юсупа тоже родился сын, которого он назвал Султаном, тоже в честь нашего дяди, расстрелянного в 1937 году.

Когда Зайнидину исполнился один год, я как и обещал, предложил своей маме забрать его. Но она отказалась по причине нездоровья. Зайнидин рос любознательным, добрым, отзывчивым и не капризным ребенком. Он родился уже в нашей коммунальной 2-комнатной квартире по улице Панфилова 183, которую я получил можно сказать чудом. Там я прожил 17 лет до своего отъезда в Караганду. Ежегодно, летом я с женой и сыном ездили в село Бакаир на отдых. Это было горное село, где родилась знаменитая на весь мир айтматовская Джамиля. Там Айдар и Зайнидин встречались, играли и резвились. Росли они очень дружными ребятами и такими же остались спустя десятилетия.

Меня в Бакаире, где жили близкие и дальние родственники моей супруги, всегда встречали радушно, с большим уважением и почетом. Со многими из

них я дружил и поддерживал добрые отношения, помогал всем, чем мог, когда они обращались за помощью. Это были взаимные чувства и отношения.

Однажды, во время очередной поездки в Бакаир, с нами случилось опасное приключение. С моим бывшим клиентом Топчубеком Баялиновым (впоследствии доктором исторических наук, профессором) на его новенькой «Волге» мы решили навестить моих родственников. Анипа с детьми была уже там. Не помню года, кажется, в это время чеченцы после их реабилитации, уезжали на родину. В багажник автомашины, как обычно, загрузили овощи, фрукты, конфеты, подарки родне. Из Фрунзе выехали рано утром, чтобы засветло доехать до места назначения. До поселка Мерке доехали благополучно, без всяких приключений. Но как только мы выехали оттуда, за нами началась погоня на автомашине, набитой чеченцами с ружьями. Интересно, что на обычно очень оживленной трассе Фрунзе-Джамбул в это время не оказалось ни одной автомашины, кроме нашей. Наша «Волга» была новой машиной и неслась со скоростью 120 км в час. Чеченцы отставали, ехали медленнее, километров 80-100, не меньше. Когда мы доехали до какого-то населенного пункта, Топчубек прямо направил машину во двор одного из домов, ворота которого были открыты настежь. Заехав во двор, он выскочил из машины и закрыл ворота. С улицы нашей машины не было видно. Из-за закрытых ворот мы стали наблюдать за преследователями. Они проехали мимо, затем через некоторое время вернулись, но не увидели нас. А может быть, не решились учинять разбой в населенном пункте среди бела дня? Хозяин дома, куда мы заскочили, оказался казахом. Его семья была в страшном переполохе от неожиданного вторжения. Но когда мы рассказали им о погоне, то они были рады тому, что все закончилось благополучно. И предложили, подальше от греха, переночевать у них. Мы согласились, угостили радушных хозяев тем, чем богаты, а утром благополучно уехали. В Бакаире, куда мы только что приехали, были повсюду видны следы только что прошедшего селя. Узнав про

наши приключения, куда-то по обычаю «туло» зарезали барана и пожелали нам добра и долгой жизни.

Другой интересный случай имел место здесь же. Он был похож на тот, который произошел со мной в Китае в 1948 году. Самый уважаемый аксакал и молдо айла Шайды разрешил оседлать для меня свою лошадь, которую никому и никогда не давал. И в том, и в другом случае, оба почтенных старца сделали для меня исключение по той причине, что видели во мне прямого отпрыска манапа Курмана Лепесова, видели во мне равного себе.

Айдар и Зайнидин поступили в первый класс Фрунзенской средней школы №6, что находилась на бульваре Дзержинского, одновременно. К этому времени Айдар приехал с намерением учиться и жить в городе. Учительницей у них стала Ольга Андреевна Андриевская, которая на счастье детей, оказалась очень умной, требовательной и строгой учительницей. Мы и сейчас вспоминаем ее добрыми словами и с теплым чувством. К сожалению, Айдар не выдержал строгости и требовательности Ольги Андреевны, и через полгода попросился назад в Бакаир. Я разрешил ему уехать, понимая как ему трудно в школе с русским языком обучения, который он вообще не знал. Он вернулся обратно только через 7 лет.

Зайнидин учился хорошо. Я не помню случая, чтобы мы напоминали ему о необходимости готовиться к урокам. Уже тогда он был очень ответственным и собранным мальчиком, все делал самостоятельно, без укоров и напоминаний. Уже в 3-4 классе он стал приносить книги из библиотеки и читал их в свободное время запоем. Особенно он любил историческую и приключенческую литературу. Моя жена вместе с ним перечитала гору исторических романов про Спартака, Ганнибала, Александра Македонского, Чингиз-хана, Тамерлана, Степана Разина, султана Баязета, империю Ахеменидов, древнюю Грецию, Рим, Индию, Китай и т.д. Будучи учеником 5-го класса, он стал строгим и требовательным наставником своей младшей сестры Гульнары, когда она пошла в школу.

По приезду домой Айдар поступил в 8-й класс средней школы № 5 с кыргызским языком обучения, которую окончил с хорошими отметками. Зайнидин тоже закончил школу № 6 на «хорошо» и «отлично». Я очень гордился тем, что по-русскому языку и литературе у него всегда были высокие отметки, а писал он по-русски так, как дай бог каждому русскому.

В школьные годы они активно увлекались спортом, Зайнидин параллельно научился хорошо играть и петь на гитаре. С увлечением собирал марки, старые и иностранные монеты, музыкальные пластинки. Особых достижений он достиг в тяжелой атлетике, был членом молодежной сборной г.Фрунзе, затем республиканской молодежной сборной. Часто ездил на соревнования в различные города Союза и республики, занимал высокие призовые места. Тренировался он вместе с Каныбеком Осмоналиевым, будущим и единственным на сегодняшний день Олимпийским чемпионом из кыргызов. Во время учебы в ЛГУ им. А.А.Жданова стал чемпионом университета, чем был очень горд. Хорошие достижения он имел также в гандболе и настольном теннисе. Айдар тоже тренировался вместе с ним, но потом ушел на вольную борьбу, куда его переманили одноклассники.

После окончания школы встал вопрос - куда пойти учиться? Делать из них юристов, чтобы они пошли по моим стопам, я, честно говоря, не хотел, насмотревшись досыта всего того негатива, что происходило в этой сфере деятельности. Поэтому Айдару посоветовал поступить на экономический факультет, он туда и сам стремился. А Зайнидину посоветовал поступить на исторический факультет, принимая во внимание его склонность к истории. Об этом же меня попросил мой друг Бейманалы Чокушев, который обещал воспитать из него большого ученого - доктора наук, профессора. Но Зайнидин не соглашался идти на истфак. В старших классах он серьезно увлекся точными науками – математикой, физикой, химией и достиг в школе по ним больших успехов, хотел продолжать любимое занятие. Я и сам ему часто в детстве говорил - нажимай на точные науки, за ними будущее и он это хорошо

понимал. Несмотря на его отчаянное сопротивление, моя жена по моему поручению отнесла его документы на истфак лично в самый последний день приема документов.

Айдар сдал вступительные экзамены по экономике с проходным баллом, но почему-то не попал в список зачисленных абитуриентов. Когда он пришел в приемную комиссию забирать документы, то один молодой преподаватель посоветовал ему сдать документы в конфликтную комиссию. Комиссию возглавлял ректор С.Табышалиев и он был удивлен: «Я уже подписал приказ о зачислении Курманова, кто же этот? Ему объяснили, что тот Курманов Зайнидин - он поступил на истфак, а этот второй - Курманов Айдар, его брат, поступает на экономический факультет. Тогда Табышалиев сказал Айдару: «Ты давай, дорогой, поступай на специальность «экономика труда», а не «экономика сельского хозяйства», ты же городской парень, в сельском хозяйстве не разбираешься». Так, в конце концов, и вышло, он стал учиться по предложенной ему специальности. Когда же я стал уточнять имя того благородного преподавателя, который спас Айдара от отчисления, он не смог назвать его имени, так как не знал его. Позже я узнал имя этого ангела хранителя моего сына. Им оказался Мукаш Исраилов, ныне доктор экономических наук, профессор. При встрече он сказал мне, зная, что вы в отъезде решил помочь вашему сыну, когда его хотели незаконно отчислить при наличии проходного балла. Так мог поступить только такой замечательный человек как Мукаш Исраилов. Я ему премного благодарен за доброту и порядочность.

Студенческие годы Айдара и Зайнидина прошли, я бы сказал, для меня более или менее гладко, без всяких приключений. После третьего курса летом ко мне в Караганду вдруг звонит Зайнидин и говорит, что на историческом факультете открылась вакансия для продолжения учебы в Ленинградский университет, можно ли ему подать документы? Я, конечно, поддержал его. Когда он приехал, чтобы отправиться в Питер, он рассказал, как все случилось.

По своим делам он пришел на исторический факультет и неожиданно повстречался с моим другом Бейманалы Чокушевым, который завел его в свой кабинет и сказал: «Есть одно горящее место в ЛГУ. Поедешь?». Зайнидин ответил ему, что подумает. В ответ Бейманалы сказал ему: «Что тут думать, дурак, давай собирай документы и быстро на собеседование в Министерство образования к начальнику Управления вузов Ш.Керимбаеву». В министерстве он побывал у Шаршена Керимбаева, тот проверил его успеваемость и дал добро с напутствием, хорошо учиться и оправдать доверие республики.

Еще раньше, до поступления в КГУ, Зайнидин часто говорил мне, что хотел бы учиться в ЛГУ, либо в МГУ. Я поддерживал его здоровые амбиции, хотя понимал, что устроиться туда невозможно, так как эти места всегда перепали блатным, многие из которых с позором потом возвращались домой, отчисленными за неуспеваемость. Мне, простому доценту, пробить ему место было не под силу, а Зайнидин понимал это и не настаивал. И я был благодарен ему за его тактичность. Успокаивая его самолюбие, а в Москве и Ленинграде учились его закадычные друзья и замечательные ребята Жоомарт Оторбаев, Джаныбек Адышев и Малик Нурбеков, которые, видимо, оттуда его активно подзанивали, я ему тогда советовал, если будешь учиться на «отлично», то всегда будет возможность перевестись и учиться в центре. Так и получилось. В 1975 г. он стал студентом 3-го курса исторического факультета ЛГУ с понижением на курс, так как была большая разница в экзаменах и зачетах. Сочетал учебу с работой, сам зарабатывал деньги, как в свое время делал я. С Анипой мы даже разок побывали у него в гостях, где я показал им места своей молодости. Было очень приятно почти через 25 лет снова увидеть незабываемый город моей юности. Потом он закончил учебу и приехал работать в Карагандинский медицинский институт. Ну, про остальное, наверное, он сам напишет в своих мемуарах. На радость нам, он оправдал наши родительские ожидания. Ныне он известный ученый, политик, человек с большой буквы. Автор 28 книг. Доктор исторических наук, профессор,

заслуженный работник образования, академик Академии истории и обществоведения Казахстана, депутат двух созывов национального парламента, а в 2009 г. единогласно был избран Торага (спикером) Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 4-го созыва.

Зайнидин вырос очень внимательным и заботливым сыном. Все свои достижения, как он говорил нам, он посвятил мне с Анипой, чтобы продлить наши счастливые годы, оправдать наши высокие надежды и доверие предков.

Несколько слов о его близких друзьях, которые стали хорошими людьми и высококвалифицированными специалистами. Друзья ранней юности Жоомарт Оторбаев стал мировой научной светилой, доктором физико-математических наук, профессором, член-корреспондентом НАН Кыргызстана, первым вице-премьером правительства Кыргызстана. Джаныбек Адышев работает профессором в Чикагском университете в США, по профессии микробиолог и генетик. Малик Нурбеков трудится в Москве, доктор биологических наук.

В годы студенчества Зайнидин подружился с несколькими ребятами, которые впоследствии стали его близкими друзьями. Один из них Медет Садыркулов - известный политик, дважды работавший руководителем администрации президента и трагически погибший в 2009 году от рук наемных убийц. Аскар Джакишев стал доктором исторических наук, профессором КРСУ. Эркин Мамкулов – Чрезвычайный и Полномочный посол Кыргызстана, Анвар Аюпов – оба кандидаты исторических наук. Сувакун Бегалиев (мы его называли Саид) был один из его самых близких друзей – кандидат исторических наук, доцент, замечательной и поэтической души человек. Его тоже, к несчастью, сейчас уже нет с нами. Другой друг Мурат Шаршенов работает доцентом в сельхозакадемии.

Среди друзей Зайнидина люди разных возрастов и профессий. Но все они очень замечательные и порядочные люди. Среди них доктор Эрнст Хашимович Акрамов, великий гуманист и человек высочайшей внутренней культуры, профессор, заслуженный деятель науки и заслуженный врач республики,

народный депутат СССР и Жогорку Кенеша, Герой Кыргызстана; экс-депутаты Жогорку Кенеша Лейла Сыдыкова – сильнейший в стране и далеко за ее пределами юрист, доктор юридических наук, профессор; Орзубек Назаров – семикратный чемпион мира по профессиональному боксу; Галина Куликова, ответсекретарь партии «Моя страна». Особо хотелось бы отметить Досмира Узбекова, когда-то первого заместителя министра по делам миграции, а затем первого заместителя председателя ГКНБ; Кубатбека Норусбаева, полковника милиции, начальника Главного следственного управления МВД республики, Талайбека Исманова, кандидата исторических наук, доцента МУКа, известного политолога, доцента Мурата Суюнбаева и др.

Отдельно хотелось бы выделить замечательных казахских друзей- ровесников Зайнидина, с которыми его связывает более, чем тридцатилетняя дружба. Это видный ученый и общественный деятель Казахстана, доктор исторических наук, профессор, академик Буркутбай Аяган, ныне директор Института государства Министерства образования и науки Казахстана в Астане; известный ученый и политик Камал Бурханов, доктор политических наук, профессор, депутат Мажилиса Парламента РК 2-х созывов и другие.

Мой старший сын Айдар может, не достиг таких высот, как младший, но я горжусь им не меньше, чем Зайнидином, если не сказать большего, так как в его лице я вырастил человека большой и светлой души. Как правильно считает великий мыслитель и ученый Лев Николаевич Гумилев, создатель пассионарной теории этногенеза, этносы и их менталитет формируются в соответствующей географической и климатической среде. Айдар родился в Бишкеке, но вырос в деревне «Бакаир» Таласской области и по-деревенски остался добродушным и благожелательным человеком, чем многие пользовались в своих личных корыстных интересах. Он так и не стал городским до конца, как Зайнидин, хотя и деревенским назвать его тоже нельзя, застрял между двумя культурами, двумя центрами, как, впрочем, и все мы - евразийцы. Отсюда и пассионарности у него было поменьше, иными словами личных

амбиций, чем у сельских жителей, стремившихся в город. Ему не надо было идти, как некоторые другие деревенские кыргызы, по головам. Фрунзе тоже был его родной стихией и его не надо было ему завоевывать. Здесь все было свое, родное, - и родительский дом, и семья.

В одно время он достиг очень высоких результатов на государственной службе, в профсоюзах, в бизнесе... В 26 лет уже был начальником отдела Государственного комитета Киргизской ССР по труду, а в 29 - членом коллегии госкомитета. В советское время таких карьерных высот среднестатистический чиновник достигал ближе к пенсии. Печатал свои аналитические статьи в главном печатном органе ЦК КП Киргизии «Советская Киргизия», где доступ простым смертным был закрыт. Ему предсказывали большое будущее. Но он все бросил и занялся научной деятельностью, где тоже преуспел. Видимо, это наша семейная черта, особенность. В настоящее время он кандидат юридических наук, профессор, заведует кафедрой уголовно-исправительного права и криминологии КГЮА. Несколько лет подряд был признан лучшим лектором-преподавателем нашей юракадемии.

Моя настоящая гордость - дочь Гульнара Курманова. Она с отличием закончила юридический факультет МГУ. Последней отличницей с дипломом МГУ была в 60-х годах Сакен Кыдыралиева, сокурсница М.С.Горбачева и супруга бывшего секретаря ЦК КП Киргизии Кенеша Кулматова. В настоящее время Гульнара работает судьей в Ленинском районе г.Бишкека и считается одним из самых компетентнейших в республике судей. Говорю это со слов знающих ее людей. Гульнара тоже занимается наукой, опубликовала две монографии и десяток статей в научных журналах.

Ну и, конечно же, скажу в заключение несколько слов о моих дорогих внуках и правнуках. Ведь это будущее нашей семьи, продолжатели семейных традиций, уходящих вглубь истории. У меня 5 внуков – от Зайнидина, он женился и обзавелся детьми раньше всех, Ильяс и Малика, от Айдара – Азим, от Гульнары – Акинай и Акбар.

Самый первый внук Ильяс, воспитывался на моих руках и по праву считается моим младшим сыном. В отличие от отца Зайнидина, он пошел по моим стопам и стал юристом, закончил в 2001 г. юрфак КРСУ и готовится сейчас к защите кандидатской диссертации по политологии.

Внучка Малика с отличием закончила в 2003 г. юрфак КРСУ и в 2009 г. стала кандидатом юридических наук, совмещая учебу и работу в рекламном бизнесе.

Внук Азим тоже пошел по моим стопам, закончил юрфак Восточного университета им. Кашгари со знанием арабского языка, изучает влияние исламского права на отечественное право, заочно учится в Дипломатической академии МИД КР и тоже пишет кандидатскую диссертацию по международным отношениям.

Акинай закончила европейско-кыргызский факультет КГНУ, по специальности экономист, свободно владеет английским и французским языками, тоже подумывает о научной карьере. Сейчас работает менеджером в частной компании. Ну и самый младший внук Акбар - студент юридического колледжа при КГЮА.

Помимо них у меня сейчас 7 правнуков, по старшинству – Бермет, Дениз, Амаль, Абай, Айсунуу и самые маленькие - Раяна и Саадат. Кто-то из них учится в школе, а кто-то еще числится в дошколятах. Дай Бог, чтобы их жизнь сложилась счастливо, не так как она сложилась у нашего старшего поколения, пережившего ужасы сталинизма и его последствий, второй мировой войны. Моя книга также обращена к моим дорогим внукам и правнукам как напутствие, чтобы они были достойными гражданами нашей страны, чтобы они приумножали славу нашей семьи, нашего народа и государства! И помнили мои пожелания всегда и везде, где бы они ни были, каких бы достижений не достигли! И передали мои напутствия своим потомкам!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

Курманов Карпек Шамсединович — известный советский, киргизский и казахский ученый-юрист, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Киргизской Республики, один из патриархов национальной юридической науки Киргизстана.

Биография

Родился 30 июня 1928 г. в с. Кызыл-Туу Жумгалского района Нарынской области Киргизской ССР в семье служащего.

До 12 лет учился в сельской школе с.Кызыл-Туу.

В 1940—1942 гг. учился в Джамбульском железнодорожном училище, где получил специальность помощника машиниста.

До 1944 г. работал помощником машиниста на Алма-Атинской железной дороге в г. Фрунзе.

В 1944 г. экстерном заканчивает Георгиевскую среднюю школу Курдайского района Джамбульской области Казахской ССР и до окончания войны в 1945 г. работает заведующим мобилизационным отделом Курдайского райисполкома.

В 1945-1949 гг. учится на очном отделении сначала Алма-Атинского, а затем Ленинградского юридического института им. М.И.Калинина, образованного в 1930 г. на базе юрфака ЛГУ и снова слившегося в 1954 г. с юридическим факультетом Ленинградского государственного университета имени А.А.Жданова. После окончания института 14 лет проработал на ответственных должностях в органах Прокуратуры, министерств торговли, юстиции и адвокатуры Киргизской ССР.

В 1961 г. участвовал в качестве адвоката в скандальном судебном процессе по так называемому «делу трикотажников». Это дело, легшее черным пятном в истории «хрущевской оттепели», отмечен инициированием первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым Никитой Сергеевичем Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. о введении смертной казни за хищение

государственного или общественного имущества в особо крупных размерах и за изготовление поддельных денег. «Расстрельному Указу» была придана обратная сила. И в соответствии с ним были казнены десятки людей, арестованные до издания Указа. Невиданная со времен инквизиторов средневековья казнь людей путем придания закону обратной силы вызвала большие протесты мировой общественности. Профессор-историк Ч.Жакыпова документально установила, что жертвами этого средневекового Указа стали 21 фрунзенец, которые были арестованы в апреле 1961 г. и расстреляны «в соответствии» с майским Указом того же года. Против этого процесса протестовал только Бертран Рассел, до которого в 1963 г. дошли сведения о фрунзенском судебном процессе. По «делу трикотажников» одновременно десятки людей получили различные сроки лишения свободы. Увы, этот юридический казус не распутан по сей день. Верховный суд СССР, вынесший приговор с применением дикого принципа «обратной силы закона», более не существует. А Верховный суд Киргизской Республики 22 июля 1999 г. рассмотрел представление Генерального прокурора КР по делу одного из главных обвиняемых, Бекжана Дюшалиева, и оставил расстрельный приговор от 13 июля 1962 г. в силе: «Мера наказания определена с учетом степени виновности Дюшалиева, общественной опасности содеянного им и его личности».

В 1963 г. приобретя большой опыт практической работы поступил в очную аспирантуру юридического факультета Киргизского государственного университета, ныне Киргизского национального университета имени Ж. Баласагына, которую успешно окончил, защитив в 1967 г. первую кандидатскую диссертацию в СССР на тему уголовной ответственности в борьбе с наркоманией под грифом "для служебного пользования", ибо тема исследования носила закрытый в СССР характер.

В 1991 г. защитил первую докторскую диссертацию в СССР по проблематике борьбы с наркотизмом.

С 1967 по 1972 гг. работал ученым секретарем, старшим преподавателем юридического факультета КГУ.

В 1972-1980 гг. по личному приглашению первого ректора только что открывшегося Карагандинского государственного университета, академика АН Казахской ССР Е.А.Букетова вместе с коллегами из других республик Союза ССР создавал новый юридический факультет университета, где он проработал доцентом, зав. кафедрой и деканом.

В 1981-1983 гг. доцент юридического факультета КГУ, ныне Киргизского национального университета имени Ж. Баласагына.

С 1984 по 1993 гг. трудился в Национальной академии наук Киргизской Республики в должности старшего научного сотрудника, заведующего сектором и заведующего отделом сначала Института философии и права, а затем Института государства и права.

В 1995 г. присвоено звание профессора.

С 1993 по 2003 гг. работал заведующим кафедрой уголовного права в Институте переподготовки и повышения квалификации кадров Киргизского национального университета имени Ж. Баласагына, а также по совместительству заведовал кафедрой уголовного права в Киргизском государственном университете им. И.Арабаева и кафедрой правоведения в Восточном университете им. М.Барскауни.

В 2004 г. за высокий вклад в развитие юридической науки и подготовку юридических кадров присвоено звание «Заслуженного деятеля науки Киргизской Республики».

С 2003 по 2009 гг. зав. кафедрой уголовного права Киргизской государственной юридической академии (КГЮА).

С 2000 г. по настоящее время является приглашенным профессором кафедры уголовного права и процесса Киргизско-Российского Славянского университета.

С 2009 г. — советник ректора Киргизской государственной юридической академии, профессор кафедры по совместительству и в настоящее время - научный консультант кафедры.

В 2009 г. за большой вклад в развитие юридической науки и образования награжден высшей наградой страны орденом «Манас».

В 2007 г. в КГЮА открыт кабинет-музей им. профессора К.Ш.Курманова.

Его именем названа одна из улиц в г.Бишкека.

Научная деятельность

Курманов К. Ш. является автором более 100 научных публикаций, в том числе автором и ответственным редактором фундаментального учебника «Уголовное право КР ч. Особенная» и "Уголовное право КР часть «Общая» и «Особенная», пережившего 6 изданий.

Подготовил 7 докторов и 20 кандидатов наук.

Награды и звания

2009 год - орден «Манас» 3 степени

Медаль «За доблестный труд в годы ВОВ в тылу»

Медаль «Ветеран труда СССР»

Медаль «65 лет победы в Великой Отечественной войне»

2004 год - «Заслуженный деятель науки Киргизской Республики»

Отличник юстиции Киргизской Республики

Отличник образования Киргизской Республики

Лауреат премии им. профессора Р.Тургунбекова

Почетный профессор Чуйского университета

Почетный профессор Академии МВД Киргизской Республики

Почетный профессор Киргизской государственной юридической академии

Почетный доктор Восточного университета им. М.Барскауни (Кашгари)

Почетный профессор Кыргызского государственного университета им. И.Арабаева

Персональный пенсионер за особые заслуги перед Киргизской Республикой

Родные и близкие

Супруга — Курманова Анипа, юрист по образованию, пенсионер

Старший сын — Курманов Айдар, 1954 г. рождения, кандидат юридических наук, профессор, зав. кафедрой Киргизской государственной юридической академии

Сын — Курманов Зайнидин, 1955 г. рождения, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Киргизской Республики, спикер Жогорку Кенеша Киргизской Республики 4-го созыва.

Дочь — Курманова Гульнара, с отличием закончила юридический факультет Московского государственного университета имени М.Ломоносова, судья Ленинского районного суда г. Бишкека

Научные труды

- Курманов К. Наркомания: уголовно-правовые и криминологические проблемы. — Фрунзе: Илим, 1989.- 1000 экз.
- Курманов К. Уголовное право Кыргызской Республики (Общая часть). Учебник для вузов. — Бишкек, 2004.- 1000 экз.
- Курманов К. Уголовное право Кыргызской Республики (Общая часть). Изд. 4-е с измен., доп. Учебник для вузов. — Бишкек, 1998. — 229 с. — 2000 экз. — ISBN 9967-401-12-x
- Курманов К. Уголовное право Кыргызской Республики (Часть особенная). Учебник для вузов. Бишкек, 2000.- 2000 экз.
- Курманов К. Квалификация преступлений: теория и практика. Бишкек: ИД «Наука и образование», 2001.- 101 с. — 700 экз.- ISBN 9967-02-054-7
- Курманов К. Ш., Сыдыкова Л. Ч., Шаршеналиев А. Ш. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Кыргызской Республики. — Бишкек: ИД «Наука и образование», 2003. — 746 с. — 4000 экз. — ISBN 9967-02-220-5
- Курманов К. Наркотики: преступление, профилактика. - Бишкек: КГЮА, 2005.
- Курманов К. Кылмыш-жаза укугу боюнча тушундурмо создук.- Бишкек: Наука и образование, 2002. - 172 б.

Ссылки

- Асанов У. А., Жуманазарова А. З., Чоротегин Т. К. Кто есть кто в кыргызской науке: Краткий биобиблиогр. справочник докторов наук Кыргызстана / Под ред. акад. У. А. Асанова. — Бишкек: Гл. ред. Кыргызск. энциклопедии, 1997. — С. 351
- Кыргызская наука в лицах / У.Асанов и др. — Бишкек: Гл. ред. энциклопедии и гос. языка, 2002. — С.299
- Казахстан. Национальная энциклопедия. Т.5 / Гл. ред. Б.Аяган. — Алматы: Гл. ред. «Казак энциклопедиясы», 2006. - С.504
- Нарын облусу. Энциклопедия. - Бишкек: Гл. ред. Кыргызск. энциклопедии, 1998. - С.274
- Жакыпова Ч.Ш. Конфискация жизни / Худож. А.Н.Карпов. — Бишкек, 1999. — С.16-20
- Кerezбеков К.К. Укук тармагында Курмановдордун династиясынын орду / Вестник Киргизской государственной юридической академии. - 2008. - № 2. - С.4-6
- Бейшембиев Э.Дж. Девиз профессора Курманова К.Ш. «за жизнь без наркотиков» / Вестник Киргизской государственной юридической академии. - 2008. - № 2. - С.8
- Илим кудуретине ишеничи терен инсан / Кыргыз туусу. - 2006. - № 27

Негромкое свободомыслие Карпека Шамсединовича⁸

Отзыв на книгу «Исповедь юриста»

Книга известного юриста, заслуженного деятеля науки Карпека Шамсединовича Курманова написана в жанре очерков и очень искренне. Я не буду делать обстоятельный обзор всех аспектов и сюжетов книги, а остановлюсь только на том, на что обратил внимание лично я.

Прежде всего, это автобиография свидетеля становления и крушения советской цивилизации и ее издержек в виде сталинизма и развитого социализма. Это беспристрастный, но не равнодушный документ эпохи. Он содержит в себе глубокие и ценные рассуждения о нашем прошлом и будущем. Этим книга напоминает мне «Размышления» – личные записи римского императора Марка Аврелия Антонина, сделанные им 19 веков назад – в 70-е гг. второго века нашей эры. Это произведение позволяет наблюдать не столько даже личную жизнь, сколько напряженную личную работу над собой.

Оба автора через призму своей личной истории раскрывают историю своей эпохи и этим интересны и будут интересны.

От моего деда я унаследовал сердечность и незлобивость. От славы моего родителя и оставленной им по себе памяти – скромность и мужественность. От отца – кротость и непоколебимую твердость в тщательно обдуманых решениях, отсутствие интереса к мнимым почестям, любовь к труду и старательность.

От богов – то, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родичи, друзья, почти все. И то, что я никого из них ничем не обидел, хотя у меня есть такая склонность, и при случае я мог бы это сделать. М. Аврелий

Книга Карпека Шамсединовича Курманова подкупает своим ненавязчивым, я бы сказал, негромким свободомыслием. Не в смысле обличения власти и все такое. А в смысле свободы от стереотипов, штампов, условностей. Вообще, это поразительно: свободомыслие, идущее из глубин несвободной эпохи...

⁸ См.: Общественный рейтинг. – 2013. - 12 дек.

Он пишет, что есть и как есть, не подстраивается под то, как это воспримет «прогрессивная общественность». Он не обходит стороной неудобные темы типа «лиц еврейской и кавказской национальности», бытовой коррупции в советское время, «которой не было». Но и пишет об этих темах неудобно для обывателя и интересно для думающих людей.

Карпек Шамсединович практически никого не обвиняет и не поучает. Это также роднит его со стоицизмом Марка Аврелия. Единственно, что поучает в книге, – это личный пример ее автора.

Больше вообще не рассуждать, каков там достойный человек, но таким быть. М. Аврелий
--

Эту книгу я воспринимаю как обращение свободного человека несвободной эпохи к несвободным людям свободной эпохи. Хотелось бы, чтобы молодежь, прочитав её, также обрела негромкое свободомыслие, которого так не хватает сейчас нашему обществу и стране.

Автор прошел через трудности и лишения периода середины двадцатого столетия, сохранив не только нравственное, но и физическое здоровье. Долгих лет ему жизни.

И то, что я настолько еще сохранил свое здоровье при такой жизни. М. Аврелий
--

Мурат Суюнбаев,
профессор КРСУ

12 декабря 2013 г.